

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина святая!
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ 13 іюня 1857 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I-го.

Отъ 1670 до 1676 года.

(Періодъ 6 лѣтъ.)

Живо представляю себѣ, какъ обрадуются всѣ маленькіе друзья мои; прочитавъ названіе этой главы, увидѣвъ это имя, славное, великое, равно прославляемое Рускими и въ раззолоченныхъ палашахъ вельможъ ихъ и въ бревенчатыхъ домикахъ крестьянъ. Такъ, любовь къ Петру одинакова не только во всякомъ званіи народа нашего, но даже мнѣ кажется и во всякомъ

Часть IV.

возрастѣ. Скажите, кто изъ маленькихъ читателей моихъ еще не знаетъ Его, и не желаетъ слышать все, что рассказываютъ о немъ? О! въ этомъ случаѣ не уступятъ имъ и читательницы мои! Это уже не то, что длинный рассказъ о Малороссійскихъ казакахъ! Посмотрите какое любопытство приметно на лицахъ ихъ! Съ какимъ ожиданіемъ свѣшлые глазки ихъ смотрятъ на того изъ старшихъ братьевъ, который, чтобъ удовлетворить общему желанію маленькаго собранія, обѣщавъ прочитать вслухъ эти страницы о Петрѣ, и если бы онъ не принялся скоро за дѣло, — неперпѣливыя дѣвочки, вѣрно взяли бы изъ рукъ его книгу и начали бы сами читать ее. Но удивительно ли это неперпѣніе ихъ, — вѣдь онѣ Рускія дѣвочки — когда и всѣ иностранные народы, и всѣ умнѣйшіе писатели этихъ народовъ не могутъ надивиться нашему незабвенному Петру, и всѣ въ одинъ голосъ называютъ Его самымъ великимъ Государемъ? Послѣ того, какъ

же можно намъ, Рускимъ, для счастія копорыхъ ПЕТРЪ посвящалъ каждый часъ своей славной жизни, какъ можно намъ менѣе восхищаться Имъ? Такъ, мои милыя малюпки, ваше неперіѣнне очень справедливо, и я сожалью, что не могу въ эту же минуту удовлетворишь его, не смотря на обманчивое названіе этого сказа! Еще не настало время начать исторію ПЕТРА: будущій герой Россіи, вмѣстѣ съ будущимъ величіемъ ея, еще покоишся въ дѣтской колыбели; младенческіе взоры Его еще не зажглись огнемъ генія; маленькія ручки еще не чертятъ плановъ завоеванныхъ земель и новой столицы, но безпечно играютъ жемчужными нитками, обвиняющими шею молодой красавицы, нѣжно наклонившейся надъ Его колыбелью. Но ктожъ эта счастливица, такъ сладко улыбающаяся младенцу ПЕТРУ? Не такъ ослѣпительный блескъ царской одежды Ея, какъ очаровательно счастіе, блистающее въ прекрасныхъ глазахъ Ея?

О! если она наслаждается такимъ блаженствомъ, то отгадашь не трудно, кто Она.— Это молодая супруга Царя Алексія Михайловича, это счастливая мать Петра!

Мать Петра! Сколько величія, сколько славы въ этомъ словѣ для женщины! Какъ занимательна должна быть Ея исторія! какъ любопытны всѣ подробности до Нее касающіяся! Къ тому же, вѣдь это не первая супруга Алексія Михайловича, уже извѣстная намъ Царица Марія Ильинишна, изъ рода Милославскихъ. Нѣтъ, она умерла въ 1669 году и Царь женатъ теперь на другой. И такъ, маленькіе друзья мои. ожиданія и желанія ваши не были совсѣмъ напрасны: вы услышите исторію матери Петра, узнаете, кто была Она, прежде нежели судьба возведетъ Ее на тронъ Россіи. Возвратимся же нѣсколько назадъ, забудемъ, что Петръ уже родился и представимъ себѣ по времени, когда Алексій Михайловичъ, еще недавно лишившись супруги,

съ копорою жилъ долго и счастливо, долженъ былъ вскорѣ потомъ оплакать и смерть старшаго, шестнадцати-лѣтняго сына, Царевича Алексія Алексіевича. Но и эти сильныя, семейственныя горести не производили своего гибельнаго дѣйствія надъ твердою душою Царя. Съ прежнею неутомимостію продолжалъ Онъ заниматься дѣлами государственными. Во всемъ обширномъ царствѣ его, не было предмета, на который бы онъ не обращалъ своего благодушельнаго вниманія. Собранныя узаконенія уже давно выданы были новою книгою, подъ названіемъ *Уложенія Царя Алексія Михайловича*, и эта книга, къ славу мудраго Государя, сдѣлалась основаніемъ Рускихъ законовъ. Послы его ѣздили не только въ Германію, Францію и Швецію, но даже въ Испанію и Италію, даже въ Турцію и Китай. Для торговли съ послѣднимъ построены были въ Сибири города: *Нерчинскъ* и *Иркутскъ*. Торговля вообще была много улучшена въ это ипрѣча-

тельное царствованіе; самыя деньги получили другой видъ: Алексій Михайловичъ учредилъ монетный дворъ, гдѣ начали чеканить серебряныя рубли и полтинники. Для распространенія просвѣщенія, Онъ основалъ въ Москвѣ первую академію, которая называлась *Законодательскою*. Чтожъ касается до правосудія, то рѣдкій Государь былъ правосуденъ такъ, какъ Алексій Михайловичъ. Кромѣ того, что онъ внимательно разсматривалъ всѣ дѣла, какія предспавляли ему бояре — передъ дворцомъ его всегда стоялъ запечатанный царскою печатью ящикъ съ такою скважиною на крышкѣ, въ которую можно было просунуть свернутый листъ бумаги. Въ этотъ ящикъ каждому позволялось класть свою просьбу. Вечеромъ, его приносили къ Государю, который Самъ распечатывалъ его, Самъ разсматривалъ всѣ положенныя просьбы, и Самъ — потчасъ же писалъ на нихъ свои рѣшенія.

Въ такомъ безпреспанномъ занятіи счастіемъ народа, великодушный Алексій проводилъ всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сдѣлала Его осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и искреннихъ друзей. Долго искалъ онъ человека, съ копорымъ бы можно было раздѣлить тяжестъ правленія и все боялся ошибиться. Наконецъ казалось ему, что Онъ встрѣшилъ таково, что Онъ нашель вѣрнаго друга, готововаго пожертвовашь ему и отечеству жизнью. Это былъ Думный дворянинъ *Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Съ каждымъ днемъ, Царь открывалъ въ немъ новыя достоинства, съ каждымъ днемъ любилъ его болѣе и болѣе; и надобно сказащъ правду,—на этошъ разѣ Алексій Михайловичъ не ошибся: изъ всѣхъ придворныхъ его не было никого, благороднѣе, добрѣе и усерднѣе Матвѣева! Царь находилъ такъ много удовольствія въ бесѣдахъ съ умнымъ совѣтникомъ своимъ, что даже иногда ѣз-

диль къ нему въ гости. Съ удивленіемъ смотрѣли на это придворные : прежде никогда не бывало, чтобы Цари Рускіе посѣщали своихъ подданныхъ.

Со времени кончины супруги и сына, эти посѣщенія сдѣлались чаще, потому что не смопря на всю твердоспъ души, Государь не могъ не груспить о невозвратной поперѣ милыхъ сердцу Его. Аршамонъ Сергѣевичъ умѣлъ развлекать его гореспъ, умѣлъ утѣшать Его лучше всѣхъ другихъ придворныхъ бояръ и вельможъ.

Такъ прошекли два года, и къ Царю возвратилось прежнее спокойствіе и веселоспъ. Вотъ въ одинъ вечеръ Алексій Михайловичъ пріѣхалъ къ любимцу своему позднѣе обыкновеннаго : у боярина, неожиданнаго въ томъ день гостей, уже накрытъ былъ столъ для ужина. Царь, замѣтивъ небольшое замѣшательспво хозяина, шупливо сказалъ, что столъ накрытъ очень кспашпи, что ояъ проголодался, и вмѣстѣ

съ нимъ опужинаешъ; только съ шѣмъ, прибавилъ добрый Государь — „чтобы за споломъ были всѣ тѣ, кто обыкновенно ужинаешъ съ побою.“ —

Желаніе Царя было исполнено, и когда бушанье подали, въ комнату вошла хозяйка съ сыномъ и молодою дѣвушкой. Царь удивился: никогда не слыхалъ Онъ, что у Матвѣева была дочь, и никогда прежде не видалъ въ домѣ его этой дѣвушки. За ужиномъ удивленіе Его увеличилось: незнакомка была красавица изъ красавиць. По обыкновенію того времени, она мало говорила, но за то всякое слово ея было такъ мило и умно, что восхищенный Государь не могъ наслушаться ея сладкаго голоса, не могъ наглядѣться на прекрасныя черты лица ея. Почти не спуская съ нее глазъ, Алексій Михайловичъ даже позабылъ спросить какъ зовутъ ту, которая такъ пріятно поразила Его, и не прежде какъ уже въ половинѣ ужина поздравилъ хозяина съ такою прекрасною дочерью. Но

пусть узналъ Онъ, что это была не дочь, а только воспитанница Матвѣева. Отецъ ея — *Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ*, былъ небогатый дворянинъ, который, проживая лѣто и зиму въ бѣдной деревенькѣ своей, былъ очень радъ, что родственникъ и другъ его, Артамовъ Сергѣевичъ, взялъ къ себѣ маленькую дочь его. И такъ, Напалія выросла въ домѣ Матвѣева. Онъ и добрая жена его любили воспитанницу свою какъ родное дитя, и рано замѣтивъ чрезвычайную красоту дѣвочки, спарались украсить и умъ ея всѣми познаніями, какія только можно было въ то время доспавить знаменитой боярышнѣ Руской. Напалія щедро вознаграждала эту любовь и эти нѣжныя попеченія: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцемъ точно столько же, какъ и наружностію. Любуясь ею, добрые Матвѣевы часто думали, что какъ Богъ помогъ имъ воспитать пріемную дочь ихъ, такъ со временемъ поможетъ и выдасть замужъ за хорошаго человѣка,

который не посмотришь на то, что она бѣдная дѣвушка.

Все это было рассказано Алексію Михайловичу, когда онъ началъ спрашивать любимца своего о прекрасной воспитанницѣ его. Артамонъ Сергѣевичъ не скрылъ ошъ добраго Государя даже и того, какъ и онъ и жена его желали бы видѣшь милую Наталію свою за мужемъ. Царь не только одобрилъ такое желаніе, но даже уѣзжая домой сказалъ, что и онъ подумаетъ о томъ, какъ бы найши хорошаго жениха для такой прекрасной дѣвушки, какъ Наталія.

Онъ и подлинно началъ думать объ этомъ, и — вообразите, милыя дѣши, кто былъ этотъ жевихъ, котораго онъ выбралъ для счастливцы? Это былъ—Онъ самъ! Да, прелестная дочь Нарышкина такъ плѣнила Царя своею милою наружноспію, а воспитаніе, полученное ею въ домъ умнаго Артамона Сергѣевича, такъ хорошо ручалось за ея душевныя достоинства, что Онъ рѣшился сдѣлать ее супругою Своею, и

на той же недѣль пріѣхалъ сказать объ этомъ Матвѣеву. Вы можете представить себѣ, какъ удивился добрый воспитатель Наталіи! Сначала думалъ онъ, что слышитъ это во снѣ, но потомъ, когда Государь повторилъ еще разъ слова свои— Матвѣевъ упалъ къ ногамъ Его и умолялъ оставить это намѣреніе: оно, казалось, предвѣщало счастливому любимцу Царя, столько опасностей отъ зависти вельможъ, и безъ того уже нелюбившихъ его за это счастье, что онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на блистательную судьбу Наталіи!

Алексію Михайловичу пріятно было видѣть безкорыстную преданность вѣрнаго подданнаго и друга. Онъ ласково поднялъ его и старался успокоить искренними увѣреніями въ томъ, что никогда, никакія причины не заставятъ Его переменить расположеніе свое къ тому, кто такъ часто доказывалъ Ему свое усердіе и вѣрность.

По просьбѣ Матвѣева, Царь не сказалъ въ этотъ день Наталіи ни слова о любви своей, но исполнилъ старинный обрядъ Рускихъ Государей. Вы вѣрно догадаешесь, друзья мои, что я говорю о томъ собраніи красавицъ, изъ которыхъ Царь, обыкновенно выбиралъ невѣсту свою. Да, и въ этотъ разъ онѣ съѣхались въ Кремлевскій дворецъ. Робко всходила на великолѣпное крыльцо царское и Наталія, съ удивленіемъ размышляя о томъ чего и ее—бѣдную и вовсе незнавшую дѣвушку—назначили въ списокъ невѣстъ. Подлѣ нее шла нѣжная воспитательница ея, супруга Матвѣева, которая знала причину этого назначенія, и очень желала сказать ее своей милой, ненаглядной питомицѣ, но Арпамонъ Сергѣевичъ запрешилъ это, и она молчала до сихъ поръ, пока участъ Наталіи — была тайною для нее самой и для всѣхъ; но за то съ той минуты, какъ счастливая дѣвушка уже названа была Царевною и въ великолѣпномъ нарядѣ не-

вѣсты Государя приготавливалась принимать поздравленія отъ всего двора,— перильніе доброй боярыни кончилось, и она высказала знаменитой воспитанницѣ своей все, что знала о любви къ ней Государя.

Вотъ, милыя дѣти, подробности вшораго супружества Царя Алексія Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Рѣдкое счастье Его и молодой Царицы сдѣлалось совершеннымъ въ достопамятный, навѣки незабвенный для Россіи день: *30 маія 1672 года*. Это былъ день рожденія Петра! Хотя у Алексія Михайловича и остались отъ первой супруги два сына, Царевичи Теодоръ и Іоаннъ, но оба они были такого слабаго здоровья, что во все не лзя было надѣяться на продолжительную жизнь ихъ, и потому Царь восхищенъ былъ рожденіемъ прельяго сына! Можешь быть, счастливый отецъ предчувствовалъ славу Новорожденнаго! Но небо отказало Ему въ блаженствѣ видѣть какъ чудесно

развивались великія силы необыкновеннаго ребенка; самое младенчество Петра не пропекло въ глазахъ родителю: прежде нежели исполнилось Ему чепыре года, Алексій Михайловичъ скончался и осиротѣвшее сердце печальной Царицы уже одно, безъ нѣжнаго друга своего, прислушивалось къ первымъ словамъ героя, къ первымъ мыслямъ великаго ума Его.

ТАБЛИЦА XLIII.

Семейство Царя Алексія Михайловича.

Супруги : 1. **Марія Ильинишна Мило-
славская.**

Дѣти отъ нее :

- a. Царевичъ *Алексій*, скончался
16-ти лѣтъ.
- b. *Теодоръ*, наслѣдовалъ престолъ.
- c. *Иоаннъ*.
- d. *Марфа*.
- e. *Софія*.
- f. *Екатерина*.
- g. *Марія*.
- h. *Теодосія*.

**2. Наталія Кириловна
рышкіна.**

Дѣти отъ нее :

і. Петрѣ.

ј. Наталія.

к. Феодора.

ЦАРЬ ТЕОДОРЪ АЛЕКСІЕВИЧЪ.

Отъ 1676 до 1682 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Хотя наслѣдникъ Царя Алексія Михайловича, девятнадцати - лѣтній сынъ Его, *Теодоръ*, былъ отъ самаго рожденія своего слабъ и боленъ, но, не смотря на тѣлесныя спраданія, душевныя силы его были достойны знаменитаго отца его. Имѣя предъ глазами великій примѣръ его, онъ старался продолжать все начатое имъ, старался исполнять во всемъ волю Его, и кромѣ того, дѣлалъ много и собственнхъ

улучшеній въ опечествѣ нашемъ. Не-
продолжительное, но примѣчательное
царствованіе Θεодора много прослави-
лось тѣмъ, что онъ уничтожилъ *мѣс-*
тничество, причинившее у насъ такъ
много вреда. Тѣмъ изъ маленькихъ чи-
штелей моихъ, копорые не понима-
ютъ этого слова, я раскажу вотъ
что :

Мѣстничество — значитъ споръ ме-
жду дворянами о томъ, чьи предки бы-
ли знанѣе и древнѣе родомъ. Этотъ
споръ дѣлалъ много зла между спѣси-
выми боярами нашей старинной Россіи.
Напримѣръ, если случалось, что какой
нибудь внукъ или правнукъ знамени-
таго поколѣнія поступалъ въ службу
подъ начальство такого человека,
копораго предки были менѣе знаны,
то ужъ этотъ гордый потомокъ важ-
наго дѣдушки ни за что не хотѣлъ
исполнять приказаній своего начальни-
ка, и не хотѣлъ служить съ нимъ, хо-
тя бы за это его даже казнили. Мож-
но представить себѣ, какъ часто это

могло случаться и какъ много было такихъ споровъ. Для разобранія ихъ учреждено было особенное присутственное мѣсто, которое называлось Разряднымъ Приказомъ *). Несчастливые чиновники, служившіе тамъ или, какъ тогда называли ихъ — Приказные люди не имѣли ни на одинъ день отдыха: безпрестанно надобно было разбирать

*) Встарину почти всѣ присутственныя мѣста назывались *приказами*. Кромѣ *Разряднаго* въ Москвѣ были вотъ еще какіе приказы: 1. *Посольскій*, гдѣ разсматривались всѣ дѣла, касающіяся до сношеній съ иностранными государствами. 2. *Полѣстный* гдѣ были дѣла о земляхъ розданныхъ чиновникамъ за службу. 3. *Казанскій*, гдѣ были дѣла Царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. 4. Приказъ *Большой приходъ*,—это было государственное казначейство. 5. *Бронный приказъ*,—этотъ вѣрно походилъ на наши нынѣшніе арсеналы и литейные дворы, потому что здѣсь заготовлялось оружіе. 6. *Житный приказъ*,—сюда относились всѣ запасные магазейны и наконецъ 7. *Холопій судъ* или *приказъ*, гдѣ разбирались дѣла о крѣпостныхъ людяхъ. Другія же присутственныя мѣста назывались просто *избами*, напр. *Дворцовая изба*, *Стрѣлецкая изба*, *Ямская изба*. Названія ясно показываютъ какія дѣла разсматривались въ каждой изъ нихъ.

какуюнибудь ссору о сущемъ вздорѣ— безъ обиды можно сказать нашимъ почтеннымъ предкамъ! Ну скажите, милые друзья мои, можно ли было спорить о томъ, чьи предки были важнѣе! Ужъ пускай бы они спорили о собственныхъ достоинствахъ — еще можно было бы переносить съ терпѣніемъ такой споръ, а то какойнибудь молодой повѣса не хотѣлъ слушать почтеннаго и умнаго начальника пошому только, что его дѣдушка сдѣлалъ такое-то важное дѣло, и былъ такой-то славный человекъ! Да вѣдь сдѣлалъ-то дѣдушка, а не онъ! Нѣтъ, онъ этого и слушать не хочетъ, твердитъ себѣ, что онъ его родной внукъ, да и шолово! И повѣрите ли вы, милые дѣти, что отъ такого безразсуднаго спора часпо въ военное время теряли сраженія, а иногда и выгоды цѣлой войны! Цари Михаилъ Теодоровичъ и Алексій Михайловичъ очень старались уничтожать по немногу этошъ вредный предразсудокъ, но честь совершеннаго уни-

чтоженія его принадлежишь Θεодору Алексіевичу.

Въ 1681 году онъ созвалъ на совѣтъ къ себѣ Папріарха и всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ и сановниковъ и предложилъ имъ подумать о томъ вредѣ, какое причиняешь въ Россіи это безразсудное мѣстничество. Имъ не нужно было долго думать: безпрестанные примѣры доказывали это вредъ. И такъ, все собраніе созналось въ немъ и въ совѣтъ Государя положено было уничтожишь это зло. Для того надобно было истребишь всѣ разрядныя книги родословныхъ дворянъ: тогда исчезли бы доказательства знаменитости, а вмѣстѣ съ ними и всѣ споры о ней. Вотъ умный Θεодоръ Алексіевичъ приказалъ принесть всѣ эти книги въ сѣни дворца своего и пусть сжечь ихъ. Когда все это было исполнено при бояринѣ Долгоруковѣ, — кошорому Государь поручилъ это дѣло — и при всѣхъ бывшихъ тутъ Митрополисахъ и Архіепископахъ, Θεодоръ объявилъ, чтобы

съ того времени никому ни съ кѣмъ, никакими преимуществами, ни родомъ, ни службою не считаешься, и никого малыми чинами и бѣдностію не упрекать. вмѣсто же разрядныхъ книгъ, позволилъ дворянамъ имѣть родословныя дворянскія, начатыя не прежде какъ въ царствованіе Царя Іоанна Васильевича. Такъ уничтожились старинныя споры мѣстничества, а вмѣспѣ въ ними и всѣ несчастія, отъ нихъ происходившія.

Но больной и слабый Теодоръ не однимъ эпимъ дѣломъ заставилъ подданныхъ своихъ поминуть о Себѣ: нѣтъ, Онъ безпрестанно занимался счастіемъ ихъ и съ строгою опечеливостію исполнялъ всѣ свои обязанности, во все не думая о томъ, что силы Его еще болѣе слабѣли отъ того. Почти каждый день Онъ присутствовалъ въ большой Думѣ Царской, каждый день принималъ всякаго, кто имѣлъ нужду лично о чемъ нибудь просить Его, каждый день дѣлалъ какое нибудь новое

благодѣяніе для народа своего. Какъ часто цѣлое семейство бывало спасаемо Имъ отъ бѣдности, какъ часто цѣлымъ селеніямъ прощаль онъ казенныя подати, обращаль кропкими увѣщаніями нѣсколько сотъ магомешанскихъ подданныхъ своихъ въ христіанство, или выкупаль Христіанъ изъ плѣна Турецкаго! Однимъ словомъ, слушая о дѣлахъ Θεодора Алексіевича нельзя думать, что все это дѣлаль Государь, безпрестанно страдавшій и съ каждымъ днемъ ослабѣвавшій въ силахъ *). Напротивъ того, въ опечествѣ нашемъ примѣтна была въ это царствованіе безпрестан-

*) Въ царствованіе Θεодора Алексіевича. былъ однакоже горестный случай; ссылка знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. по клеветѣ боярина Милославскаго, пользовавшагося въ это время большею силою придворь. Великодушный другъ Царя Алексія Михайловича посланъ былъ въ *Пусто-Озерскій острогъ*, мѣсто холодное и безлюдное, гдѣ онъ не столько плакаль о несчастіи и бѣдности своей какъ о томъ, что лишенъ былъ возможности благотворить. Θεодоръ Алексіевичъ, повѣривъ совершенно хитрому Милославскому, былъ въ сильномъ гнѣвѣ на Матвѣева.

ная дѣяшельность: во многихъ мѣстахъ учреждались новыя училища, строились богоугодныя дома для бѣдныхъ, больницы — для спраждущихъ. Въ Москвѣ явилась даже новая академія *Славено-Греко-Латинская*. Самъ Государь, очень часто посѣщалъ всѣ эти новыя, основанныя имъ заведенія. Обыкновенно дѣлалъ онъ эти посѣщенія верхомъ на прекрасной лошади. Верховая ѣзда была его страстію. И эту самую страсть онъ умѣлъ сдѣлать — полезною: видя что Государь любитъ прекрасныхъ лошадей, всѣ старались имѣть ихъ и съ шѣхъ поръ завелись у насъ первые конскіе заводы и появились у многихъ хорошія лошади.

Но вопль чего терпѣть не могъ *Феодоръ*: излишней роскоши въ одеждѣ и вообще во всемъ. Онъ даже выдалъ на этотъ случай указъ, въ кошоромъ запрещено было носить дорогія плашья, особливо *Татарскія*, и приказано было носить нарядъ стариннаго *Рускаго* или *Польскаго* покроя, приличный сѣ-

верному климату и неубыточный. Вскорѣ потомъ Царь замѣшилъ, что не имѣя возможности щеголять драгоценными плащями, Рускіе начали показывать богатство свое въ упряжи. Государь и это остановилъ, и выдалъ новое повелѣніе, гдѣ написано было кому какъ ѣздить: бояре, окольничіе и Думные люди могли ѣздить лѣтомъ въ каретахъ, а зимою въ саняхъ, на *двухъ* лошадахъ; въ праздничные же дни на *четырёхъ*, а на свадьбы и на *шести* лошадахъ. Но это могли дѣлать только высшіе бояре; всѣмъ же другимъ дворянамъ и чиновникамъ позволялось ѣздить только на одной лошади,—зимою въ саняхъ, а лѣтомъ—верхомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ полезныхъ распоряженій внутри царства своего, Θεодоръ Алексіевичъ имѣлъ успѣхъ и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Швеція и Польша не начинали съ нимъ войны, а намѣренія Турецкаго Султана Мугаммеда IV, давно

старавшагося возмуцашь прошивъ Царя жителей Малороссіи—оспались неудачны, и Запорожскіе казаки, покоровшіеся ему на нѣсколько времени—при Ѳеодорѣ Алексіевичѣ признали надъ собой власть Царя Рускаго.

Исполняя съ величайшею точностію Царскія обязанности, Ѳеодоръ точно также исполнялъ и семейственныя: трудно было найши такого сына, брата, супруга, какимъ былъ онъ. Горестная вдова, Царица Напалія Кириловна часто бывала тронута до слезъ тою нѣжною привязанностію, которую онъ показывалъ къ ней и къ сыну ея. Маленькій Петръ былъ утѣшеніемъ его: не только онъ любилъ его со всею нѣжностію брата, но онъ восхищался почти безпрестанно его необыкновенными способностями, любовался его прекрасною наружностію, превожился при малѣйшей болѣзни его гораздо болѣе нежели самыми сильными собственными страданіями: казалось, онъ боялся потерять драгоцѣн-

ность Россіи! Этотъ страхъ тѣмъ болѣе мучилъ его, что онъ не имѣлъ собственннхъ дѣпей и видѣлъ слабость плесныхъ и душепныхъ силъ роднаго брата своего, Іоанна. Вотъ еще доказательство, милья дѣти, какъ превосходно было сердце добраго Θεодора Алексіевича: онъ не смопрѣлъ на то, что по родству, Іоаннъ былъ ближе къ нему, нежели Петръ; онъ смопрѣлъ только на пользу отечесва своего, и когда въ семействѣ Царскомъ заходила рѣчь о наслѣдникѣ престола, Θεодоръ всегда говорилъ, что этимъ наслѣдникомъ будетъ меньшей братъ его, Петръ. Но прежде нежели дальновидный и великодушный Государь успѣлъ сдѣлать письменный акшъ объ этомъ благодѣтельномъ для Рускихъ распоряженіи—смерть опняла его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ у любившей его Россіи! Онъ скончался 27 апрѣля 1682 года, на 27 году своего возраста. Ныпъ нужды рассказывать вамъ, маленькіе чипатели мои, о горе-

сти всего Царскаго дома: она была одинакова для всѣхъ членовъ его, потому что всѣ равно любили умнаго, кроткаго, добродѣшельнаго Θεодора, но неутѣшиѣе всѣхъ плакали двѣ Царицы: Марфа Машвѣевна, молодая супруга его, и Напалія Кириловна. Первая лишалась въ немъ нѣжнѣйшаго друга; послѣдняя — оплакивала втораго отца своего вновь осиротѣвшаго Сына!

ТАБЛИЦА XLIV.

Семейство Царя Θεодора Алексіевича.

Супруги: 1. *Агавіа* Симеоновна Грушецкая.

2. *Марфа* Матвѣевна Апраксина.

Сынъ отъ нея:

Царевичъ *Илія*, скончался въ дѣтствѣ.

П Е Т Р Ъ,

ДЕСЯТИ-ЛѢТНІЙ ЦАРЬ РОССІИ.

1 6 8 2 годъ.

Наконецъ открываюцца предъ нами прекраснѣйшія страницы исторіи Россіи! Наконецъ на тронъ ея являешся Государь, назначенный судьбою произвестъ въ опечесствѣ нашемъ, тотъ великій переворотъ, который въ полной мѣрѣ можетъ назваться чудеснымъ, неслыханнымъ ни у какихъ народовъ! Всѣ они, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, просвѣщались постепенно, Рускіе же сдѣлали это вдругъ, какъ будто бы

по какой-то волшебной силѣ! Эту волшебную, удивительную силу, Богъ, покровительствующій Россіи, вложилъ въ душу любимца Своего, Петра. Точно, эпопть великій Государь могъ назваться любимцемъ Бога: все въ немъ было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество Его, чудесны дѣтства! Чпо я говорю? Даже самое рожденіе Его было чудесно предсказано за нѣсколько мѣсяцовъ. Это удивляетъ васъ, милья дѣпи? да, вы правы, эпо удивительно, непонятно и объясняется развѣ только тѣмъ, что Богъ для такого чрезвычайнаго смертваго допустилъ чрезвычайное явленіе въ природѣ. Какъ бы то ни было, только прежде нежели Онъ родился, два монаха, одинъ Симеонъ Полоцкій, и другой, бывшій попомъ Митрополипомъ въ Ростовѣ, Св. Диимпрій, сказали Царю Алексію Михайловичу, чпо у него родится сынъ Петръ, что онъ наследуетъ престолъ Его, и будетъ такимъ героемъ, съ которымъ не сравнится никто

изъ современниковъ. Они говорили, что видѣли это по расположенію звѣздъ на небѣ. Вспарину, милыя дѣти, во всей Европѣ вѣрили, что звѣзды имѣютъ вліяніе на рожденіе людей, и по тому часто предвѣщали судьбу и дѣла ихъ. Эта наука называлась *астрологіею*. Вы удивитесь еще болѣе, милые чинапели мои, когда я скажу вамъ, что предсказаніе о Петрѣ было не въ одной Росіи. Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, есть до сихъ поръ переписка двухъ иностранныхъ ученыхъ: Николая Гейнзіуса и Іоанна Гревіуса. Первый, въ 1672 году, былъ Нидерландскимъ посланникомъ въ Москвѣ, и писалъ къ послѣднему о рожденіи Царевича Петра, и о тѣхъ предвѣщаніяхъ, какія были сдѣланы о Немъ, а Гревіусъ оповѣчалъ на это изъ Голландіи, что и у нихъ, ученые гадатели замѣтили тоже самое по звѣздамъ, и согласны съ предсказаніями Рускихъ о новорожденномъ Царевичѣ.

Что же надобно было думать предкамъ нашимъ объ этомъ младенцѣ, удивившемъ міръ прежде рожденія своего? О! они приняли Его въ этомъ мірѣ, какъ существо неземное; они ожидали отъ него всего необыкновеннаго, и ожиданія ихъ исполнились болѣе нежели они могли вообразить себѣ! Мнѣ кажется, я никогда не кончила бы, милые чипапели мои, еслибы начала рассказывать вамъ все, что сказалъ умнаго, все, что сдѣлалъ великаго этотъ ни съ кѣмъ несравнимый Петръ!. Слова и дѣйствія Его, эти священныя драгоценности народа Русскаго, составляютъ многочисленныя томы сочиненій, которыхъ и десяная часть не можешь помѣститься въ крапкой исторіи нашей: съ благоговѣніемъ должны они хранишься въ памяти каждаго Русскаго, и вѣрно вы не одинъ разъ прочитаете ихъ, когда уже въ состояніи будете заниматься такимъ важнымъ чтеніемъ. Тогда только, вы въ полной мѣрѣ узнаете величіе Петра

и въ воспоргѣ удивленія и благодарности къ Богу скажете: „Господи благодаримъ Тебя за такого Государя и за Твою любовь къ опечеству нашему!“

Но до тѣхъ поръ, вамъ надобно довольствоваться небольшими рассказами нашими. Конечно, они несовершенны, они не могутъ назваться исторіей Петра—это только легкіе очерки Его великихъ дѣлъ, но мы вознаградимъ сколько нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать какъ можно болѣе любопытныхъ для васъ подробностей этого славнаго царствования, а вы будете внимательнѣе читать и помнить ихъ до тѣхъ поръ пока наснанеть для васъ время наслаждаться чтеніемъ настоящей исторіи Великаго Преобразователя Россіи.

И такъ начнемъ рассказы наши съ самыхъ первыхъ лѣтъ Петра: великіе люди бываютъ занимательны даже въ то время, когда только что начинаюшь говорить.—Напримѣръ, послушайте, каковъ былъ Петръ при самомъ началѣ шестьяго года своей жизни:

Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, праздновались именины Царственнаго малюпки. Кромя дорогихъ вещей, полученныхъ въ эшопъ день Петромъ отъ нѣжныхъ родителей Его и другихъ лицъ семейства Царскаго, множество подарковъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидало маленькаго Имениника въ одной изъ комнатъ Кремлевскаго дворца. Вотъ отъ входилъ туда съ боярами, приспавленными къ Нему *), съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ на все, чѣмъ усердіе народа хотѣло повеселить сына Государя обожаемаго, и вдругъ быстрые, прекрасные глаза Его засверкали отъ радости: они увидѣли маленькую спальную саблю! Непрошло минуты, какъ Онъ уже держалъ ее въ рукахъ, уже узналъ, что ее поднесъ какой-то

*) Главнымъ изъ нихъ—или наставникомъ Царевича былъ дѣдъ его, бояринъ Кирилль Полуехтовичъ Нарышкнъ, и при немъ помощники: Князь Прозоровскій, Головинъ и Головкинъ.

купецъ , уже приказалъ привести къ себѣ этого купца ! Какъ скоро потъ явился — Царевичъ бросился къ нему на встрѣчу , приказалъ ему поднять себя на руки , поцѣловалъ его въ голову и сказалъ , что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ . Не выпуская изъ рукъ сабли , побѣжалъ Онъ къ своему родителю и просилъ непременно чѣмъ нибудь пожаловать купца , а Его опоясать саблею . Алексій Михайловичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на пламенную радость прехлѣпняго ребенка при видѣ оружія : она предвѣщала любовь Его къ славѣ военной . Все было исполнено по желанію Петра : купецъ пожалованъ достоинствомъ гостя Московскаго — сабля съ молитвою надѣта самимъ Государемъ сверхъ голубаго шелковаго кафтанчика Царевича . Царь сдѣлалъ еще болѣе : видя особенную страсть сына своего къ военнымъ занятіямъ , онъ собралъ нѣсколько человекъ дѣшей однихъ лѣтъ съ Петромъ , приказалъ сдѣлать для нихъ

разныя маленькія оружія и выучить ихъ всему, чему учились солдаты. Гунтъ-то, съ каждымъ днемъ начались для Петра праздники: съ утра до вечера Онъ игралъ и учился съ своими маленькими воинами, и счастливая сабля почти никогда не снималась съ храбраго малюшки, случалось даже что Онъ сыпалъ вмѣстѣ съ нею! — Вошъ, милые читатели мои, вотъ Петръ на прешъемъ году своего возраста. На четвершомъ, Онъ лишился попечительнаго и нѣжнаго Отца, но мѣсто Его занялъ сполько же нѣжный братъ и воспитаніе Его продолжалось съ прежнею заботливостію; на пяшомъ опредѣленъ былъ къ нему учителемъ дьякъ *Никита Моисѣвичъ Зотовъ*. Онъ училъ Его читать и писать по Русски, также исторіи всеобщей и въ особенности—отечественной. Зотовъ, хотя не получилъ самъ опличнаго образованія, слишкомъ рѣдкаго въ то время въ отечествѣ нашемъ, и не зналъ иностранныхъ языковъ, но былъ человекъ очень.

умный, который понималъ искусство сдѣлать ученіе пріятнымъ занятіемъ, и кромѣ того былъ усерденъ и неутомимъ въ оппращеніи своей должности. Историческіе уроки его не могли называться эпимъ строгимъ именемъ. Нѣтъ, эти были не уроки, но самыя занимательныя разговоры, во время которыхъ онъ рассказывалъ маленькому ученику своему о славныхъ Государяхъ Рускихъ, особенно о Святославѣ, Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Іоаннахъ: Великомъ и Грозномъ, и наконецъ о Михаилѣ и Алексіи. Чтобъ сдѣлать рассказы свои еще разнообразнѣе, Зошовъ велѣлъ предсавить въ рисункахъ всѣ важнѣйшія происшествія, случившія во время этихъ знаменитыхъ царствованій и расположилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ Царевича. О! еслибъ вы могли предсавить себѣ, маленькіе друзья мои, какъ эти картины и рассказы нравились Петру! Какой огонь блисталъ въ глазахъ Его, когда онъ слушалъ о храбрости Святослава или

Владимира! Какъ весело улыбался при побѣдѣ Донскаго! Какъ восхищался великими дѣлами Грознаго! какъ огорчался его пресупленіями! Однимъ словомъ, Зошовъ въ полной мѣрѣ достигъ цѣли своей: пятилѣтній Царевичъ, не смотря на младенческій умъ свой, понялъ, что Государь только изъ исторіи можетъ научиться царствовать и полюбилъ эту науку болѣе всѣхъ другихъ. Иногда слушая описаніе какого нибудь города или крѣпости, Онъ просилъ чтобы Ему показали планы ихъ и къ удивленію всѣхъ окружавшихъ Его, разсматривалъ ихъ со всею внимательностію и любопытствомъ взрослою человека. Не рѣдко случалось даже и то, что быстрый умъ ученика увлекался далѣе познаній учителя, и добрый Зошовъ, не смотря на все свое усердіе, не въ состояніи былъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его и принужденъ былъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ ученымъ иностранцамъ, находившимся въ службѣ царской, а

иногда и къ самому Царю, который съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ разговаривать съ умнымъ малюшкой и удивлялся Его необыкновеннымъ способностямъ.

Таковъ былъ умъ Петра въ самомъ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; теперь я расскажу маленькимъ чинашелямъ моимъ, случай, который покажетъ имъ сердце и нравъ Его въ эпомъ возрастѣ.

Царица Напалія Кириловна, не смотря на все сыновнее почтеніе къ ней Θεодора Алексіевича, имѣла много огорченій во время вдовства своего. Ближніе бояре, окружавшіе Царя, по большой части родственники матери Его,—Милославскіе, ненавидѣли вторую супругу Алексія Михайловича и вмѣстѣ съ нею—всѣхъ Нарышкиныхъ. Пользуясь частыми болѣзненными припадками Θεодора и кротостию Напаліи, не любившей жалобами своими тревожить добраго и больнаго Государя, они и приверженцы ихъ выдумывали на нее разныя клеветы, старались опідалять ее

отъ Царя, и даже осмѣливались иногда явно показывать Ей свое неуваженіе. Однажды, самый дерзкій изъ нихъ, бояринъ Языковъ, похвасталъ между своими пріятелями, что заставитъ вдовствующую Царицу, выѣхать изъ дворца и жить въ другомъ домѣ, отдаленномъ отъ Царскаго. Вошь онъ и въ самомъ дѣлѣ явился на другой день къ Наталіи Кириловнѣ и сдѣлалъ Ей свое дерзкое предложеніе подъ предлогомъ, что многочисленный дворъ Ея *) не можетъ помѣщаться въ одномъ домѣ съ Государевымъ. Сначала Царица, зная, что это выдумка Языкова, не воспревожилась этимъ безразсуднымъ предложеніемъ и съ твердостію отказалась отъ него, но потомъ, когда обманщикъ

*) Царь Осодоръ Алексіевичъ такъ уважалъ супругу родителя своего, что вступивъ на престолъ, не перемѣнилъ ничего при дворѣ Ея и оставилъ на прежнихъ мѣстахъ, всѣхъ служившихъ у Нее. Этотъ дворъ былъ такъ многочисленъ, что однихъ стольниковъ было 102. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ чиновниковъ были выбраны первыя товарищи—военныхъ игръ Петра.

сказаль, что пришель опть имени Царя, Наталія вздрогнула и испугавшись опасностей, какія грозили Сыну Ея, при немилости царствовавшаго брата Его, не могла удержатъ слезъ своихъ. Между тѣмъ эптопъ сынъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій ея, былъ тупъ же въ комнапѣ. Съ удивленіемъ слушалъ горделивый малютка дерзкаго, осмѣливагося такъ грубо говорить съ Государыней. Уже Онъ готовъ былъ закричатъ опть гнѣва, какъ вдругъ заблнспали слезы въ прекрасныхъ глазахъ Его матери. О! какъ сильно забилося младенческое сердце Петра! Царица, обожаемая мать Его, плакала опть дерзкихъ словъ подданнаго! Въ эту минуту, Онъ увидѣлъ, что для наказанія Языкова мало собственнаго гнѣва Его, и не сказавъ никому ни слова, пошелъ къ Царю. Одинъ Зошовъ провожалъ его, и едва успѣвалъ бѣжать за пылкимъ ученикомъ своимъ.

Феодоръ Алексіевичъ, по обыкновению обрадовался, увидѣвъ своего любим-

ца, но испугался его встревоженнаго вида, и заботливо спрашивалъ, что съ Нимъ? Тогда Петръ поцѣловалъ нѣсколько разъ руку брата и сказалъ: „Государь! я пришель къ тебѣ съ жалобою на Языкова: онъ хочеть меня и съ машерью моею выгнать изъ дома отца моего, и опдалишь опть себя, какъ вспарину Годуновъ опдалилъ и попомъ погубилъ Царевича Димитрія. Если попть домъ, куда высылаюпть насъ, нравится Тебѣ, то я буду въ немъ жить вмѣстѣ съ тобою, но изъ дома отца моего, безъ Тебя, Государь, никуда не выѣду.“—Сказавъ это, маленькій Царевичъ оборотился ко всѣмъ окружавшимъ въ это время Государя, и прибавилъ съ слезами на глазахъ: „Развѣ я не сынъ Великаго Царя Алексія Михайловича, что мнѣ нѣтъ мѣста въ домѣ отца моего?“

Теодоръ былъ тронутъ почти столько же, какъ и маленькій братъ Его: онъ спѣшилъ успокоить и утѣшить Его своими ласками, и поспчасъ

же пошелъ къ Царицѣ, увѣритъ ее, что Онъ никогда не думалъ отдавать Языкову такихъ несправедливыхъ приказаній. Онъ предоставилъ Ей наказатъ обманщика, какъ Ей угодно, но крошкя Насалія, отказалась отъ того и великодушно просила виновнаго боярина. Ей пріятно было оказатъ эту милость: въ душѣ Ея разливалась такая сладкая радость въ ту минуту, когда она нѣжными ласками благодарила маленькаго защитника своего, что Ей хотѣлось бы всему свѣту доставитъ хотя половину того счастья, какое могло чувствоватъ Ея материнское сердце!

Такъ Петръ во все время дѣтства своего продолжалъ бытъ утѣшеніемъ и славою родительницы Своей и всего семейства царскаго. Вы слышали уже, что Федоръ Алексіевичъ такъ любилъ Его, что умирая, назначилъ Его своимъ наследникомъ. Хотя это не было утверждено письменнымъ актомъ, но всѣ окружавшіе Царя, помнили слова Его. Къ тому же различіе между здо-

ровьемъ и душевными способностями обоихъ Царевичей, было такъ велико, что каждый долженъ былъ сознаться, что Царь поступилъ справедливо и великодушно. Здѣсь представился вамъ новое великодушіе, милые друзья мои! Подивитесь, какъ благородны были всѣ сыновья Алексія Михайловича! Вы сейчасъ слышали, что одинъ изъ нихъ, изъ любви къ отечеству, отдалъ пресполю не старшему, родному брату и наследнику, но меньшому, рожденному отъ второй супруги родителя своего. Но что же сдѣлалъ этотъ старшій, обиженный Царевичъ? вмѣсто того, что бы оскорбиться такою несправедливостію, и какъ мы часто видимъ въ свѣтѣ—начать споръ о наследствѣ своемъ, онъ добровольно согласился съ желаніемъ скончавшагося Царя, и уступая корону меньшому брату, съ крошестію сознался, что не чувствуешь себя способнымъ царствовать такъ хорошо какъ онъ! О! милыя дѣти, помните этотъ прогательный примѣръ

смирения и братской любви, какой показалъ намъ добрый Іоаннъ Алексіевичъ! Не думайте, что Онъ принужденъ былъ сдѣлать это, потому что послѣ кончины Θεодора тотчасъ всѣ присягнули Петру. Нѣтъ! Это избраніе было сдѣлано совсѣмъ не такъ поспѣшно. Прежде, Патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ и чинами государственными явился къ обоимъ Царевичамъ и спрашивалъ, которому изъ нихъ угодно будетъ принять корону Рускую? Іоаннъ Алексіевичъ въ ту же минуту объявилъ, что Онъ отказывается опъ нее, чувствуя слабыя силы свои, и тогда уже всѣ присягнули десятилѣтнему Петру. Іоанну же было въ это время шестнадцать лѣтъ. Неудивительна ли такая скромность и услуживость въ этомъ пылкомъ и самонадѣянномъ возрастѣ! О! Іоаннъ заслуживаетъ уваженіе наше, какъ ни мало важно было участіе Его въ дѣлахъ государственныхъ во все время Его непродолжительной жизни. Но оста-

вимъ эпого кропкаго сына Царей : онъ былъ на землѣ не для здѣшняго міра, и хопя въ послѣдствіи мы еще будемъ встрѣчать имя его въ исторіи нашей, но оно будетъ сіяшь въ ней тихо, едва замѣтно, подлѣ лучезарнаго блеска, окружающаго имя младшаго брата Его. Обратимся къ эпому необыкновенному смертному, обратимся къ нашему Петру :—Онъ уже на престолѣ ! Самыя отдаленныя страны Россіи уже назвали Его Царемъ своимъ, а добродѣтельную мать Его, Правительницею. Все по наружности было спокойно, все, казалось, съ довѣренностію ввѣрило судьбу свою тому, кто до рожденія еще названъ былъ *героемъ* ! Но это спокойствіе походило на тишину, — предвѣстницу страшной грозы !

ЦАРЕВНА СОФІЯ АЛЕКСІЕВНА

И

СТРѢЛЬЦЫ.

Отъ 1682 до 1689 года.

(Пер. 7 лѣтъ).

Кто бы подумалъ, милья дѣти, что Петръ, такъ много любимый Россіею, и такъ много обѣщавшій ей, Петръ сынъ и братъ Государей благодѣшелей ея—наконецъ Петръ, уже и Самъ принявшій присягу въ вѣрности всего народа—могъ имѣть враговъ даже во время нѣжнаго дѣтства, этого невин-

наго возраста, еще не умѣющаго дѣлать зла и оскорблять когонибудь? Но такова часто бываетъ участь людей, одаренныхъ отличными способностями. Дорого плачутъ они за свое превосходство! Это испыталъ Петръ, и чувствительнѣе нежели ктонибудь другой: врагомъ Его была сестра—Царевна Софія Алексіевна.

Начиная говорить объ этой примѣчательной Царевнѣ, надобно покороче познакомить съ нею маленькихъ читателей моихъ. Она родилась 7-го сентября 1657 года. Ни одна изъ дочерей Царя Алексія Михайловича не была такъ щедро одарена природою, какъ Софія. Пльнительная наружность, острый умъ, склонность къ просвѣщенію, терпѣніе въ ученіи, отличали Царевну отъ сестеръ ея даже въ то время, когда всѣ онѣ были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы сейчасъ увидите, милыя дѣти, какъ и тогда уже она удивляла собою всѣхъ окружавшихъ ее.

При дворѣ Алексія Михайловича, такъ много забошившагося о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, былъ даже и театръ. Онъ состоялъ изъ труппы комедіантовъ, нарочно выписанныхъ для того изъ чужихъ краевъ. Директоромъ этого театра былъ просвѣщеннѣйшій изъ придворныхъ того времени — бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, а представленія давались въ Преображенскомъ, а иногда въ Кремлевскомъ Потѣшномъ дворцѣ *). Не подумайте

*) Преображенскій дворецъ былъ въ селѣ Преображенскомъ, которое недалеко отъ Москвы, на берегу Яузы. Этотъ дворецъ, также какъ и нѣкоторыя другіе въ окрестностяхъ Москвы и одинъ въ самомъ Кремлѣ назывались *Потѣшными*, по причинѣ тѣхъ увеселительныхъ представленій, какія давались въ нихъ. Не хотите ли, маленькіе друзья мои, я выпишу для васъ здѣсь одну изъ придворныхъ записокъ 1676 года. Она лучше всѣхъ моихъ словъ дастъ вамъ понятіе, какъ о вкусѣ предковъ нашихъ, такъ и о слогѣ, какимъ писали они въ то время:

„Была комедія въ Преображенскомъ: тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферпа Царица Царю голову отсѣкла, а на органахъ играли Нѣмцы

однакожь , милыя дѣти , чтобы пьесы того времени походили сколько нибудь на наши нынѣшнія. Нынѣ, добрые предки наши, не имѣя совершеннаго понятія о театральномъ искусствѣ, представляли на театрѣ своемъ только небольшія происшествія изъ священной исторіи. Часпо на сценѣ ихъ можно было видѣть и Саула и Давида и Соломона , и другія лица вѣсхаго завѣта.

Смотря на эти представленія, маленькая Софія Алексіевна восхищалась часто болѣе иной пожилой боярыни , оцѣнивала игру актеровъ лучше не-

да люди дворовые боярина *Артамона Сергѣевича Матвѣева*. Тогожь года, другая комедія тамъ же, какъ *Артаксерксъ вельмъ новѣситъ Амана*, и въ органы играли, и на фіолахъ, и въ инструменты и танцовали. Въ третіе, тамъ же тѣшили Великаго Государя на заговѣнье Нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ и на фіолахъ и на инструментахъ и танцовали и всякими потѣхами разными.“

Вотъ видите, милыя дѣти , что по этимъ самымъ *потѣхамъ* очень можно было назвать и дворцы, гдѣ они происходили—*Потѣшными*.

жели какой нибудь важный бояринъ, высоко мечтавшій о своемъ знаніи. Иногда не по лѣтамъ умная Царевна въ воспоргѣ къ драматическому искусству, выбирала нѣсколько человекъ дѣтей придворныхъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ ними сама играла маленькія пьесы или дѣй, при сценѣ изъ большихъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли на нее и Родители, и сестры, и приставленныя къ ней мамушки, и всѣ придворныя, и рано приучили ее къ похвалямъ и лестному одобренію. Слышавъ безпреспанныя восклицанія: *„Какъ прекрасна Царевна Софія! какъ умна Царевна Софія! Она лучше всѣхъ друзей княженъ! О! она вѣрно будетъ со временемъ знаменитою Царицею,*“— малютка начала считашь себя выше всего семейства царскаго, начала думать, что въ самомъ дѣлѣ ее ожидаетъ чрезвычайная судьба въ будущности. Эти гордыя мысли увеличивались въ ней вмѣстѣ съ лѣтами. Къ несчастію, она вовсе не думала, что дѣлаетъ дур-

но, такъ высоко мечтая о себѣ: напропивъ того, почитала эту гордость необходимою — при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ. Ея дарованія почто были необыкновенны, особенно въ тошъ вѣкъ Россіи: вообразите, милья дѣши, эта молоденькая Царевна, едва вышедшая изъ дѣтства, занималась словесностію, исторіею, и другими науками, и въ царствованіе брата своего, Царя Феодора Алексіевича, не только сама была въ числѣ дѣйствующихъ лицъ придворнаго театра, но даже сочинила для него драмы и трагедіи. Однакожь все-таки, ей не должно было гордиться своими великими способностями: онѣ даются намъ отъ Бога, и счастливицы, получающіе ихъ, должны, изъ благодарности за прекрасный даръ, спараться всѣми силами употреблять его для того, чтобы принести какъ можно болѣе пользы ближнимъ, а не для того, чтобы величаться имъ предъ другими. О! эта гордость опасна! Послушайте, до чего довела она Царевну Софію, отъ

которой такъ много всѣ ожидали, и такъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ!

Судьба дочерей прежнихъ Государей Рускихъ рѣдко бывала такъ радостна и блистательна какъ обѣщало имъ это,—ихъ счастливое младенчество! Съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ, управляемыхъ часто знаменитыми Князьями, уже не было достойныхъ для нихъ жениховъ между соотечественниками ихъ; выходили же за Принцевъ иностранныхъ, исповѣдывавшихъ другую вѣру — княжны, воспитанныя въ суевѣрныхъ понятіяхъ своего вѣка — считали несчастіемъ. И такъ, обыкновенная участь ихъ была — оканчивать жизнь въ монастырѣ. Но какъ далека была эта печальная мысль отъ прекрасной и гордой Софіи Алексіевны! Ей ли погребсти въ кельѣ монастырской свой чудесный умъ и глубокія познанія? Ей ли промѣнять блестящій нарядъ Царевны на смиренную одежду монахини! „О! нѣтъ, нѣтъ! говорила она, — я чув-

ствую съ самаго дѣтства высокое назначеніе мое! Я должна быть Царицею, и Царицею — въ родномъ отечествѣ моемъ! Какая судьба можетъ быть выше этой!“

Такъ вѣрояпно думала Софія, смотря на приближавшагося къ смерти брата своего—Царя Θεодора Алексіевича, на больнаго и слабаго Іоанна, на добрыхъ и скромныхъ сестеръ своихъ, всегда покорныхъ ея властолюбивой волѣ. Чтожь касается до маленькаго брата ея, Петра, сына второй супруги отца ея, то она совсѣмъ не считала его препятствіемъ своимъ намѣреніямъ, хотя и слыхала, что Θεодоръ иногда называлъ его своимъ наслѣдникомъ: она знала, что письменнаго акта на это не было, и потому не считала этого наслѣдника опаснымъ. Но какъ же удивилась, какъ огорчилась и встревожилась она, когда тотчасъ послѣ смерти Θεодора—десятилѣтній Петръ объявленъ былъ Царемъ Россіи, и все духовенство, всѣ бояре и народъ съ одинакимъ усер-

діемъ присягнули Ему въ вѣрности!
Вовсе не ожидая, чтобы это могло случиться, она не успѣла остановить присягу, и съ той минуты возненавидѣла Петра и рѣшилась, во что бы то ни стало, не допустить Его до нераздѣльнаго обладанія Россіей. Она нашла усердныхъ помощниковъ своихъ замысловъ въ родственникѣ своемъ по матери, бояринѣ *Милославскомѣ* и въ преданныхъ ей *Спрѣльцахъ*.

Спрѣльцы—это войско, учрежденное Іоанномъ Грознымъ и употребляемое имъ не только для дѣлъ военныхъ, но часто и для исполненія Его жестокихъ повелѣній — всегда отличались дерзостію и самовольствомъ. Упрямо защищая учрежденія старины, предсказавшія имъ болѣе случаевъ поступать по своей волѣ, они ненавидѣли всѣ улучшенія, сдѣланныя въ войскѣ Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, и осмѣлились даже шакъ явно прошивиться новому образованію полковъ, что добрый Государь, для спокойствія поддан-

ныхъ своихъ, принужденъ былъ начать это образованіе съ воиновъ вновь набранныхъ, которые и составили семитысячный правильный корпусъ. Стрѣльцы же остались при прежнемъ устройствѣ своемъ и согласились только на то, что офицеровъ ихъ, называвшихся прежде *Головами, Полуголовами, Пятисотниками*, назвали, такъ какъ въ регулярныхъ полкахъ — *Полковниками, Подполковниками, Ротмистрами* и проч.

Теперь, вы вѣрно не удивитесь, милыя дѣши, что въ такомъ непокорномъ войскѣ не трудно было найти охотниковъ итти прошивъ Государя. Для этого довольно было только объявить, что если будетъ царствовать не Петръ, но братъ его Іоаннъ, то весь новый порядокъ, введенный Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ войскѣ, будетъ уничтоженъ. Царевна же и Милославскій объявили гораздо болѣе: они обѣщали отмѣнить даже и тѣ перемѣны, какія сдѣланы были Никономъ въ исправленныхъ книгахъ цер-

ковныхъ. Это послѣднее обѣщаніе восхитило Стрѣльцовъ: всѣ они давно съ досадою смотрѣли на исправленіе книгъ, и большая часть изъ нихъ оставалась тайно старовѣрами. Съ радостію взялись они исполнить всѣ приказанія Царевны. Чтобъ увеличить еще болѣе усердіе ихъ—сказали имъ, что Нарышкины рѣшились погубить весь родъ Царскій, что лекаръ Фонъ - Гаденъ, по приказанію Царицы Наталіи, отправилъ ядомъ Царя Θεодора, а братья ея умертвили и Царевича Іоанна — и когда ярость Стрѣльцовъ доведена была этими несправедливыми слухами до высочайшей степени—Милославскій и главные изъ сообщниковъ его: Сунбуловъ, Циклеръ, Петровъ и Озеровъ, роздали по полкамъ списки мнимыхъ измѣнниковъ, назначенныхъ быть жертвами честолюбивыхъ замысловъ Софіи.

Съ этой минуты все было рѣшено и день страшнаго бунта назначенъ: это было 15 мая, спустя три недѣли послѣ присяги, данной Петру. Боже

мой! какъ ужасень былъ этотъ день! Рано утромъ Стрѣльцы, при звонѣ набатныхъ колоколовъ и звукѣ барабановъ вломились въ Кремль, подошли къ самымъ комнатамъ Царскимъ и требовали, чпобы имъ выдали боярина Матвѣева и Нарышкиныхъ, убійцъ Иоанна! Напрасно больной и слабый Царевичъ самъ выходить къ нимъ и увѣряетъ, что никто не думалъ лишать его жизни: безумцы уже успѣли убить добродѣтельного боярина Матвѣева, докшора Фонъ Гадена и начальника Стрѣлецкаго приказа, Князя Долгорукаго. Видъ Царевича, почишаемаго убитымъ, остановилъ на нѣсколько минутъ злодѣевъ, но потомъ, какъ будто пожалѣвъ объ этихъ поперянныхъ минутахъ, они вскричали: „Хопи и живъ Царевичъ теперь, но впередъ можеть быть умерщвленъ отъ Нарышкиныхъ!“ — и бросились доканчивать свои убійства, продолжавшіяся нѣсколько дней. Главными жертвами послѣ прехъ первыхъ были: два брата Царицы *Аванасій* и

Иванъ Нарышкины, Князья: Ромодановскіе и Черкасскій, бояре: Языковъ и Салтыковъ, всего же 67 человекъ.

18 Мая, когда уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ несчастныхъ, чьи имена записаны были въ розданныхъ спискахъ — убійцы съ радостными криками: *да здравствуютъ Царь Иоаннъ и Царевна Софія!* — прибѣжали во дворецъ. Благородный, великодушный Иоаннъ и здѣсь показалъ себя достойнымъ сыномъ Алексія: онъ съ твердостью объявилъ и самовластной сестрѣ своей и дерзкимъ бунтовщикамъ, что, помня послѣднюю волю старшаго брата, онъ не будетъ царствовать безъ назначеннаго имъ наследника—Петра. Спрѣльцы должны были согласиться на это непремѣнное требование Царевича, Софія также. Царевна дала это согласіе охотно: оно вовсе не казалось ей опаснымъ, потому что хитрый умъ ея обнадеживалъ ее при малѣйшемъ участіи въ правленіи завладѣть всѣмъ царствомъ. А въ такомъ

случаѣ, что ей до того, кого народъ будетъ почитать Царемъ своимъ — она увѣрена была, что самодержавною Царицею будетъ она сама!

Такъ и случилось! Больной Іоаннъ не могъ заниматься никакими дѣлами, маленькій Петръ, при всѣхъ необыкновенныхъ способностяхъ Своихъ, все таки былъ еще ребенокъ, котораго наблюдательный умъ и пылкую живость можно было занять часами ученья и остроумными играми. Царица Наталія Кириловна уже не была правительницею государства, но только огорченною женщиною, которая безпрестанно то оплакивала несчастія отца и братьевъ своихъ, то страшилась за драгоценную жизнь Сына! Она не могла уже дѣйствовать противъ враговъ его: вся твердость ея исчезла въ страданіяхъ! И такъ, кого же могла бояться гордая Софія? Совершенно никого, и доказательствомъ служитъ то, что чрезъ три недѣли послѣ бунта, она короновала обоихъ

Царей-братъевъ, а себѣ предоставила только имя Правительницы, и съ этимъ именемъ всю власть Государей! Любимцы ея тотчасъ заняли важнѣйшія должности: главному изъ нихъ, Князю Василью Васильевичу Голицыну поручено было управленіе государственнымъ дѣлами; двумъ Князьямъ Хованскимъ: отцу и сыну — начальство надъ Стрѣльцами.

Привязанность Хованскихъ къ раскольничеству и воля, которую они давали и безъ того своевольнымъ Стрѣльцамъ, были причиною новыхъ бунтовъ этого дерзкаго войска. Сначала они помогали одному расприженному священнику-старовѣру Никитѣ, который, шатаясь по улицамъ училъ проспой народъ проклинашь новую вѣру и держаться старой. Потомъ, когда Никита получилъ достойное наказаніе за дѣла свои, да и на Князей Хованскихъ сдѣланъ былъ такой доносъ, что сама Царевна-правительница почла ихъ измѣнниками и приказала казнить — Стрѣльцы вмѣ-

стѣ съ младшимъ сыномъ старика Хованскаго отместили за любимцевъ своихъ съ обыкновенною имъ дерзостію: они разграбили оружейную, разставили вездѣ свою стражу и дѣлали въ Москвѣ что хотѣли, потому что Правительница со всѣмъ дворомъ удалилась еще при началѣ бунта въ Троицкій монастырь!

При первомъ извѣстіи объ опасности Царей — монастырь окруженъ былъ защитниками ихъ, полками окрестныхъ областей и людьми всякаго званія. Они просили у двора позволенія идти въ Москву и испребить всѣхъ Стрѣльцовъ. Но какъ скоро Стрѣльцы узнали объ этомъ, храбрость ихъ исчезла и они думали уже не о томъ, чтобы отмщались за Хованскихъ, но о томъ, какъ бы умилоспивить Дворъ. И что же они сдѣлали? Около 3000 изъ нихъ причастились Св. Тайнъ, проспились съ женами и дѣтьми, и отправились въ монастырь къ наказанію. Въ знакъ повиновенія — несли они плахи и топо-

ры для казни своей. Царевна Софія, какъ всегда шныпокровительница ихъ, употребила всю свою власть на Царей—безъ согласія которыхъ она не могла обойтись въ этомъ случаѣ—чтобы выпросить у нихъ прощеніе любимцамъ своимъ, и разумѣется успѣла въ томъ: изъ 3000 казнили только самыхъ виновныхъ тридцать человекъ.

Любопытно описывали современники торжественный въѣздъ Царскаго семейства въ Москву, послѣ этого бунта. Младшій Царь былъ уже тогда тринадцати лѣтъ. По росшу Его, необыкновенно высокому, Онъ казался нѣсколькими годами старѣе. Никогда различіе Царственныхъ братьевъ не было такъ замѣтно, какъ при этомъ случаѣ. Въ то время какъ слабый и блѣдный Іоаннъ равнодушно смотрѣлъ на безчисленныя толпы народныя и на безоружные ряды Стрѣльцовъ, смиренно стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и громко благодарившихъ Государей за свое помилованіе, — привлека-

пельное, цвѣтущее здоровьемъ лице Петра живо показывало волненіе души Его, и взоры безпрестанно выражали какое нибудь новое чувство: то грозно сверкали они пылкимъ негодованіемъ, то тихо сіли кротостью къ самимъ пресшунникамъ, то привѣтливо горѣли любовью къ народу.

Впрочемъ участіе Его въ правленіи все еще не было замѣтно; Софія все еще управляла одна, и надобно сказать правду, что во многихъ случаяхъ, распоряженія ея заслуживали похвалу и одобреніе. Такъ умѣла она вести искусные переговоры и сохранить миръ съ Крымцами, съ Молдавскимъ Господаремъ и Калмыцкимъ Ханомъ; такъ умѣла избѣгать войны съ Швеціею и наконецъ шакъ умѣла заключить важный союзъ съ Польшею и Австріею. Этотъ союзъ былъ противъ Турціи. Давно уже старались о немъ Король Польскій Іоаннъ Собіескій и Австрійскій Императоръ Леопольдъ. Сила и дерзкое самовласпіе Турокъ устрашали

этихъ двухъ Государей. Имъ казалось , что только общая война и помощь сосѣднихъ царствъ можеть остановить быстрые успѣхи Магометанъ. Рускіе представляли самую близкую и самую надежную помощь въ такомъ случаѣ, и вопль въ 1684 году , Императоръ и Король отправили пословъ своихъ въ Москву. Правительница , со всею Азіатскою пышностію встрѣтила и угощала знаменитое посольство , но не прежде согласилась на предложенія его, какъ въ 1686 году, когда уже и Папа Римскій и Король Шведскій и Курфирсъ Саксонскій и Господарь Молдавскій соединили свои просьбы съ просьбами Поляковъ и Австрійцевъ , и когда Іоаннъ Собіескій отказался навсегда отъ своихъ преобаній на Смоленскъ и Кіевъ и на всѣ области, присоединенныя къ Россіи по Андрусовскому перемирію.

Восхищаясь выгодами заключеннаго союза , Софія щедро наградила бояръ , которыеé участвовали въ пере-

говорахъ.— Главнымъ лицомъ, по обыкновенію, былъ тутъ Князь Василій Голицынъ. Разумѣется, что онъ получилъ и главныя награды: золотую чашу въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ пятьсотъ рублей и въ окрестностяхъ Нижняго—Новгорода, волость Богородицкую въ 3000 дворовъ! Вы можете судить теперь, милыя дѣти, какъ высоко цѣнила Царевна заслуги любимца своего!

Нельзя было бы осуждать ее, если бы она цѣнила эти заслуги тогда, когда онъ точно приносили пользу опечесиву, какъ случилось на попъ разъ, но она осыпала Голицына своими милостями даже и тогда, когда онъ вовсе не заслуживалъ того. Такъ было вскорѣ послѣ заключенія знаменитаго союза. Союзники положили шѣснить Турокъ съ трехъ сторонъ: Польскими силами при Бѣльградѣ, Австрійскими—въ Венгріи и Трансильваніи, а Рускимъ поручено было завладѣть Крымскимъ полуостровомъ, котораго Ханъ былъ

вѣрнымъ союзникомъ Турокъ. Два раза войско наше ходило въ Крымъ, и по желанію Правительницы всегда подъ начальствомъ Князя Голицына. Всякой разъ возвращалось оно опшуда не только безъ всякой пользы, но даже съ большими потерями, и всякой разъ получало богатые подарки. Кромѣ деревень и денегъ, слишкомъ щедро rozdанныхъ тогда начальникамъ полковъ, Царевна пожаловала имъ, и всѣмъ офицерамъ—золотыя, а простымъ солдатамъ—серебряныя медали. Медаль Голицына была сдѣлана изъ 300 червонцевъ, осыпана брилліантами и висѣла на золотой цѣпи.

Раздать такъ много милостей людямъ, незаслужившимъ ихъ—нельзя было безъ цѣли! Софія имѣла эту цѣль: ей нужно было для новыхъ замысловъ привязать къ себѣ все войско и быть увѣренной въ его усердіи и преданности.

На слѣдующихъ страницахъ, вы увидите, милые друзья мои, какъ ужа-

сны были эти замыслы, и какъ чудесно Богъ обратилъ ихъ къ славѣ Петра и къ стыду недостойной сестры Его!

ПЕТРЪ, ЕДИНОДЕРЖАВНЫЙ

ОБЛАДАТЕЛЬ РОССІИ

1689 годъ.

Отъ чего вы задумались, маленькіе друзья мои? Что вы шакъ невесело смощрите на 1689 годъ? Вамъ жалъ, что Петру уже семнадцать лѣтъ, а вы ничего не слышали о томъ, что былось Нимъ во все то время, какъ Софія такъ самовласно управляла царствомъ Его? Вамъ хошлось бы знать, какъ провелъ онъ каждый день, а не только—каждый годъ эшого времени! Чув-

спвую , что несправедливо было бы не исполнить вашего желанія: ни чье дѣтство не было такъ любопытно, такъ прекрасно и блистательно, какъ дѣтство Петра! И такъ развеселитесь, милыя дѣти, прежде сказа о томъ, что снова замышляетъ хитрая и властолюбивая Царевна, и какъ избавился отъ нее семнадцатилѣтній Петръ, вы узнаете все, что есть въ исторіи любопытнаго о Его дѣтствѣ и первой молодости. Слушайте же:

Вы помните, что еще на третьемъ году своего возраста, Петръ имѣлъ маленькихъ товарищей, съ которыми любилъ играть въ солдаты. Пріятно было смотрѣть на малютокъ, какъ они, со всею почтостію настоящихъ солдатъ, помнили весь порядокъ команды, и съ почтеніемъ слушая своего маленькаго командира, скоро и ловко исполняли Его приказанія. Въ послѣдствіи число ихъ увеличилось, и какъ они обыкновенно жили въ Потѣшномъ Преображенскомъ дворцѣ, то и ихъ

называли *Потѣшными*. А можетъ быть, это имя произошло и отъ того, что они составляли увеселеніе, или какъ тогда называли—*потѣху* Петра.

Но это увеселеніе вскорѣ сдѣлалось гораздо важнѣе и вотъ по какой причинѣ: въ числѣ иностранцевъ, служившихъ въ Россіи при Царяхъ Алексіи Михайловичѣ и Θεодорѣ Алексіевичѣ, былъ одинъ Женевскій дворянинъ, *Лефортъ*. Съ красивою наружностію въ немъ соединялись и прекрасныя качества души. Особенно ошличался онъ своею храбростію, праводушіемъ и привязанностію къ странѣ, ласково принявшей его въ число сыновъ своихъ. Онъ любилъ Россію, какъ свое отечество, и зналъ очень хорошо Рускій языкъ. Все это обратило на него особенное вниманіе десяти-лѣтняго Государя. Дружество, существовавшее въ послѣдствіи между имъ и Лефортъ, началось съ Голландскаго языка. Петръ просилъ образованнаго Женевца научить его по Голландски. Уроки нача-

лись, и съ того времени не было для Петра пріятнѣйшаго препровожденія времени какъ разговаривать съ новымъ любимцемъ Своимъ. Лефорту было чѣмъ занимать любопытнаго ребенка, было что рассказывать! Онъ такъ много странствовалъ по разнымъ государствамъ, такъ много видѣлъ на свѣтѣ и хорошаго и дурнаго, что въ разговорахъ съ нимъ, Петръ могъ безпрестанно узнавать, что нибудь новое и полезное. Лефортъ замѣтилъ, что маленькому Слушателю болѣе всего нравились рассказы его объ иностранныхъ войскахъ и о томъ устройствѣ, до котораго они уже были доведены въ Европѣ. Не было конца вопросамъ о ихъ вооруженіи, одеждѣ, ученіи! Любопытный Царь хотѣлъ знать малѣйшія о нихъ подробности. Вотъ Лефортъ, что бы удовлетворить желаніе его въ полной мѣрѣ и удивить пріятною нечаянностію, выбралъ пятьдесятъ человекъ Потѣшныхъ, одѣлъ, вооружилъ и обучилъ ихъ

совершенно по Европейски, и въ одно утро, привелъ всѣхъ ко дворцу. Двѣнадцати-лѣтній Петръ былъ въ восхищеніи, увидѣвъ предъ глазами своими то, о чемъ прежде такъ много слышалъ въ рассказахъ: едва узнавая поварихей своихъ въ новыхъ мундирахъ, Онъ то перебѣгалъ отъ одного изъ нихъ къ другому, то бралъ палочку изъ рукъ барабанщика и учился самъ барабанишь, то обнималъ и цѣловалъ Лефорта, такъ искусно умѣвшаго угождать Ему! Онъ сдѣлалъ его командиромъ новой роты, а Самъ—о! какъ вы удивитесь, маленькіе друзья мои, — Самъ, чтобы изучить въ совершенствѣ военное искусство — записалъ себя въ эту роту простымъ солдатомъ! И не подумайте, чтобы онъ сдѣлалъ это для одного удовольствія своего, не имѣя намѣренія исполнять обязанности новаго званія. Нѣтъ, напрошивъ того, не было солдата усерднѣе и исправнѣе Его. Онъ не только что спалъ въ общей палаткѣ солдатъ, обѣдалъ за

однимъ споломъ съ ними и носилъ одинакую одежду, но даже стоялъ по очереди на караулъ и осправлялъ всѣ солдатскія работы, напр. Онъ возилъ землю къ спроившейся крѣпости, Онъ Самъ сдѣлалъ ту тележку, на которой возилъ эту землю. Однимъ словомъ, Онъ хотѣлъ собственнымъ опытомъ узнать всѣ трудности военной службы, удостовѣриться въ возможности перенести ихъ и показать своимъ поданнымъ примѣръ повиновенія къ начальству. Такой примѣръ былъ чрезвычайно нуженъ для нихъ: духъ мѣстничества еще не совсѣмъ истребился и многіе изъ бояръ еще любили величаться старѣйшинствомъ или родомъ, и неохотно вступали въ службу. Теперь же могли ли они не перемѣнить образъ мыслей, когда видѣли, что самъ Государь служилъ простымъ солдатомъ и въ этомъ званіи, безъ всякихъ противорѣчій исполнялъ приказанія своего начальника? Вотъ первое великое дѣло Петра, млыя дѣти! Его служба

рядовымъ въ ротѣ Потѣшныхъ доказала самымъ надмѣннымъ приверженцамъ старинныхъ предразсудковъ о породѣ, что не знаменитые предки, но собственные заслуги составляютъ достоинства человека. Съ тѣхъ поръ, какъ Царственный воинъ-дипля съ восторгомъ и почтительною благодарностию принялъ отъ начальника роты, за отличную службу свою чинъ *Сержанта*, умолкли навсегда смѣшные споры о знатности предковъ, и всѣ увѣрились въ необходимости лично заслуживать тѣ достоинства, которыми хотѣли гордиться. Многіе начали записывать дѣшею своихъ въ Потѣшные и число ихъ вскорѣ такъ увеличилось, что уже не могло помѣщаться въ селѣ Преображенскомъ и надобно было часть изъ нихъ перевести въ ближнее опшуда увеселительное село Царское, *Семеновское*. Вотъ эти-то Потѣшные: Преображенскіе и Семеновскіе, составили въ послѣдствіи тѣ два гвардей-

скіе полка наши, которые до сихъ поръ носятъ эти знаменитыя имена.

Безпрестанно занимаясь ими, и находя первое удовольствіе въ этомъ занятіи, Петръ менѣе и менѣе заботился о томъ, что честолюбивая сестра опшнимала у него всю царскую власть Его. Онъ даже рѣдко ѣздилъ въ Москву: Преображенское было любимымъ мѣстомъ Его, гдѣ онъ жилъ почти не выѣзжая. Кромѣ службы съ Потѣшными, у Него было много другихъ занятій, и потому неудивительно, что онъ не догадывался о намѣреніяхъ Софіи. Каждый день нѣсколько часовъ проводилъ онъ за военно-машематическими науками. Училищемъ Его въ этомъ предметѣ былъ одинъ искусный артиллерійскій поручикъ Францъ Тилмерманъ, лично Самимъ Имъ выбранный изъ офицеровъ Пушечнаго двора. Здѣсь ксташи замѣтитъ, милые читатели, что Петру, послѣ коронаванія Его уже не давали настоящихъ учителей: у предковъ нашихъ не было обы-

кновенія, чшобы коронованный Государь продолжалъ ученъе.

Съ радостію видѣла Софія, что маленькій Царь думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе, и безпрестанно переходилъ отъ одного урока къ другому. Она явно и тайно благопріяшествовала Его занятіямъ, замѣчая, что они отвлекали Его отъ всякаго участія въ правленіи. Къ тому же и Потѣшныя, и математика, и строеніе небольшихъ крѣпостей, и примѣрныя сраженія передъ ними, все это казалось Софіи одними забавами меньшаго брата ея, забавами, вовсе не опасными для умной Правительницы!

Но какъ же ошиблась гордая Царевна! Посреди этихъ мнимыхъ забавъ возраспалъ могущественный Преобразователь Россіи, развивался необыкновенный умъ Его. Въ четырнадцать лѣтъ, Онъ уже показывалъ боярамъ своимъ недоспашки прежняго *Ратнаго устава*, гдѣ особенно недоволенъ былъ излишними словами въ командѣ.

Послушайте — говорилъ умный молодой Царь окружавшимъ Его — можно ли офицеру скоро командовать все это: „подыми мушкетѣ ко рту, содми сѣ полки, возми пороховой зарядецѣ, опусти мушкетѣ къ низу, посыпь порохѣ на полку, поколонн немного о мушкетѣ, закрой полку, спряхни, содми, положи пульку вѣ мушкетѣ, положи пыжѣ на пульку, вынь забойникѣ, добей пульку и пыжѣ до пороху, приложися, стрѣляй! — Не лучшели, — продолжалъ Петръ — вмѣсто всего, этого, сказать: *Слушай! заряди мушкетѣ! прикла дывайся! стрѣляй!*“ Сначала бояре, защищая прежній порядокѣ, не вѣрили, что бы можно было хорошо понять и исполнить это короткое приказаніе, но когда Петръ командовалъ при нихъ и солдаты также исправно все сдѣлали, какъ и прежде, упрямые приверженцы стараго порядка должны были согласиться, что замѣчанія молодаго Царя были въ полной мѣрѣ справедливы.

Военное искусство не было единственным предметом вниманія Петра: съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, это вниманіе обращалось на все. Съ удивленіемъ надобно было слушать, какъ двѣнадцати лѣтъ, Онъ разговаривалъ съ Патриархомъ о вѣрѣ и ея торжественныхъ обрядахъ. Съ удивленіемъ надобно было видѣть какъ Онъ, въ этомъ же возрастѣ, разсмапривая библиошеку Патриарха, сердился на него за безпорядокъ, найденный въ ней и поручилъ устроить ее своему бывшему учителю Зошову. Почни въ тоже время искусною хитроспїю, онъ опучилъ бояръ опѣ пристраспїи къ охотѣ и, представивъ имъ, какъ смѣшно такое бесполезное употребленіе времени, записалъ большую часть людей, служившихъ на Сокольничьемъ дворѣ, въ ряды своихъ Попѣшныхъ.

Но не смотря на множество такихъ случаевъ, ясно показывавшихъ удивительныя способности младшаго Царя—гордая Царевна, ослѣпленная вла-

сполубіємъ во все не замѣчала того, и продолжала нераздѣльно управляшь государствомъ даже и тогда, когда Петру уже исполнилось семнадцать лѣтъ и Онъ, по желанію Царицы, матери своей, уже набралъ себѣ супругу. И въ это время Софія еще называла себя во всѣхъ указахъ *Самодержицею Россіи*, изображала портретъ свой въ коронѣ и порфирѣ на всѣхъ монетахъ и медаляхъ, даже хотѣла представлять лице Государыни и тогда, когда въ большіе праздники семейство Царское торжественно показывалось народу. Но семнадцати-лѣтній Петръ, чувствуя права свои, началъ прошившись эпой самовласной волѣ, и во время крестнаго хода изъ Успенскаго собора въ соборъ Казанскій, 8 іюля 1689 года, рѣшительно объявилъ, что сестра Его должна быть въ церкви только какъ Царевна, а не какъ Правительница и Государыня. Софія не обратила никакого вниманія на слова брата и пошла,

какъ и всегда, рядомъ съ обоими Царями.

Такая гордость, такая дерзкая неуступчивость вывели наконецъ Петра изъ шерифіи: не желая въ глазахъ всего народа покориться прихоти своеюравной женщины, онъ въ шутку минушу вышелъ изъ церкви и уѣхалъ въ Преображенское вмѣстѣ съ матерью, супругою и своими приближенными.

Софія встревожилась: въ первый разъ она видѣла гнѣвъ Петра и испугалась слѣдствій его! Одна мысль потерять власть свою, была для нее ужасна! Она гошова была на все, чтобы только удержашь ее. Къ тому же гордая душа ея никого не любила: она могла жертвовать обоими братьями. Но старшій не былъ опасенъ: надобно было избавишься только отъ младшаго! Вообразите же, друзья мои, она рѣшилась на это! Главнымъ помощникомъ ея въ этомъ ужасномъ дѣлѣ былъ начальникъ Спрѣльцевъ, Шакловишый, аа-

ступившій мѣсто старика Хованскаго, и съ нимъ восемь Спрѣлецкихъ полковниковъ. Эти злодѣи, также какъ и Милославскій, воспользовались легковѣріемъ и безцоконнымъ нравомъ Спрѣльцовъ и снова обманули ихъ несправедливыми слухами. Они увѣрили ихъ, что Царь Петръ, вводя Нѣмецкіе обычаи и Нѣмецкое войско, хочеть перемѣнить вѣру и воастать на брата своего Іоанна. Услышавъ такія вѣсти, деракіе Спрѣльцы, незадолго передъ тѣмъ осыпанные милостями Царевны аа второй, безцолезный походъ въ Крымъ, готовы были, для угожденія ей, рѣшиться на ужасное алодѣяніе: умеривши Петра и всѣхъ. Его приверженцевъ. Въ туже ночь назначено было итти для того въ Преображенское.

Но Богъ чудесно показаль милость свою къ герою Рускому! Въ то самое время, когда Спрѣльцы-заговорщики толковали объ ужасномъ намѣреніи своемъ, въ толпѣ ихъ нашлись два чело-

вѣка — *Михаилъ Феоктистовъ* и *Димитрій Мельновъ*—еще не совершенно забывшіе, что есть на небесахъ Господь, наказывающій преступленія: имъ спрешно стало быть учаспникзми злодѣевъ, и они полетѣли въ Преображенское упаспъ къ ногамъ Царя и опкрыть Ему заговоръ.

Петръ, ласково и съ благодарностію принялъ раскалвшихся преступниковъ и въ шопъ же часъ уѣхалъ со всемъ семействомъ своимъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ опъѣзда Его пріѣжаешъ въ Преображенское Шакловитый. О! сколько злобы, досады и страха почувспвовалъ онъ, увидѣвъ, что жертва ускользнула опъ него! Уныло возвратился онъ въ Москву; какъ убишый, явился къ Софіи-Царевна ужаснулась, услышавъ расказъ его: ей каалось, что спасеніе Петра куплено цѣною ея собственнот гнбели! Въ шоскъ опчаянія, въ предчувствіи судьбы своей, она не знала на что рѣ-

шиться! то уговаривала Стрѣльцовъ довершить заговоръ Шакловишаго — общимъ возспаніемъ; то клевещала на Петра старшему брату, то просила совѣтовъ у Князя Голицына, то снова отвергала ихъ! Нигдѣ не было успѣха: Стрѣльцы, не хотѣли болѣе слышать о мятежѣ, и безъ всякаго сопротивленія выдали Петру всѣхъ сообщниковъ заговора и самаго Шакловишаго; Царь Іоаннъ слишкомъ много любилъ и уважалъ брата, чтобы повѣрить десятой части рассказовъ Царевны; а Голицынъ никогда не одобрялъ замысловъ Софіи на жизнь брата, но совѣтовалъ ей скорѣе уѣхать въ Польшу. Между тѣмъ какъ виновная Правительница, находилась въ такой мучительной нерѣшимости, въ монастырѣ Троицкомъ дѣлали розыскъ о заговорѣ и назначенные Петромъ бояре уже открыли во всей подробности преступленіе Софіи и ея сообщниковъ. Главные изъ нихъ, вмѣстѣ съ Шакловишимъ были наказаны смертію; дру-

гимъ опрѣзали языки; остальныхъ сослали въ Сибирь. Наказывая ихъ, Петръ все еще медлилъ наказанъ Софію, все еще уважалъ въ ней дочь отца своего! Софія хотѣла воспользо-ваться его великодушіемъ и послѣ потерь усердныхъ помощниковъ, уже не имѣя надежды погубить великаго брата своего, начала спараться о примиреніи съ нимъ. Для этого, она просила тетку свою, Царевну Татьяну Михайловну и сестеръ Марфу и Марію съѣздить въ монастырь Сергіевскій и увѣрить Петра, что Спрѣльцы оклеветали ее. Царь увидѣлъ въ этомъ поступкѣ только новую хитрость сестры своей и показалъ премо Царевнамъ такія ясныя доказательства вины ея, что онѣ всѣ не хотѣли возвратиться въ Москву и остались въ монастырь. Вслѣдъ за этимъ неудачнымъ посольствомъ, Софія отправила къ брату Папріарха Іоакима, который, унававъ подробно о преступленіяхъ Правительницы, послѣдовалъ примѣру се-

стеръ ея и отказался просить за нее Царя. Царевна не пришла въ уныніе и на эшотъ разъ, и поѣхала сама видѣться съ братомъ, но Петръ отказалъ ей въ томъ, и, видя ея желаніе оправдаться и пользоваться прежнею властію, поспѣшилъ рѣшить судьбу ея: она лишена была званія Правительницы и пострижена въ монахини. *) Князь Василій Голицынъ и сынъ его лишены боярскаго достоинства и посланы въ вѣчную ссылку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ совершеннаго окончанія дѣла о заговорщикахъ, Петръ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, въ сопровожденіи войска, нвившагося для защиты Его въ монастырь Троицкій. Это войско состояло изъ Попѣшныхъ, изъ регулярнаго опряда подъ начальствомъ

*) Софія Алексіевна пострижена была подъ именемъ *Сусанны* въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь провела она около 16 лѣтъ и скончалась въ июль 1705 года.

Генерала Гордона и пѣхъ Стрѣлецкихъ полковъ, которые оставались вѣрными Царю. Кроме того множество народа шло вмѣстѣ съ войскомъ: всякому хотѣлось видѣть свиданіе обоихъ Царей послѣ такого важнаго переворота въ правленіи, тѣмъ болѣе, что мятежники увѣряли всѣхъ, что царскіе братья въ ссорѣ между собою. Но какъ же удивились всѣ, когда подходя ко дворцу, увидѣли на крыльцѣ Іоанна, вышедшаго на встрѣчу брату! Съ непришворною радостію Государи обнялись! Ихъ не раздѣляли болѣе хитрости честолюбивой сестры! Въ тотъ же день старшій Царь объявилъ народу, что Онъ отказывается отъ участія въ правленіи и уступаетъ свою власнѣ младшему брату своему, болѣе его способному сославить счастье подданныхъ. Петръ согласился на непремѣнное желаніе великодушнаго брата, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Іоаннъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ боярской, и чтобы имя старшаго брата

но всѣхъ государственныхъ бумагахъ было выше имени младшаго.

Вошь начало настоящаго царствованія великаго, незабвеннаго Государя Россіи, милды дѣши! Теперь— то вы услышите самые любопытные рассказы о дѣлахъ Его.

НАЧАЛО РУССКАГО ФЛОТА

и

ПЕРВАЯ ПОБѢДА ПЕТРА.

Отъ 1689 до 1697 года.

(Иер. 8 лѣтъ.)

Изъ описанія дѣтскихъ игръ Петра и Его Попѣшныхъ, вы уже видѣли, милья дѣши, начало сухопутнаго войска Его. Хотите ли знать теперь какъ, образовались морскія силы нашего Царя-героя? Можно сказать, что каждая игрушка показывала Его стремленіе къ великимъ дѣламъ. Вы узнаете это изъ слѣдующаго рассказа.

Петръ, осматривалъ однажды въ селѣ Измайловскомъ, старыя вещи, оставшіяся въ домѣ прапрадѣда Его, Никишы Ивановича Романова. Вдругъ замѣчаетъ онъ между ними какую-то брошенную безъ употребленія лодку, во все не похожую на тѣ, какія дѣлались тогда въ Россіи. Съ нимъ былъ въ это время учитель Его, Францъ Тиммерманъ. Любопытный Царь спрашиваетъ его, что это за лодка и съ удивленіемъ узнаетъ, что это Англинскій ботъ, употребляемый на морь, при корабляхъ, и что на немъ можно ѣздить на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтру. Это была новоспъ, еще никогда не виданная Петромъ. О! сколько занимательности она представила ему! Нетерпѣливый Царь хотѣлъ въ ту же минуту пуститься на немъ до Яузъ, но ботъ былъ почти въ совершенномъ разрушеніи. Надобно было прежде исправить его, и тотчасъ приказано искать плотника. Къ счастью нашли того самаго Голландца Брандта, ко-

торый спроиль эшотъ ботъ при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Онъ починиль, оснашилъ, спустиль его на воду и нѣсколькo времени ѣздиль предъ глазами Государя, стоявшаго на берегу. Насмотрѣвшись довольно на лавированіе мастера, Петръ самъ сѣлъ вмѣстѣ съ Брандтомъ и началъ управлять ботиномъ. Съ перваго же раза новое дѣло пошло такъ хорошо въ царствен-ныхъ рукахъ Великаго, что плаваніе на ботикѣ сдѣлалось тогда же одною изъ любимыхъ забавъ Его. Здѣсь къ славѣ Петра надобно сказать вамъ, милыя дѣши, еще то, что онъ въ дѣтствѣ боялся воды, и что Ему стоило большихъ трудовъ преодолѣвать эшотъ страхъ. Но чего не сдѣлаеть человекъ съ твердою волею и истиннымъ желаніемъ успѣха? Въ короткое время въ Петръ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ прежняго страха. Рѣка Яуза и Москва скоро показались малы для молодого Царя, а небольшія поѣздки водою до села Коломенскаго уже не удо-

влетворяли спраси его къ мореплаванію. Въ 1691 году выписаны были новые мастера изъ Голландіи, и построена корабельная верфь на озерѣ Переяславскомъ *). Главный мастеръ Арріенъ Меепъе долженъ былъ заложить двѣ одинакой величины яхты: одну для себя, другую — подивитесь, милые читатели — другую — для самаго Петра! Да, друзья мои, Петръ, прошедшій всѣ нижніе чины сухопутной военной службы, хотѣлъ съ такою же почностію узнать и морскую! Еще болѣе, онъ хотѣлъ имѣть совершенное понятіе не только о томъ, какъ надобно служить на кораблѣ, но даже и о томъ, какъ надобно строить корабль. Вотъ два мастера принялись за работу: старшій, Арріенъ — объяснялъ правила постройки и на опытѣ показывалъ ихъ младшему — Петру. Собственными руками

*) Это озеро называется также *Клешиинскимъ* и находится въ Владимірской губерніи. Оно имѣетъ въ длину 8, а въ ширину 7 верстъ.

исполнялъ онъ все показанное Ему, собственными руками клалъ каждую доску, вколачивалъ каждый гвоздь, и такимъ образомъ спустилась на воды Переяславскаго озера *первая* яхта Русская! Она была *первою* потому что Царсквенный ученикъ опередилъ учителя и окончилъ работу свою прежде нежели окончена была яхта Арріенова. 1 мая 1692 года, Царь, восхищенный произведеніемъ своимъ, началъ прогулки по озеру, а когда новый флотъ сошоялъ уже изъ пяти судовъ, эти прогулки перестали быть простымъ кашаньемъ двора, но представляли морское ученье, и часто даже, примѣрныя сраженія. Царица Наталія неохотно смотрѣла на такія увеселенія: нѣжная мать боялась новыхъ опасностей, какимъ подвергалъ себя Петръ и сшаралась отвлекать Его отъ моря, кораблестроенія и вообще отъ многихъ нововведеній, не нравившихся большей части Его подданныхъ. Великій былъ всегда послушнымъ сыномъ и до самой

самой смерти родительницы своей, случившейся въ 1694 году и жестоко поразившей Его *), не предавался всей силѣ своего генія, не могъ доводить до совершенства своихъ обширныхъ намѣреній.

Послѣ кончины Напаліи въ дѣйствіяхъ Его примѣтно болѣе свободы. Не боясь уже огорчать нѣжностью Ея, онъ съ каждымъ годомъ смѣлѣе предавался спраси своей къ мореходству и въ маѣ 1694 года уже ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, а этотъ монастырь построенъ на островѣ Соловкахъ, лежащемъ на Бѣломъ морѣ! Спало бытъ, въ то время, это было важное морское путешествіе. Оно соединялось съ большими опасностями, и смѣлый Петръ едва не сдѣлался жертвою ихъ. На до-

*) Горестъ Петра о кончинѣ матери трогательно выражается въ письмѣ Его къ тогдашнему Архангельскому Воеводѣ Ѳедору Апраксину. Это письмо начинается такъ: „Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце.“

рогъ къ монастырю достигла Его такая сильная буря, что всѣ находившіеся съ нимъ люди потеряли надежду спастись, и даже Самъ Онъ уже приготовился къ смерти, и причастившись Св. Тайнъ, безъ страха ожидалъ минуты гибели. Но Богъ спасъ своего избраннаго. Руской кормщикъ изъ проспыхъ крестьянъ, одинъ не потерялъ бодрости: счастливо провель онъ царскую яхту среди подводныхъ камней и присталъ къ берегу. Мы, Рускіе, такъ много обязаны этому искусному кормщику, что непременно должны знать его имя; его называли, *Антипъ Пановъ*. Петръ, въ знакъ благодарности къ Богу за свое спасеніе поставилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ, деревянный, сдѣланный собственными руками крестьянъ, на которомъ вырѣзалъ слѣдующую надпись на Голландскомъ языкѣ: „Dat kruys maken Captein Peter, van A. Sht. 1694“ *).

*) Этотъ крестъ сдѣлавъ Капитаномъ Петромъ 1694 года.

Не смотря на опасность путешествій по Бѣлому морю, Царь, при года сряду возобновлялъ ихъ. Знакомство съ иностранцами, и особенно Голландскими купцами, которыхъ всегда было много въ Архангельскѣ, и разговоры съ корабельщиками увеличивали морскія познанія его; самыя путешествія, дѣлаемыя обыкновенно до Вологды сухимъ путемъ, а отсюда водою, доставляли ему новыя опыты. Въ 1695 году уже заложена была вторая корабельная верфь въ городѣ Воронежѣ, но прежде нежели готовы были суда, на ней строившіяся, Петръ занялся другимъ важнымъ предпріятіемъ.

Я уже говорила вамъ, милые дѣти, о союзѣ, заключенномъ прошивъ Турціи, Царевною Софіею съ Австрійскимъ Императоромъ и Королемъ Польскимъ. Вы помните также, и о шѣхъ двухъ походахъ въ Крымъ, за которые Правительница съ несправедливою щедростію наградила любимца своего, Князя Голицына и все войско, ходившее съ

нимъ? Это было почти первою причиною неудовольствій Петра на самовласшіе и дурное правленіе сеспры. Ему досадно было узнать, что Рускіе могли съ такимъ безславіемъ воевать съ Ташарами, уже боявшимися ихъ; еще досадиѣе было видѣть, что за это самое безславіе, ихъ наградили какъ самыхъ храбрыхъ воиновъ! Эта досада скрывалась въ сердцѣ Его, пока Софія была повелительницею Россіи, но какъ скоро власть ея кончилась, Петръ, началъ заботиться о томъ, чтобы заставишь позабыть неудачи Рускаго войска въ Крымѣ шѣмъ болѣе, что онѣ могли внушать Турціи невыгодное мнѣніе о силахъ нашихъ, и придавали Ташарамъ смѣлоспѣ дѣлать набѣги на наши владѣнія. Но Петръ, не смотря на всю свою молодоспѣ, былъ оснороженъ и благоразуменъ, какъ человекъ совершенныхъ лѣтъ, и пошому намѣреніе Его продолжати начатую войну съ Турціей не было извѣстно до шѣхъ поръ, пока полки Рускіе, обученные по Евро-

пейски, не привыкли къ новому устройству, обещававшему болѣе успѣха въ сраженіяхъ съ войскомъ необразованнымъ. И такъ, не прежде какъ въ 1695 году, молодой Царь объявилъ народу, что для безопасности государства, надобно опнять у Турокъ — городъ *Азовъ*, въ которомъ они построили важную крѣпость, чтобы помогать Ташарамъ дѣлать набѣги на Рускія области и укрывать ихъ отъ преслѣдованій.

Милые дѣти! вѣрно вы знаете изъ географіи, что эта Азовская крѣпость и теперь существуетъ еще въ Екашеринославской губерніи на берегу рѣки Дона, въ 30 верстахъ отъ Азовскаго моря. Но въ ней едва примѣтны теперь слѣды знаменишаго города Азова, который извѣстенъ былъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Тогда онъ принадлежалъ Половцамъ, часто побѣждаемымъ нашими предками. Въ XIII-мъ вѣкѣ завладѣли имъ Генуезцы, и называли его *Тана*, потому что до наше-

ствія Половцевъ, на мѣстѣ Азова былъ городъ *Танаисъ*, построенный Греками, около Р. Х. Надобно думать, что эпошъ же самый Танаисъ, Половцы назвали *Азоволъ*, пошому что *Азупъ* было имя одного изъ Князей ихъ. *Танаисъ*, *Тана* или *Азовъ* славился своею торговлею и богатствомъ, но Генуезцы не долго владѣли имъ: въ 1392 году, онъ опнятъ былъ у нихъ Ханомъ *Телиръ-Аксаколъ*. Судьба Азова была чрезвычайно неспоянна: въ 1453 году завоевалъ его ошъ Крымцевъ Турецкій Султанъ Магомешъ II, въ 1639 чешыре тысячи Донскихъ Казаковъ, опняли его у Турокъ, которые послѣ двухъ походовъ, спойвшихъ имъ очень дорого, снова возвратили несчастный городъ подъ власшь свою и тогда уже обрашили его въ сильную крѣпость.

Вошъ эту крѣпость надобно было опнятъ у Турціи для безопасности южныхъ границъ нашихъ. Весною 1695 года, придцаши-тысячное войско, назначенное для осады Азова, выступило изъ Москвы

въ чешырехъ опрядахъ: *первыми*—командовалъ Генераль, Алексѣй Семеновичъ Шейнъ; *вторыми*—Паприкѣй Гордонъ; *третьими*—Францъ Лефортъ; *четвертыми* — Аршамонъ Головинъ. Въ опрядѣ послѣдняго были Царскіе потѣпные, уже называвшіеся полками: *Преображенскими* и *Семеновскими*. Къ полку Преображенскому прибавлена была рота Бомбардирская, и въ ней — Капитаномъ—Самъ Петръ! Неописанно было удивленіе, съ которымъ предки наши смотрѣли на эпого великаго Государя, покорнаго приказаніямъ своего начальника! Чудесно дѣйствовалъ на нихъ эпошъ необыкновенный примѣръ: онъ заспавлялъ ихъ спремительно бросающа во всѣ опасности! Да и можно ли было бояться эпохъ опасностей? Петръ совершенно по *братски* раздѣлялъ ихъ съ ними; Петръ, безъ всякаго страха, часто даже безъ всякой осторожности, летѣлъ въ самую средину сраженія! Такъ однажды онъ преслѣдовалъ Турокъ, съ своими двумя

полками до самыхъ стѣнъ Азовской крѣпости. Но всѣ чудеса храбрости, показанныя Рускими во время этого похода, окончились только тѣмъ, что взяты были двѣ сильно-укрѣпленныя Турками каланчи, построенныя на берегахъ Дона въ шести верстахъ отъ Азова, для того, чтобы не пускали Рускихъ судовъ по Дону и тѣмъ затрудняли привозъ съѣстныхъ припасовъ къ нашему войску. Къ тому же случилось еще происшествіе, остановившее совершенно успѣхъ войны: инженеръ *Яковъ Янсонъ*, за что-то разсердившійся на *Генераловъ*, заколотилъ ввѣренныя ему пушки и передался на сторону непріятелей. Эта низкая измѣна причинила столько вреда для Рускихъ, что они должны были опустить и оплощить войну до слѣдующаго года. Не нужно сказывать вамъ, милые друзья мои, съ какою заботливостію занялся *Петръ* приготовленіями къ второму походу: всѣ вы уже имѣете понятіе о неутомимости этого удивительнаго Госуда-

ря! Узнавъ на опытъ, какъ необходимо флотъ для взятія приморскаго города, Петръ обратилъ главное вниманіе свое на поспройку судовъ въ Воронежской верьфи. Цѣлую зиму шамъ работали безпрестанно и къ веснѣ готовы были: 2 фрегата, 4 брандера, 2 гальета и 23 галеры. Адмираломъ эпого— какъ будно бы волшебною силою явившагося флота — сдѣланъ былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Петра въ чудесныхъ дѣлахъ Его—Лефоршъ. Подъ начальствомъ его были: Вице Адмиралъ *Де-Лима*, родомъ Генуезецъ, и Контръ-Адмиралъ *Лозеръ*. Главнокомандующимъ надъ сухопутнымъ войскомъ былъ Генералъ *Шейнъ*. Отправляясь въ май 1696 года въ эпошъ вторый походъ подъ Азовъ, молодой Государь былъ печаленъ: незадолго передъ тѣмъ, и именно 29 января, онъ лишился брата, котораго любилъ со всею нѣжносцію сына. Многіе испорикъ называютъ Царя Іоанна Алексіевича: *слабымъ*. Но одинъ изъ нихъ, Галемъ, вопъ что го-

ворить о немъ: „Откровенно призна-
„ваясь въ плѣсныхъ и душевныхъ сво-
„ихъ недоспашкахъ, и опдавая всенаро-
„дно преимущество предъ собою млад-
„шему своему брапу, онъ показаль бо-
„лѣ величїя души нежели многіе, почи-
„тающіе себя умными и сильными.“
Если прибавишь къ такому описанію,
уваженіе и привязанность его къ Петру,
то нельзя не оцѣнишь достойно этого
крошкого Государя. Не знаю какъ вы,
милые чипашели мои, но я очень, очень
люблю добраго Іоанна Алексіевича! и
жалѣю, что онъ рано скончался и не про-
жилъ покрайней мѣрѣ еще нѣскольکو
мѣсяцевъ: тогда онъ услышалъ бы съ
какою славою любимецъ души его, его
несравненный Петръ кончилъ Азовскій
походъ; увидѣлъ бы торжественное
возвращеніе Его въ Москву и счастье
милаго брапа упѣшило бы нѣжное
сердце спрадальца. Да, друзья мои, не
позднѣе какъ 19 іюля того же 1696
года, Азовъ, спѣсенный съ моря и съ
сухаго пути искусными распоряженіями

Петра и Его Генераловъ, принужденъ былъ сдаться. Побѣдитель позволилъ жителямъ выйти и взять съ собою столько имущества сколько можно было унести на рукахъ, но потребовалъ за это выдачи измѣнника Янсона, и воля его была исполнена.

Петръ, обладая всѣми прекрасными качествами души, имѣлъ также и необыкновенную скромность. Не смотря на самое дѣлательное участіе свое въ осадѣ Азова, онъ приписалъ весь успѣхъ побѣды своимъ полководцамъ и войску, и хонгъль, чѣобы не Онъ— а они имѣли торжественный въѣздъ въ Москву.

Въ первый разъ столица Руская видѣла такой праздникъ, какой былъ въ день этого въѣзда. Все было такъ ново, такъ необыкновенно для тогдашнихъ жителей Москвы, что они записали малѣйшія подробности этого торжества, и вы, милыя дѣти, вѣрно поблагодарите меня, если я загляну въ ихъ описанія и

раскажу вамъ то, что болѣе всего любопытно въ нихъ.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что день, назначенный для торжественнаго въѣзда, былъ 30 сентября. При входѣ на каменный мостъ построены были триумфальныя ворота. По правую сторону ихъ стояла на пьедесталѣ статуя Марса съ надписью: *Марсовою храбростію*. У ногъ Марса лежалъ Татарскій Мурза съ лукомъ и колчаномъ, а за нимъ два скованные Татарины съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались

Нынѣжъ отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.

По лѣвую сторону у воротъ стояла статуя Геркулеса съ надписью: *Геркулесовою крѣпостію*. У ногъ его лежалъ Азовскій Паша въ чалмѣ и два скованные Турки, опять таки съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли

И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали!

Ръзвые читатели мои! не вздумайте подшучивать надъ этими стихами! Помните, что въ то время еще не существовали поэты, которыми мы гордимся теперь, и потому, не удивляйтесь, если я скажу вамъ, что эти самыя строки, которыя заставляють васъ теперь такъ лукаво улыбаться, казались прекрасными нашимъ прапрадѣдушкамъ. Но возвратимся къ первымъ триумфальнымъ вратамъ Рускимъ: мы рассказали только самую маленькую часть ихъ чудесъ, которыми они были испещрены въ торжественный день 30 сентября. Входъ въ врата былъ украшенъ золотою парчею. По своду написано было золотыми буквами: *Придохъ, видѣхъ, побѣдихъ*. Посреди свода висѣлъ зеленый лавровый вѣнокъ, на верху парилъ двуглавый орелъ съ тремя коронами. Кроме того, по сторонамъ вратъ возвышались двѣ пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, а ось ихъ вдоль

моста разспавлены были огромныя живописныя каршины. На одной представлень былъ приступъ къ Азову, на другой морское сраженіе съ надписью:

На моръ Турки поражены

Оставя Москвѣ добычу, корабли ихъ созжены.

Мостовыя перила и всѣ улицы, ведшія къ Кремлю, были увѣшаны дорогими Персидскими коврами; по обѣимъ сторонамъ дороги стройно стояли Спрѣльцы, не бывшіе въ походѣ.

Теперь мы знаемъ, друзья мои, въ какомъ блестящемъ видѣ пригото- вилась Москва встрѣтить возвращавшихся побѣдителей; посмотри же на порядокъ, въ какомъ эти побѣдители вступали въ радостную столицу. Послѣ множества конюшихъ, каретъ, колясокъ и богато убранныхъ верховыхъ лошадей, принадлежавшихъ или Царю, или Генераламъ, ѣхала торжественная колесница, сдѣланная въ видѣ раковины, украшенная золотомъ и запряженная шестью сѣрыми лошадьми. Въ этой

колесницѣ сидѣлъ пошъ, кого Петръ хотѣлъ почтѣннѣе болѣе всѣхъ—Лефортъ. На немъ былъ бѣлой морской мундиръ, обшитый серебряными галунами. За колесницею шли всѣ морскіе офицеры и мапрорсы, бывшіе подъ начальствомъ его, и всѣ находившіеся въ Руской службѣ—иноспранцы. Послѣ множества знаменъ, провожаемыхъ прубачами и липаврщиками, несли большое знамя Государево, на которомъ изображенъ былъ Спаситель. За знаменемъ ѣхалъ бояринъ и Большой - Воевода, т. е. главнокомандующій, Алексій Семеновичъ Шейнъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бѣлымъ перомъ и съ обнаженною саблею въ рукѣ: это было второе лице пюржеспва. Послѣ него ѣхалъ Воевода артиллеріи, Вельяминовъ—Зерновъ, за которымъ солдаты тащили по землѣ Турецкія знамена, и вели плѣнника, Мурзу Апалыка. — За этимъ отдѣленіемъ ѣхалъ дивизионный Генераль Аршамонъ Головинъ; Полковникъ Семеновскаго полка, Чамберсъ и—наконецъ Капитанъ Преоб-

раженскаго, Петръ, въ просшомъ офицерскомъ мундирѣ, пѣшкомъ съ своею ротой. Какая картина могла бытъ прекраснѣе, величественнѣе, удивительнѣе эшой! Надобно было только взглянуть на поржеспвенную колесницу Лейфорта и на молодаго Петра въ Его капитанской одеждѣ, чшобы поняшь все превосходство, все величїе Государя, посланнаго Богомъ счастливой Россїи! Съ равнымъ воспоргомъ смотрѣли на него и Рускіе и иностранцы, съ равною любовїю они были преданы Ему, и пошому съ равнымъ негодованїемъ всѣ увидѣли въ концѣ шествїя, за бомбардирами и пушкарями, измѣнника *Янсона*: его везли на шелегѣ, подѣ укрѣпленною на ней висѣлицею, надѣ копорой видѣнь былъ Турецкїй полумѣсяцъ съ надписью: „ущербѣ луны.“ На шеѣ у него надѣша была петля, на груди дощечка съ словами: „злодѣй!“ Нельзя было безъ ужаса смотрѣшь на эшого низкаго и жалкаго человѣка! Взоры всѣхъ, съ презрѣнїемъ опворачи-

ваясь ошъ него, опдыхали на свѣпльыхъ, благородныхъ лицахъ Лефорта и Шеина. Особенное удовольствіе примѣтно было въ обоихъ Генералахъ въ ту мину-ту, какъ они подѣзжали къ пріумфальнымъ ворошамъ. Здѣсь, снова вспрѣпили каждого изъ нихъ, привѣспвіемъ въ спихахъ. Эпи спихи уже не были надписью, но были сказаны сверху ворошъ геніемъ въ такую огромную трубу, что весь народъ могъ внятно слышать каждое слово.

Знаменишый день 30 сентябрия кончился царскими милоспіями, щедро розданными всѣмъ участвовавшимъ въ походѣ, и разными увеселеніями, которыя Царь любилъ дѣлать для народа въ поржеспвенные праздники. Эпи увеселенія состояли чаще всего въ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ. Последніе, — какъ любимая забава Царя—за три года передъ тѣмъ уже давались Дворомъ во время масляницы и въ разные другіе праздники, и сначала очень удивляли предковъ нашихъ; особенно

просшой народъ долго не могъ понять, по какому чуду эми прекрасные разноцвѣтные огни лешали по воздуху. И какъ бы вы думали, кто занимался эшимъ дѣломъ? Самъ Петръ! Не только Онъ приготавливалъ собственными руками фейерверки, но часпо даже Самъ зажигаля ихъ!

Окружавшіе Его удивлялись, какъ эшошь великій умъ могъ въ одно время занимать важными дѣлами и мелочами! Впрочемъ заженіе фейерверка, соединеннаго въ то время съ опасностями, еще не могло назваться совершенною бездѣлицею, но часто случалось, что Петръ, посреди самыхъ глубокомысленныхъ размышленій о какомъ нибудь великомъ предпріятіи, писалъ письма къ Архангельскому воеводѣ о томъ, чшобы онъ купилъ для него лимоновъ и рассказывалъ въ томъ же письмѣ, какимъ образомъ приготовить ихъ, чшобы доставить къ нему испорченными, или отдавалъ приказаніе о починкѣ какой нибудь вещи изъ

одежды своей, или наконецъ Самъ принимался за эту починку: такъ не одинъ разъ Онъ Самъ чинилъ башмаки свои. Когда приближенные Его громко удивлялись такой безпримѣрной дѣяшельности, и по мнѣнію ихъ излишней для Царя бережливости, Петръ обыкновенно отвѣчалъ имъ своею любимою пословицею: *„кто не бережетъ денежки, тотъ силъ не стоить рубля.“*

ТАБЛИЦА XLIV.

Семейство Царя Іоанна Алексіевича.

Супруга : Параскевія Теодоровна Сал-
шыкова.

Дочери : 1. *Анна* , бывшая въ супруже-
ствѣ за Герцогомъ Кур-
ляндскимъ, въ послѣдствіи
Императрица Всероссій-
ская.

2. *Екатерина* , бывшая въ су-
пружествѣ за Герцогомъ
Мекленбургскимъ, *Леополь-*
домъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПЕТРА ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ

И

ПОСЛѢДНІЙ БУНТЬ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Отъ 1697 до 1700 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Прекрасная мысль сдѣлать Россію похожею на просвѣщенные государства Европейскія свѣплѣла въ геніяльномъ умѣ Петра еще въ то время, когда Онъ съ дѣшскою радостію смотрѣлъ на первое, военное ученье своихъ Потѣшныхъ. Она сильнѣе заблестала потомъ съ вѣяніемъ парусовъ, въ первый

разъ развившихся на его новомъ флотѣ; она ярко загорѣлась наконецъ въ эту минуту, когда знаменитый Азовъ упалъ къ ногамъ своихъ побѣдителей! Съ тѣхъ поръ, она была уже не мечтательною мыслию пылкаго ребенка, но постояннымъ предметомъ размышленій чловѣка совершеннаго, единственною цѣлію его надеждъ, желаній, дѣйствій! И потому воспоргъ Его былъ невыразимъ при взятіи Азова. Владѣніе этимъ городомъ открывало подданнымъ Его новое море*), а Петръ почишалъ мореплаваніе лучшимъ средствомъ къ просвѣщенію народовъ. И подлинно не чрезъ моря ли и корабли—самыя отдаленныя государства могутъ сообщаться и передавать другъ другу свои познанія и образованность. Но къ сожалѣнію, по берегамъ Чернаго моря были не такія государства, у которыхъ

*) Читатели мои вѣрно знаютъ уже, что это было Черное море: оно соединяется съ Азовскимъ, при которомъ лежалъ Азовъ.

можно было бы воспользоваться просвещеніе. Взгляните на карту: вы увидите тамъ только полудикія области Азіи съ одной стороны, и Турцію, еще чуждую христіанской вѣрѣ, съ другой. Подъ владѣніемъ Петра было еще одно море: *Бѣлое*. Но и это представляло также мало выгодъ какъ и Черное. По причинѣ близости своей къ холодному полюсу, оно было каждый годъ такъ долго покрыто непроходимыми льдами, что не много оставалось шеплаго времени для прихода кораблей. Гдѣ же искать самой близкой дороги къ образованнымъ царствамъ Европы? Съ этимъ вопросомъ взоры Великаго оставились на морѣ Балтійскомъ. „Какъ хорошо было бы для Россіи моей — думать о немъ — имѣть на этомъ морѣ гавань, куда бы могли приходиться иностранные корабли! Какъ близко оно и къ Германіи, и къ Даніи и къ Голландіи и къ Англіи!“ Но берега Балтійскаго моря и заливы Финскій и Рижскій, гдѣ удобнѣе всего можно бы-

ло построить обширную гавань, не принадлежали въ то время Россіи: вы помните, друзья мои, что Царь Михайль Ѳеодоровичъ принужденъ былъ по Столбовскому миру отдать Ингерманландію и Карелію—Шведамъ, которыми принадлежала также и Лифляндія. Шведы храбры — трудно опнять у нихъ владѣніе ихъ! Но Петръ не боится трудностей, чувствуя справедливость своего требованія и понимая всю пользу, все величіе прекрасной цѣли своей: на берегахъ Балтійскаго моря, Россія будетъ имѣть портъ, который соединитъ судьбу ея съ судьбой Европы и передастъ переимчивымъ обитателямъ ея всѣ науки и искусства эпохъ,—такъ давно образованной—части свѣта. Однакожь Петръ, хотя совершенно преданный этой мысли, хочетъ прежде собственными глазами и во всѣхъ подробностяхъ видѣть то просвѣщеніе, о которомъ Онъ такъ много слышался и начинался. Въ важномъ дѣлѣ преобразованія цѣлаго царства, Онъ не посту-

пишть легкомысленно, не перемѣнишь необдуманно—нравовъ и обычаевъ своего народа, не положишься на одни слова иностранцевъ, хопя эти иностранцы заслуживають всю довѣренность, потому что первое мѣсто между ними занимають Его учителя — Лефорть и Тиммерманъ, уже такъ много разъ доказавшіе вѣрность и привязанность свою къ Россіи. Онъ увидишь все Самъ, Онъ собственнымъ сужденіемъ оцѣнишь всѣ отрасли образованности и тогда уже собственными руками перенесешь ихъ въ родную страну. Для счастья подданныхъ Своихъ, Онъ не пожалѣетъ ничего, Онъ подвергнется не только всякимъ прудамъ, но даже и всякимъ опасностямъ. Да, друзья мои, Онъ рѣшился — и Рускіе услышали новостъ, никогда прежде неслыханную въ опечествѣ нашемъ. Царь отправлялся въ чужіе края! И подумайте — какимъ образомъ? Безъ малѣйшаго признака той пышности, съ которою Государи Рускіе обыкновенно показывались на-

роду, даже скрывъ это знаменитое достоинство подъ именемъ и одеждою простаго дворянина посольства, отправлявшагося въ Вѣну для переговоровъ съ Императоромъ о войнѣ противъ Турокъ. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы избавиться всѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, всѣхъ пышныхъ церемоній, занимающихъ такъ много времени у него, кшо каждую минуточку свою желалъ употребить на что нибудь полезное.

Поручивъ внутреннее управленіе столицы и всего государства одному изъ достойнѣйшихъ вельможъ того времени, Князю *Теодору Юрьевичу Ромодановскому*, Петръ выѣхалъ изъ Москвы со всѣмъ посольствомъ 7 марта 1697 года. Первымъ посломъ былъ Намѣстникъ Новгородскій, Генераль—Адмираль *Лефортовъ*; вторымъ, Сибирскій Намѣстникъ *Теодоръ Алексіевичъ Головинъ*; третьимъ, Думный дьякъ *Возницынъ*. Самъ же Царь назывался просто Дворянскимъ десятиникомъ *Петровъ*

Михайловыиъ. Свита посольства была очень многочисленна. Кромѣ всѣхъ чиновниковъ, въ ней было еще двадцать пять человекъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, назначенныхъ въ это путешествіе для усовершенствованія себя въ наукахъ. Между ними отличался, не породю, но рѣдкими способностями и умомъ—*Александръ Меншиковъ*. Это былъ любимецъ Царскій. Петръ увидѣлъ его въ первый разъ въ домѣ Лефорта, гдѣ Меншиковъ служилъ просшымъ мальчикомъ. Ловкость и проворство его такъ понравились проницательному Государю, что Онъ взялъ его къ себѣ, и сначала сдѣлалъ Своимъ камердинеромъ, потомъ записалъ въ Попѣшную роту, а наконецъ такъ полюбилъ умнаго *Алексашу* (такъ Петръ называлъ Меншикова)—что почти ни на минуту не опускалъ его отъ себя, и приказалъ ему даже спать въ одной съ Нимъ комнатѣ. Въ продолженіе исторіи нашей, вы часто будете слышать объ этомъ

Александръ, милья дѣти; онъ будетъ въ послѣдствіи Княземъ и знаменитымъ полководцемъ и министромъ Петра, но теперь это еще только молодой человекъ, любящій до обожанія великаго благодѣтеля своего, страстный къ ученью и восхищенный мыслию ѣхать въ чужіе края, и видѣть все, что они имѣютъ любопытнаго.

Проницательный Петръ не ошибся, приготовався къ непріятностямъ, какія могли случиться съ нимъ въ этомъ путешествіи. Онъ начался съ первыми шагами Его за границу Россіи. Вы помните, милые читатели мои, съ какимъ неудовольствіемъ обитатели береговъ Балтійскаго моря, эти прежніе враги - сосѣди, а теперь — добрые соотечественники наши, Лифляндцы и Эстляндцы всегда смотрѣли на старанія Государей Рускихъ образовати своихъ подданныхъ. Вы помните, какъ послѣдніе Рыцари Ливоніи осшановили всѣхъ иностранцевъ, выписанныхъ изъ чужихъ краевъ Іоанномъ IV? И такъ

удивительно ли, что и попомки ихъ почно также угрюмо смотрѣли на знаменистое посольство, ѣхавшее какъ будто на завоеваніе всѣхъ наукъ и искусствъ образованной Европы! Петръ и Его непросвѣщенная Россія — уже были страшны для сосѣдей своихъ; что же было бы, если бы необыкновенный геній Государя, соединился съ образованностію народа? Такое соединеніе предвѣщало слишкомъ великое могущество, — Лифляндцы и Шведы боялись его, и жители Риги осмѣлились явно показати Посламъ свое нерасположеніе. Генераль - Губернашоръ ихъ, Графъ Дальбергъ, не только что смотрѣлъ за ними, какъ за людьми опасными, но даже дѣлалъ самому Петру непростибельныя грубости. Однажды любопытный Царь хотѣлъ осмопрѣть городскія укрѣпленія и измѣрить глубину рововъ. Чтожь? Ему не только не позволили сдѣлать этого, но даже дерзкіе часовые чуть было не выстрѣлили въ Него изъ ружей. Тогда Вели-

кій нашъ сказаль эти примѣчательныя слова, въ самомъ дѣлѣ исполнившіяся въ послѣдствіи: „Не хотяшъ, чшобъ я видѣлъ укрѣпленія Риги, — я надѣюсь нѣкогда увидѣть ихъ съ меньшимъ для меня затрудненіемъ и отказатъ Шведскому Королю въ помъ, въ чемъ отказываешъ мнѣ нынѣче Дальбергъ.“

Чѣмъ далѣе ѣхаль Петръ, тѣмъ радушнѣе встрѣчали Его: съ опдаленіемъ исчезала зависть, съ которою смотрѣли на молодаго Царя сосѣди, боявшіеся въ Немъ будущаго побѣдителя своего, и пошому въ Мишавѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Ганноверѣ уже съ удовольствіемъ показывали Ему все достойное примѣчанія. Въ Берлинѣ, Онъ особенно занимался военнымъ искусствомъ; въ Ганноверѣ, Онъ былъ у двухъ тамошнихъ Принцессъ, которыя оставили любопытное о Немъ описаніе. Если вамъ хочешся знатъ, милыя дѣпи, каковъ былъ нашъ Петръ во время этого перваго путешествія Своего въ чужіе края, то я скажу вамъ, что одна изъ

Принцессъ, угощавшихъ Государя, какъ будто предчувствуя желаніе ваше, описала въ исторіи своей жизни примѣчательный день, проведенный ею съ Петромъ, и вотъ что говоритъ о Немъ: „Петръ имѣетъ видный ростъ и привлекательное лице; оповѣшты Его скоры и всегда удачны. Онъ небольшой охотникъ до музыки, но болѣе всего любить кораблестроеніе и фейерверки. По словамъ Его, Онъ знаетъ довольно хорошо четырнадцать ремеслъ, и въ доказательство этого, показывалъ намъ руки Своеи, покрышыя мозолями. По просьбѣ нашей, Царь послалъ за Своими музыкантами и танцовалъ съ нами Рускій танецъ. Спранно было видѣть, какъ Онъ то цѣловалъ, то щипалъ четырехъ карликовъ Своей свиты, а десятилѣтнюю Принцессу Софію - Доротею, поднялъ за голову вверхъ: это очень испортило головной уборъ ея. Онъ очень добрый Государь— (говоритъ въ заключеніи принцесса) но по обычаю своей страны обходится со всѣми

уже слишкомъ безъ чиновъ. При лучшемъ воспитаніи, ничего недоспавало бы къ Его великимъ достоинствамъ, потому что въ немъ замѣтно много ума и много хорошихъ качествъ.“

Не удивляйтесь, милыя дѣти, тому, что Нѣмецкая принцесса находила недоспашки въ воспитаніи Петра. Замѣчанія ея были отчасти справедливы. воспитаніе Петра, съ тѣхъ поръ, какъ сестра Его сдѣлалась самовластною Правительницею царства, оставлено было въ большемъ небреженіи, и если послѣ коронованія своего, Онъ имѣлъ учишелей, то это были только такіе, которыхъ онъ Самъ выбиралъ себѣ. Въ наукахъ, необыкновенный умъ Его дѣлалъ удивительные успѣхи, не смотря на всѣ препятствія, какія мѣшали Ему образоваться, и потому принцесса вѣроятно говорила не объ этой части воспитанія, но о той, которая касается свѣтскаго образованія. Вѣроятно, нашъ опроверженный Петръ не обращался такъ чинно, не кланялся

такъ ловко, и не говорилъ такъ вѣжливо, какъ Нѣмецкіе принцы. Это и не удивительно! Когда было Ему учиться этому? Умъ Его былъ безпре-
спанно занятъ какимъ нибудь важнымъ дѣломъ? Да припомъ и въ Россіи въ то время еще не обращали вниманія на эту свѣтскую образованность. Стало быть, принцессы могли бы извинить этою небольшою недостаткомъ Петра, и онъ конечно сдѣлалъ это. Къ тому же быспрый умъ Его, съ такою легкостію понималъ все хорошее, что безъ всякаго сомнѣнія, проѣзжая назадъ мимо Ганновера, Онъ уже удивилъ принцессъ какъ перемѣною своего обращенія, такъ и необыкновенными успѣхами своими во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, которыми Онъ занимался во время путешествія. Мѣсто, самое примѣчательное въ этомъ отношеніи былъ маленькой Голландской городокъ, *Саандамъ*. Здѣсь Петръ, думая только о пользѣ подданныхъ Своихъ, забывъ совершенно величіе Царя, въ

одеждѣ обыкновеннаго плотника, учил-ся любимой наукѣ своей, кораблестро-енію! О! милыя дѣши, какъ любопы-шно, какъ удивительно было видѣть тогда этого великаго Государя въ самой простой одеждѣ: въ красномъ байковомъ камзолѣ и бѣлыхъ холщя-ныхъ брюкахъ! Съ какимъ воспоргомъ и гордостію, счастливые подданные Его могли сморѣть на это мапрос-ское плашье! Изъ любви къ нимъ, Царь надѣлъ его, изъ любви къ нимъ подвер-гался всѣмъ прудамъ и непріятностямъ!

Сначала никто не зналъ, кто былъ Рускій плотникъ, *Петръ Михай-ловъ*, пріѣхавшій на шлюпкѣ изъ Амстер-дама и нанявшійся работать на верь-фи Саандамской. Всѣ удивлялись хоро-шей работѣ пріѣзжаго и не прошло недѣли, какъ уже называли его за это Мастеромъ, *Баасъ* (Peter Baas). Вы не можете представить себѣ, милые чи-татели мои, какъ это прозваніе обра-довало Петра! Онъ такъ восхищался, что казалось, простое имя *мастера*,

полученное имъ по заслугамъ, было для него выше Его Царскаго достоинства, принадлежавшаго Ему по рожденію. Называться *Баасомъ*, было для него тѣмъ пріятнѣе, что добрые жители Саандамскіе, никакъ не воображали кого они величали такъ. Но такая шайна не могла существовать долго: Саандомъ былъ недалеко отъ Амстердама, гдѣ находилось посольство Руское, и къ концу недѣли всѣ заговорили, что Peter Vaas—есть великій Царь Россіи!

При этой новоспи не было конца удивленію Голландцевъ! Какъ они ни хладнокровны, какъ ни мало поворопливы, но шупъ вдругъ развернулись, и такъ проворно пустились по дорогѣ къ Саандаму, такъ скоро разболтали всѣмъ Саандамцамъ о знаменіиоспи Рускаго полшника, и такъ неопвязчиво начали вмѣстѣ съ ними бѣгать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно было видѣть Его, что Петръ, чрезвычайно не любившій обращать на Себя вниманіе, не узнавалъ своихъ спелен-

ныхъ пріятелей, и потерявъ шерпѣніе
смотря на ихъ усердное удивленіе,
рѣшился уѣхать изъ Саандама. Чшо жъ
бы вы думали? Только что любопыт-
ные провѣдали объ эпомъ, какъ всѣ
улицы отъ маленькой кварширы Пе-
тра Бааса, которую онъ нанималъ у
одной бѣдной вдовы, до яхны Его—
шолько же скромной, какъ и все окру-
жавшее этого необыкновеннаго смер-
шнаго — наполнились народомъ! Даже
городское начальство не могло остано-
вить толпы, совершенно покрывшей
присань. Увидѣвъ это, Петръ, съ
досадою на зѣвакъ, бросился въ сред-
ну ихъ, силою очиспилъ Себѣ дорогу,
проворно вскочилъ въ яхну и не смо-
тря на бурный вѣтеръ, сильно качав-
шій волны залива Эй, пошчасъ под-
нялъ парусъ, чшобы закрышья отъ
несноснаго для Него любопытства.

Съ энихъ поръ Петру прудно
было избавляшья отъ эшого любопыт-
ства. Оно преслѣдовало Его и въ Ам-
стердамъ, не смотря на всѣ старанія

шамошной полиціи, желавшей угодить скромному Пупешесивеннику удаленіемъ докучливыхъ. Какъ ни проспо было платье Его, какъ ни походило оно на одежду прочихъ дворлянъ посольства, но величественный ростъ, горделивая поступь, глаза, блиставшіе всѣмъ огнемъ необыкновеннаго ума, попчасъ изобличали прекраснаго Царя Россіи. Чшобъ скрыться отъ нескромнаго удивленія народа и свободнѣе наслаждаться картиной неупомимаго движенія и той высокой степени образованности, какую почти всегда представлялъ намъ приморскій торговый городъ, Петръ купилъ небольшую шлюпку и Самъ управляя ею, подѣзжалъ часпо очень близко къ адмиралтейству. Иногда шлюпка Петра, пихонько пробравшись между кораблями всѣхъ народовъ, останавливалась вблизи отъ нихъ, не обративъ на себя ни чьего вниманія, и Царь весело любуясь дѣятельною и богатою жизнью Амстердама, вдругъ задумывался. Каза-

лось, какъ будто въ эту минуу ка-кая-то очень пріятная мысль залепала въ душу Его и разливала радость въ прекрасныхъ глазахъ Его! Казалось, Онъ смотрѣлъ уже не на Амстердамъ, но на что-то другое, какъ будто вдали видимое Имъ!...казалось, Онъ прислушивался къ радостнымъ крикамъ невшихъ чужестранныхъ мапросовъ и купцовъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ Его въ Голландскомъ портѣ, но какихъ-то другихъ, въ какомъ-то другомъ портѣ, несравненно болѣе близкомъ къ сердцу Его! Я вижу, что старшіе изъ чипателей моихъ догадываются о томъ, что восхищало Петра передъ гаванью Амстердама, — вижу, что они понимаютъ воспоргъ Его, и раздѣляя его, радуясь, что наконецъ дошли до самой занимательной страницы въ испоріи Незабвеннаго! Но погодите, друзья мои, еще Петръ не говоритъ и самымъ приближеннымъ къ Нему о прекрасной мысли Своей, еще Онъ мечтаетъ о ней только пог-

да , когда сидишь одинъ въ своей маленькой шлюпкѣ. Вышедши изъ нее , Онъ распадается съ великими намѣреніями Своими , или лучше сказать , Онъ скрываетъ ихъ въ глубинѣ великой души Своей и является на улицахъ Амстердамскихъ уже не могущественнымъ Царемъ—Преобразовапелемъ , но простымъ плотникомъ Саандамскимъ , кошораго искусная работа удивляетъ людей , бывшихъ за нѣсколько недѣль Его учившими. Въ Амстердамѣ , эта работа не ограничивалась корабельною верфью : почти всѣ ремесленники и фабриканты этого города видѣли Петра въ мастерскихъ своихъ , почти всѣ ученые и артисты давали Ему уроки въ любимыхъ наукахъ Его. Изъ послѣднихъ исторіи называютъ математиковъ Дама и Гарпцоккера , корабельныхъ мастеровъ Вейссе:ера , Кардинаала , Реенена , Петра Поля и корабельнаго рисовальщика Адама Сило. Непонятна была для современниковъ неупоминимость этого гения ! Они едва

вѣрили глазамъ своимъ , видѣвъ Царя въ одинъ день и за спаномъ шкача , и съ циркулемъ машемашика , и съ молотомъ кузнеца , и съ листомъ самой тонкой бумаги, собственными руками выдѣланной Имъ на бумажной фабрикѣ! Переимчивый мастеръ всѣхъ художествъ и искусствъ , являлся почти въ тоже самое время въ университетсахъ и академіяхъ , гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ , на площадяхъ и рынкахъ , гдѣ покупалъ припасы для умѣреннаго обѣда Своего, и наконецъ въ маленькой кухнѣ Своей, гдѣ иногда съ описанными кухарки , Самъ пригопвлялъ эптошъ обѣдъ ! Казалось, это былъ духъ, вездѣ носившійся , или волшебникъ , для чудесной силы котораго не было ничего невозможнаго , ничего слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго.

Такъ провелъ Петръ нѣсколько мѣсяцовъ въ Голландіи. Обѣздивъ всѣ главные города ея, осмопрѣвъ въ нихъ все любопытное, Онъ отправился въ январь 1698 года , въ спрану еще болѣе

примѣчательную своимъ просвѣщеніемъ—въ Англію. Здѣсь тотъ же образъ жизни, тоже удивленіе народа къ чудесному Царю отдаленной Россіи, которую образованные Европейцы привыкли считать страной полудивою! Въ Англіи, это удивленіе было еще замѣшнѣе: Англичане, начиная съ Короля ихъ Вильгельма III до послѣдняго работника въ адмиралтействѣ, помогавшаго *плотнику Петру* носить бревна и спрагашь доски корабельныи—всѣ наперерывъ повазывали къ знаменитому госпоу своему не только уваженіе, но даже глубокое благоговѣніе. Король, дружески посѣщавшій Царя, старался угадывать малѣйшія желанія Его; купцы, художники, офицеры Англійскаго флота восхищались, если могли бытъ чѣмъ нибудь полезными для Него, и многіе изъ нихъ охотно слѣдовали примѣру Голландцевъ и соглашались вступашь въ службу того, кого почишали непосшимымъ геніемъ своего вѣка.

Петръ, съ своей стороны шочно сполько же восхищался Англичанами и всѣмъ что видѣлъ въ Англіи. Какъ часто, проводя цѣлые дни въ адмиралтействѣ Лондонскомъ, Онъ говаривалъ новымъ друзьямъ своимъ, адмираламъ Кармаршену и Мишчелю: „Безъ Англіи я былъ бы плохой мастеръ!“ А когда эти адмиралы вздумали однажды показать морскіе маневры, то Петръ былъ такъ восхищенъ совершенствомъ Англійскаго флота, что опъ души вскричалъ: „Еслибы я не былъ Царемъ въ Россіи, то желалъ бы бытъ адмираломъ въ Англіи!“

Возвращаясь въ апрѣль мѣсяцѣ въ Голландію, Царь былъ въ большей опасности: сильная буря задержала Его четверо сутокъ на морѣ. Съ ужасомъ смотря на высокія волны, бросавшія во всѣ стороны царскую яхту—спутники Петра, уже приходили въ отчаяніе, но герой, не боявшійся никакихъ опасностей, сохранилъ присутствіе духа и въ эшомъ случаѣ, и обо-

дряя испуганныхъ улыбною, шупливо говорилъ имъ: „что вы боитесь? Слыханое ли это дѣло, чшобы Царь Рускій утопулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?“

Изъ Голландіи, Петръ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію черезъ Вѣну. Въ этомъ городѣ Ему надобно было переговоришь съ Императоромъ Леопольдомъ о Туркахъ, съ которыми Рускіе все еще вели удачную войну, между тѣмъ какъ Австрійцы желали мира. Леопольдъ принялъ и угощаль знаменитаго Путешественника съ тѣмъ же радушіемъ и уваженіемъ, какія ожидали Его во всякомъ государствѣ. Между всѣми праздниками, данными въ честь Его въ Вѣнѣ, особенно примѣчательень былъ маскарадъ въ день 1-го іюля. Императоръ, все семейство Его и пристра придворныхъ особъ представляли ремесленниковъ и крестьянъ всѣхъ народовъ. Петръ былъ въ плашь Фрисландца; фрейлина Турнъ, занимавшая мѣсто Его дамы—Фрисландки. Оба Государя были очень веселы на этомъ

проспомъ и въ тоже время необыкновенномъ праздникѣ. Императоръ предложилъ Гостю своему, все еще слывшему дворяниномъ посольства, выпить за здоровье Царя Московскаго.— „Выпьемъ—сказалъ Леопольдъ—мнѣ извѣстно, что вы знаете этого Государя!“ — Съ лица и на изнанку!“ отвѣчалъ Фрисландецъ.

Дружеское расположеніе Леопольда къ Петру примѣтно было и во время переговоровъ ихъ о дѣлахъ Турецкихъ, и соглашаясь на миръ съ Султаномъ, онъ желалъ того же что и Петръ: что бы всѣ мѣста, завоеванныя Рускими, остались во владѣніи ихъ.

Имѣя основательную надежду на этотъ миръ, и—спало быть на совершенное спокойствіе своихъ подданныхъ, Царь шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ думалъ о Своемъ скоромъ путешествіи въ Италію, такъ давно прославленную исторіей, Италію, знаменитую воспоминаніями, очарователь-

ную красою природы! Уже всѣ распоряженія къ отъѣзду посольства были сдѣланы, какъ вдругъ пріѣхавшій гонецъ отъ Князя Ромодановскаго привозитъ извѣстіе о новомъ, ужасномъ бунтѣ Спрѣльцовъ! Ромодановскій, котораго Петръ оставивъ въ Москвѣ на своемъ мѣстѣ, называлъ *Княземъ-Кесаремъ*, *Вице-Царемъ* и даже *Царскимъ Величествомъ*, писалъ донесеніе свое въ такомъ разстроенномъ состояніи духа, что Государь ясно видѣлъ опасность, угрожающую столицѣ Его. Отложивъ путешествіе въ Италію, Онъ спѣшилъ возвратиться въ отечество.

Причины этого новаго и послѣдняго бунта Спрѣльцовъ были все тѣже, какъ и прежде: досада ихъ на новый порядокъ, заводимый въ войскѣ, на предпочтеніе, какое Петръ явно отдавалъ передъ ними полкамъ, образованнымъ по европейски, и страхъ, что Онъ возвратясь изъ чужихъ краевъ, начнетъ еще болѣе заботиться о преобразованіи, которое они ненави-

дѣли. Эта ненависть происходила вошь отъ чего: многіе изъ нихъ имѣли странную мысль, что просвѣщеніе вредитъ благочестію, и что чѣмъ болѣе люди занимаются ученъемъ, тѣмъ менѣе думаютъ о Богѣ. Такая мысль во всякомъ случаѣ неосновательная— потому что можетъ ли что нибудь болѣе наукъ и образованія дать намъ понятіе о Богѣ и Его чудесныхъ твореніяхъ,—была совершеннымъ несчастіемъ въ народѣ, который имѣлъ столько набожности, какъ наши предки. Она заспаляла нѣкоторыхъ суевѣровъ не любить Петра, принуждавшаго ихъ къ ученію.

Враги Петра умѣли пользоваться этимъ несчастнымъ заблужденіемъ и вы видѣли уже, млыя дѣши, сколько бѣдъ происходило отъ того въ правленіе властолюбивой Царевны Софіи! Съ тѣхъ поръ какъ стѣны монастырскія разлучили ее съ свѣтомъ, Россія сдѣлалась спокойнѣе и всѣ думали, что прежняя Правительница

отказавшись опъ всѣхъ безразсудныхъ замысловъ, оплакиваете въ уединенной кельѣ монахини — несчастныя ошибки свои. Но не по дѣлала Софія: подъ монашеской рясой ея все еще билось сердце гордой княжны, все еще таилась надежда опнять у брата, престоль Его. Однакожь, она не смѣла предаваться этой надеждѣ съ прежнею увѣренностію, и можетъ быть не рѣшилась бы ни на что, если бы пушешествіе Петра въ чужіе края, не увеличило неудовольствія народа и не ободрило любимцевъ Софіи — дерзкихъ Стрѣльцовъ. Государство оставалось полтора года безъ Царя: въ это время, злые непріятели Петра много могли сдѣлать вреда, и вотъ что сдѣлали:

Почти всѣ начальники Стрѣльцовъ, преданные Софіи, старались каждый въ своемъ полку, увѣрять своихъ подчиненныхъ, что Петръ возвращаясь изъ пушешествія, обратитъ всѣхъ ихъ въ правильное войско, и вообще заве-

дешъ во всемъ порядокъ европейскій. Такими увѣреніями не мудро было внушить имъ самыя отчаянныя намѣренія. Мысль, что не только Царевна Софія, но даже и супруга ПЕТРА, Царица Евдокія Феодоровна,—также какъ и Спрѣльцы ненавидѣвшая новые обычаи и просвѣщеніе — была на ихъ сторонѣ, еще болѣе подкрѣпляла дерзость бунтовщиковъ. Въ совѣтъ ихъ замышляли на жизнь ПЕТРА при возвращеніи Его изъ чужихъ краевъ, и положили сдѣлать Софію—Правительницею государства до совершеннолѣтія Царевича Алексія, осьмилѣтняго сына ПЕТРА, и уничтожить всѣ новоспавведенныя Имъ въ правленіе, войско и нравы Рускихъ.

Съ такими ужасными намѣреніями, Спрѣлецкіе полки, расположенные по разнымъ городамъ, пошли къ Москвѣ, чтобы соединиться тамъ съ своими главными товарищами, но храбросшь и присутствіе духа Генераловъ Шеина и Гордона спасли столицу и усмирили

бунтовщиковъ незадолго до прїѣзда Государя. Слѣдствіе о преступленіяхъ ихъ началось уже при Немъ и открываемыя подробности ихъ замысловъ были такъ ужасны, что надобно было Петру, милосердому даже къ врагамъ Своимъ, показать чрезвычайную строгость; виновные наказаны были такъ, какъ заслуживали ихъ злодѣйскія намеренія. Въ сильномъ негодованіи на преступниковъ, такъ хладнокровно сговорившихся испребитъ все, что Онъ съ такою заботливостію приготовилъ для счастія любимаго народа, всѣ драгоцѣнные плоды Его тяжкихъ трудовъ, Его безпрестанныхъ пожертвованій — Петръ готовъ былъ осудить на смерть всѣхъ, до послѣдняго изъ ненавистныхъ Стрѣльцовъ, по достойный наставникъ и другъ Его, добрый Лефортъ, склонилъ къ жалости оскорбленное сердце Великаго, и казнены были только самые виновные. Правда, что ихъ было очень много. Государь пощадилъ и сестру Свою:

она жила по прежнему въ монастырѣ. Но оставишь ее вовсе безъ наказанія казалось несправедливостію для Петра, въ высочайшей степени правосуднаго, и Онъ наказалъ ее слѣдующимъ образомъ: передъ окнами монастыря ея поставлены были висѣлицы, на которыхъ повѣсили самыхъ виновныхъ и самыхъ преданныхъ ей преступниковъ! Остальные были разосланы по разнымъ городамъ, записаны въ другіе полки и такимъ образомъ имя Спрѣльцовъ, знаменитое сначала, безславное въ послѣдствіи, сохранялось еще около трехъ лѣтъ въ четырехъ полкахъ, оставшихся вѣрными Царю, но потомъ, когда и шѣ получили новыя названія или новое устройство, оно совершенно исчезло въ опечествѣ нашемъ.

Чтожъ касается Царицы Евдокіи Θεодоровны, найденной по слѣдствію виновною въ умышленіи на жизнь Государя, Петръ не хотѣлъ болѣе называть ее супругою Своею и опославъ въ Суз-

дальскій Покровскій монастырь, приказалъ постричь въ монахини. Она назвалась *Еленою*.

НОВЫЕ ОБЫЧАИ

и

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЙ.

Отъ 1698 до 1703 года.

(Пер. 5 лѣтъ)

Вотъ каковы были происшествія, поразившія сердце Петра при Его возвращеніи въ отечество! Горестно было для Него видѣть, что то самое просвѣщеніе, которое стоило Ему безчисленныхъ трудовъ, надобно было передавать дорогою цѣною подданнымъ Его: надобно было силою и средствами тяжкими вески ихъ къ счастью, для нихъ приготовленному! Предки

наши походили въ этомъ случаѣ на шѣхъ упрямыхъ дѣшей, которыя въ болѣзни не хопящъ принимашъ спасительнаго лекарства потому только, что оно непріятно вкусомъ! Какъ несчастливы тѣ изъ нихъ, копорыхъ родители до того ослѣплены своею невѣжностью къ нимъ, что не въ состояніи пропивишься ихъ прихотямъ, не въ состояніи принудить ихъ исполнить приказаніе доктора! Вѣрно все маленькіе чинашели мои знаютъ, что такія жалкія дѣши или умираютъ отъ болѣзни, ничѣмъ необлегченной, или оспашаются на всю жизнь больными. Сохрани Богъ, еслибъ Петръ поступилъ съ предками нашими, такъ какъ такіе родители поступають съ дѣтьми своими! еслибъ Онъ не принуждалъ ихъ къ просвѣщенію, но предоставилъ бы на волю ихъ быть образованными или оспашься въ своемъ невѣжествѣ! Я увѣрена, что большая часть изъ нихъ предпочла бы послѣднее. Петръ предвидѣлъ это, и потому рѣ-

шился не отдавать на волю ихъ выбора, но заставилъ ихъ покориться своей собспвенной, счастливой для нихъ волѣ. Строгая казнь Спрѣльцовъ была первымъ слѣдствіемъ этой рѣшимости. Послѣ ужасовъ ея, враги Петра зашикли: спрашно было противиться Ему, спрашно было не исполнять Его повелѣній! Съ огорченнымъ сердцемъ пользуясь этимъ страхомъ, Петръ началъ дѣлать разныя перемѣны и улучшенія въ старинныхъ учрежденіяхъ, началъ вводить новый порядокъ не только въ нѣкоторыя части государственнаго устройства, но даже въ нравы и обычаи Своего народа. Зная какъ много наружность вещей имѣетъ вліянія на людей необразованныхъ, Онъ обратилъ прежде всего на нее Свое вниманіе.

Предки наши, въ привычкахъ, обыкновеніяхъ и даже одеждѣ, имѣли много сходства съ Азіятцами: золотые кафтаны ихъ, дорогія шубы, мѣховыя шапки и длинныя бороды, дѣлая ихъ

очень похожими на Турокъ и Таттаръ, раздѣляли рѣзкою черпою съ Европейцами. Опъ уничиженія этой черпы зависѣло очень много: въ одеждѣ человека образованнаго казалось, легче было приступить къ образованію! Къ тому же была еще причина, по которой Европейское платье сдѣлалось необходимо для Рускихъ: они такъ ненавидѣли иностранцевъ, что эти несчастные люди, съ такими затрудненіями выписываемые Петромъ изъ чужихъ краевъ, иногда подвергались опасности, выходя на улицу въ своихъ платьяхъ. И такъ, вскорѣ послѣ казни Спрѣльцовъ объявленъ былъ Царской указъ о томъ, что всѣ дворяне и всѣ военные люди должны брить бороды и носить новое платье, которое походило покроемъ на платье Нѣмцевъ и Голландцевъ. О! еслибъ вы знали, милыя дѣти, сколько шуму и тревоги надѣлалъ этотъ указъ! сколько различныхъ чувствъ произвелъ онъ въ сердцахъ жителей Москвы! Иностранцы обра-

довались: они надѣялись теперь избѣ-
гать гнѣва народнаго въ толпѣ Рус-
кихъ, одѣтыхъ одинаково съ ними; но
за то Рускіе были сначала почти въ
отчаяніи отъ этого нападенія на
плащя, и особенно — на бороды ихъ!
Нѣкоторые безразсудные, и до суевѣрія
набожные думали, что обришь боро-
ду—значишь испортишь *образъ Божій*,
и многіе изъ нихъ готовы были согла-
ситься на всякое пожертвованіе, лишь
бы только сохранишь эту драгоцен-
ность! Но Петръ былъ неумолимъ:
Онъ приказывалъ на улицахъ обрѣзы-
вать полы кафтановъ у упрямцевъ,
приказывалъ каждый годъ брать штра-
фы съ нехотѣвшихъ распаться съ
своими бородами, и такимъ образомъ
мало по малу заставилъ ихъ слуша-
ться. Вскорѣ потомъ вышло новое пове-
леніе Царское: это самое важное для
насъ, милыя чистопельницы мои, слу-
шайте со вниманіемъ:

Вы помните какую жизнь вели
прежде Рускія женщины? Это была

самая скучная жизнь. Не смѣя никуда показаться безъ покрывала, онѣ проводили все время свое, какъ затворницы монастырскія, и не имѣли своей воли даже и въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни: въ своемъ замужствѣ. Ихъ отдавали за того человека, котораго выбирали родители безъ всякаго согласія со стороны невѣсты, и даже прежде, нежели молодые люди видѣли другъ друга. Послѣ этого можно судить о счастіи этой еще незнакомой между собою, но уже на вѣкъ соединенной чепы! Въ этомъ случаѣ, женщина была еще болѣе достойна жалости нежели мужчина. Послѣдній могъ забывать неудачный выборъ своихъ родителей, въ шумѣ свѣша и общества, онъ могъ заниматься службою, охотою, пріятными бесѣдами съ людьми умными. Но женщина, такая же невольница въ домѣ мужа, какъ была въ домѣ отца, перемѣняла только мѣсто своей темницы, и изъ дѣвичьяго перема родительскаго, переходила въ уединенныя комнаты

супруга, гдѣ не имѣла даже и того развлеченія, какое доставляетъ хозяйство: старинныя боярыни Рускія не любили заниматься имъ, и не приучали къ тому дочерей своихъ. Во всякомъ, посредственнаго состоянія домѣ была и ключница, и казначея, и нѣскольکو кухарокъ и служанокъ. И такъ хозяйкамъ оставалось только кушать за каждымъ обѣдомъ нѣскольکو десяшковъ блюдъ, сидѣть на пуховыхъ софахъ своихъ и скучать иногда несстерпимо!

Такая участь женщинъ не могла не обратитъ вниманія шого, кто входилъ въ малѣйшія подробности жизни своего народа. Петръ всегда думалъ, что общество много теряло отъ затворничества женщинъ, а побывавъ въ чужихъ краяхъ, и собственными глазами увидѣвъ сколько счастья можетъ просвѣщенная женщина пролить на все семейство свое, и сколько пользы принесетъ обществу—ея присутствіе въ немъ, рѣшишельно приступилъ къ исполненію своего намѣренія и приказалъ,

чтобы ни одинъ священникъ не вънчалъ никакой пары безъ собственнаго согласія ея, чтобы каждый женихъ и невеста знали другъ друга покрайней мѣрѣ около шести недѣль до свадьбы, а чтобы доставить имъ случай быть знакомыми, приказалъ мужьямъ и опцамъ пріѣзжать на всѣ праздники при Дворѣ, во всѣ публичныя собранія и на всѣ обѣды и вечера вмѣстѣ съ своими женами и дочерьми, одѣтыми такъ, какъ одѣвались въ то время, жившія въ Москвѣ иностранки. Вотъ было тогда разговоръ по всей Москвѣ! Бояре дивились никогда неслыханной прежде новоспи, молодыя боярыни и особенно боярышни радовались, какъ средству освободиться отъ скучной неволи: шарыя,—сожалѣли что не родились нѣсколько десятковъ лѣтъ позже, чтобы воспользоваться новыми правами, какія просвѣщенный Государь давалъ Рускимъ женщинамъ.

Заботясь, чтобы самыя увеселенія Московскія, походили на Европейскія,

Петръ выписалъ изъ Германіи актеровъ, копорые играли уже не только въ придворномъ—но и публичномъ театрѣ. Нерѣдко пріѣзжалъ шуда и Самъ Царь, и всѣми силами спараясь возбуждать въ народѣ Своемъ охоту къ новой забавѣ, былъ всегда необыкновенно веселъ и необыкновенно ласковъ ко всѣмъ въ театрѣ. Видно и Нѣмецкіе актеры замѣтили это, потому что однажды осмѣлились очень неосторожно пошутить съ Имъ. Незадолго до 1 апрѣля они объявили въ афишкѣ своей, что въ этотъ день будетъ ими представлена, никогда невиданная пьеса. Начиная уже любить театрѣ, публика съ большимъ нешеритіемъ собиралась. Всѣ мѣста были уже заняты. Наконецъ пріѣхалъ Государь и музыка заиграла. Послѣ увершоры, копорая можетъ быть была не хуже нынѣшнихъ, поднялся занавѣсъ, и что же увидѣли зрители? На прекрасно освѣщенной сценѣ одну бѣлую стѣну, на которой написано было крупными буквами: *первое апрѣля!*

Вы можете представить себѣ, друзья мои, какъ публика была раздосадована такою вовсе неумѣстной шуткою! Однакожь никто не показалъ этой досады, потому что самъ Государь не сердился, а смѣялся и выходя изъ театра сказалъ: „*Вотъ вольность комедіантовъ!*“

Такая снисходительность и простота въ обхожденіи болѣе и болѣе сближали Рускихъ съ великимъ Царемъ ихъ, а это сближеніе дѣлало для нихъ съ каждымъ днемъ легче всѣ пожертвованія для пользы своего образованія. Трудно было для Рускихъ разстаться съ обычаями старины: они привыкли къ нимъ съ дѣтства, но смотря на Царя, который показывалъ примѣръ во всякой переменѣ такого рода, можно ли было жаловаться на трудности? Это прѣмъ примѣръ былъ тою волшебною силою, посредствомъ которой Петръ дѣлалъ чудеса Свои. Благодаря ему, въ Москвѣ вслѣдъ за Азіатскою грубостію нравовъ начала

исчезать и Азіатская безразсудная пышность. Знашныя бояре уже не смѣли выѣзжать со двора въ богатыхъ каретахъ, съ безчисленнымъ множествомъ слугъ: самага Царя провожалъ всегда только одинъ *Денщикъ*, съ которымъ садился Онъ въ небольшой двухколесной экипажъ, или кабріолетку, часто даже безъ кучера. Боярскіе сыновья не смѣли отказываться отъ путешествій въ чужіе края, куда посылали ихъ учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ: самъ Царь былъ усерднымъ ученикомъ и работникомъ иностранцовъ. Хорошо было этимъ дѣтямъ боярскимъ, если они возвращались изъ своихъ путешествій съ познаніями, но если же время ихъ было напрасно потеряно, Царь былъ неумолимъ къ нимъ. вмѣсто принятія въ службу, Онъ отдавалъ ихъ въ распоряженіе своихъ шуповъ, которые могли смѣяться надъ ними сколько хотѣли. Строгость Его въ этомъ случаѣ доказывала, что Онъ болѣе всего ненавидѣлъ праздность и

напрасную потерю времени. Собственная неупоминимость Его еще лучше доказывала это: ни одна минута Его не была потеряна, и часто съ самыхъ веселыхъ праздниковъ Онъ уѣзжалъ посмотреть какое нибудь новое училище или заглянуть въ новую типографію, гдѣ печатались любимыя книги Его, *Всобщая Исторія Пуффендорфа: Землеописаніе Губнера* и много другихъ касающихся до кораблестроенія и мореплаванія.

Тако быспро вель Петръ къ просвѣщенію Свою милую родину! Наконецъ съ началомъ 1700 года сдѣланъ былъ новый, важный шагъ къ совершенному соединенію ея съ Европой. Надобно сказать вамъ, милыя дѣшнн, что предки наши до того времени праздновали начало года, не 1-го января, какъ дѣлають всѣ Христіанне, но 1-го сентября. Разумѣется, что эти чепыре мѣсяца разницы причиняли часто большіе безпорядки въ сношеніяхъ Рускихъ съ Европейцами, и вотъ Петръ

19-го декабря 1699 года объявилъ народу, что 1 января начнется новый годъ. Приверженцы старины подняли было опять голоса свои пропивъ этой важной новости, но шумъ праздниковъ, приготавливаемыхъ къ этому дню и торжественное моленіе по всѣмъ церквамъ въ самую минуту начала его — заглушили всѣ безразсудныя разсужденія старовѣровъ.

Наступившій 1700 годъ памятенъ былъ для Рускихъ заключеннымъ 3 іюля тридцати—лѣтнимъ выгоднымъ миромъ съ Турціею и началомъ войны съ Швеціею.

Эта война была такъ важна для Россіи и имѣла такое сильное вліяніе на судьбу ея, что вы, милыя дѣши, должны знать о ней нѣсколько подробнѣе. Ее называютъ въ исторіи войною *сѣверною*, потому что въ ней участвовали не только Россія и Швеція, но и другія государства сѣверныя. Вотъ какъ началась она :

Вы вѣрно замѣтили, что Шведы всегда были воинственнымъ народомъ. Они часто отнимали земли у своихъ сосѣдей. Такъ достались имъ: Ингерманландія и Карелія, Лифляндія и Эстляндія. Россія желала возвратишь подъ власнь свою двѣ первыя; Польша—последнія. Въ это время Поляки избрали Королемъ своимъ Саксонскаго Курфюрста Августа II, и съ тѣмъ условіемъ, чшобы онъ непременно отнялъ у Шведовъ прежнія земли Польскія. И такъ желанія и выгоды соединяли Августа II съ Петромъ I, который еще болѣе имѣлъ причинъ сердиться на Шведовъ, вспоминая жестокое оскорбленіе, причиненное Ему въ Ригѣ Губернаторомъ Дальбергомъ и часовыми тамошней крѣпости. Король Датскій былъ также недоволенъ Швеціею за отнятіе нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему земель и съ радостію согласился быть союзникомъ Россіи и Польши — противъ Швеціи.

Между тѣмъ надобно сказать вамъ, милыя дѣши, что Швеціею управлялъ въ это время молодой Король Карлъ XII. Конечно, вы слышали уже что нибудь о героѣ древнихъ временъ—*Александрѣ Македонскоиъ*. И такъ, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о Карлѣ XII, надобно сказать, что, во всей исторіи древней и новой, онъ не находилъ никого выше Александра и почиталъ за славу подражать ему во всемъ. Съ такими намѣреніями, съ храбростью, доходившею до геройства, съ гордостью, близкою къ гордоси Македонскаго завоевателя, удивительно ли, что Карлъ не только безъ всякаго страха узналъ о собиравшемся противъ него союзѣ, но даже обрадовался этому. Казалось, что судьба посылала ему прекрасный случай представить міру во второй разъ героя Македонскаго и опившы его на первыя требованія союзниковъ, удовлетвореніемъ которыхъ можно было бы избѣжать войны, были такъ

дерзки, что казалось—не они, но онъ объявлялъ имъ войну!

Она началась. Первый, испытавшій храбросшь Карла, былъ Король Датскій. Сраженіе передъ самою столицей его, Копенгагеномъ, испугало Данію, и заставило ее согласиться на всѣ требованія Короля Шведскаго. Съ этого времени она уже не смѣла быть его непріятельницею.

Съ тѣми же гордыми мыслями онъ переплылъ море Балтійское и вышелъ на берегъ въ Лифляндіи. Одно приближеніе его заставило Поляковъ и помогавшихъ имъ Саксонцевъ оставить почти уже начатую осаду Риги. Увѣренный въ безопасности этого города, Карль пошелъ къ Нарвѣ, потому что тамъ, по уговору союзниковъ, должны были собраться главныя силы Рускія. Они состояли изъ 39,000 человекъ, но въ рядахъ ихъ недоставало двухъ знаменишѣйшихъ воиновъ: Лефорша и Гордона. Петръ оплакалъ смерть ихъ за годъ передъ

тѣмъ. Начальниками войска были теперь Фельдмаршалъ Головинъ и Генералы: Герцогъ *Де-Ла-Круа*, *Бутурлинъ*, *Вейде*, *Шереметевъ*, и Князь *Долгорукой*. Къ несчастію самъ Петръ не могъ бытъ съ ними въ то время, когда присушество Его было всего нужнѣе: Онъ принужденъ былъ склониться на просьбы Короля Польскаго, который, въ спрахъ ошъ опчальной храбрости Шведовъ, умолялъ Его прѣхать для переговоровъ въ городъ Бирзень. Петръ — никакъ не думая, чшобы Карлъ имѣлъ смѣлость напасть на Его многочисленную армію, въ то время, когда Шведское войско состояло только изъ 8000 человекъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ Головинымъ, и всегдашнимъ спутникомъ и любимцемъ своимъ, Меньшиковымъ, бывшимъ уже Поручникомъ Бомбардирской роты Петра. Войско оспалось подъ начальствомъ Герцога Де-Ла-Круа и Долгорукаго. Но не долго оно было подъ эшимъ начальствомъ. Почти тотчасъ послѣ отъзда Петра,

Карль съ обыкновенною пылкостью своею рѣшился сдѣлать нападеніе на Рускихъ 19 ноября 1700 года. Густой шуманъ, а потомъ сильный снѣгъ и мяшель помогли ему исполнить свое намѣреніе самымъ удачнымъ образомъ. Благодаря погодѣ, Шведы подошли ни-къмъ не примѣченные почти къ самому лагерю нашему, откуда увидѣли ихъ уже тогда, когда спасеніе было поздно! Сраженіе началось, но безъ всякаго порядка со стороны Рускихъ, приведенныхъ въ совершенное замѣшательство неожиданнымъ нападеніемъ. Не прошло полчася и Карль уже одержалъ побѣду и оба главные начальники Рускіе, Герцогъ и Князь Долгорукій были взяты въ плѣнъ.

Такъ 8000 Шведовъ побѣдили 39,000 Рускихъ. Вамъ досадно, и кажется даже стыдно слушать это, друзья мои? Но успокойтесь, Нарвское сраженіе не можетъ причинить намъ такъ много стыда, какъ вы думаете: 39,000 человекъ нашихъ были не тѣ, которые

сражались подъ Азовымъ, но по большой части были новые рашники, набранные въ первый рекрутскій наборъ, бывшій въ 1699 году. Они никогда не видали еще непріяшеля, и сражались безъ Царя, котораго присутствіе вѣрно не допустило бы ихъ до такого безславія. Войско же Карла хотя и сослоло только изъ 8000 человекъ, но каждый изъ нихъ былъ опытный солдатъ подъ личнымъ начальствомъ героя неустрашимаго. Къ тому же туманная погода помогла имъ обмануть наше бѣдное войско. А многіе говорятъ, что былъ еще одинъ Финскій крестьянинъ, который вызвался показать имъ самую близкую дорогу къ лагерю Рускихъ, и онъ - то привелъ непріяшеля почти къ самымъ паланкамъ ихъ. Наконецъ, къ утѣщенію вашему скажу еще то, что и Петръ, получивъ о ней извѣстіе, совсѣмъ не встревожился, но очень спокойно сказалъ: „Шведы будутъ побѣждать насъ еще нѣсколько разъ — они учили наши въ военномъ искусствѣ“

но со временемъ, мы заплашимъ имъ за ученіе !“

Эти пророческія слова Великаго исполнились скорѣе нежели Онъ ожидалъ; Карлъ XII, всегда худо вѣрившій разговорамъ о славу Россіи при Петрѣ, — послѣ Нарвской побѣды, во все пересталъ считать Рускихъ опасными неприятелями, и размѣнявшись съ ними плѣнными, обратилъ всѣ силы свои на Августа II. Тогда какъ онъ заставлялъ дрожать передъ собою всю Польшу, Петръ не терялъ времени и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже не лѣзя было узнать Его армію, разспроенную и унылую послѣ Нарвскаго сраженія. Десять новыхъ драгунскихъ полковъ заступили мѣста убитыхъ воиновъ, 180 пушекъ, перелишья изъ колоколовъ, замѣнили тѣ, которыя достались Шведамъ, и прежде нежели прошелъ годъ послѣ несчастнаго дня 19 ноября, Генераль Бормсъ Петровичъ Шереметевъ, сдѣланный Фальдмаршаломъ, началъ, по словамъ Петра, плашеть за

ученье Шведамъ, сперва въ небольшихъ сшибкахъ, потомъ въ важныхъ сраженіяхъ, въ окрестностяхъ Дерпша, при Эрестферъ и Гуммельсгофъ, гдѣ побѣда Фельдмаршала надъ Генераломъ Шлиппенбахомъ возвратила Рускимъ —пошерянные при Нарвѣ пушки и кромѣ того доставила имъ много неприятельской артиллеріи, знаменъ, барабановъ и 500 человекъ плѣнныхъ. Наконецъ, преслѣдуя Шведовъ, Шереметевъ дошелъ до Лифляндіи, и тамъ въ августъ 1702 года завладѣлъ нѣсколькими городами, въ томъ числѣ *Маріенбургомъ*, который чистатели мои должны замѣнить, и при случаѣ припомнишь—разорилъ болѣе пяти сотъ селеній и взялъ въ плѣнъ 12,000 человекъ, кромѣ солдатъ.

Такіе быстрые успѣхи восхищали Петра. Со всею царскою щедростію наградилъ Онъ храбрыхъ воиновъ своихъ. Кромѣ помѣспьевъ, Фельдмаршалъ получилъ орденъ Св. Апостола Андрея, учрежденный въ 1698 году вскорѣ по-

сль -возвращенія Петра изъ чужихъ краевъ; офицерамъ розданы были золотыя медали, солдатамъ—серебряныя.

Черезъ мѣсяць потомъ—побѣдные крики Рускихъ раздались на берегахъ Невы нашей, милые чичашели мои, только не здѣсь, гдѣ оканчиваеися эта пышная Нева, но тамъ, гдѣ она начинается, вытекающая изъ Ладожскаго озера. Въ этомъ мѣстѣ былъ въ то время Шведскій городъ съ крѣпостью *Нетебургъ*. Прежде онъ назывался *Орбшкѣ* и также, какъ и вся Ингерманландія, принадлежалъ Рускимъ, и важенъ былъ для торговли ихъ, потому что посредствамъ Невы соединялъ Ладожское озеро съ Балтійскимъ моремъ. Петръ видѣлъ необходимость опиняшь его шѣмъ болѣе, что во время войны Шведы могли хорошо держаться въ немъ и получать подкрѣпленіе моремъ. И такъ, рѣшено было осадить эту важную крѣпость и осада примѣчательна шѣмъ, что въ ней участвоваль Самъ Петръ, но не такъ какъ

Государь, а просто, какъ Калишанъ Преображенскаго полка. Дѣятельное участіе Его очень примѣтно было: Нётебургъ сдался послѣ одиннадцати дней осады. Здѣсь опличился болѣе всѣхъ, любимецъ Петра, Его милый *Алексаша*, Его *Herzenskind*, (*дитя сердца*) — какъ Онъ часто называлъ его, — и за это опличіе пожалованъ былъ Генераль-Губернаторомъ Ингерманландіи. Взятіе Нётебурга чрезвычайно радовало Петра: Онъ говорилъ, что это *ключъ*, который опворитъ Ему входъ во всю Лифляндію и Балтійское море, и потому назвалъ его *Шлюссельбургомъ*. Вѣдь вы знаете, что *Schlüssel* значить по Нѣмецки *ключъ*. Это тотъ самый Шлюссельбургъ, который находится въ 60 верстахъ отсюда по дорогѣ къ городу Новой-Ладогѣ.

Хотите ли знать, милые читатели мои, какъ Петръ писалъ о новомъ завоеваніи своемъ старому Князю Ромодановскому, который во время отсутствія Его всегда оставался въ

Москвѣ, подъ пменемъ Князя Кесаря. Это корошенькое письмо покажетъ вамъ въ одно время важность Нётебурга и уваженіе Петра къ Ромодановскому и необыкновенный родъ писемъ Государя къ подданному. Читайте :

„Sir! покорно доносимъ Вашему Величеству, что крѣпость Нётебургъ, по жестокомъ и трудномъ приступѣ на имя Вашего Величества сдалась на аккордъ; а какъ шомъ белагеръ былъ, о шомъ пространнѣ буду доносить впредъ, а нынѣ за скорымъ опшесствіемъ почшы не успѣлъ. Сею викторіею поздравляя Ваше Величество пребываю *Piter. 13. окт. 1702.*“

Это простое имя *Питеръ* было любимою подписью Петра: оно встрѣчается почти въ каждомъ письмѣ Его.

**НОВАЯ СТОЛИЦА,
НОВЫЯ КРѢПОСТИ
И
ГАВАНИ.**

Отъ 1703 до 1708 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Знаете ли вы, милыя дѣти, какъ называется та часть нашего Петербурга, которая лежитъ на правомъ берегу Невы, въ семи версхахъ отъ ея устья, противъ самаго монастыря Смольнаго? — Охъ! — Вы не ошиблись. Но знаете ли вы, что было въ 1703 году на мѣсцѣ этой Охты? На этошъ вторый вопросъ, конечно нель-

ая оповѣчать такъ скоро, какъ на первый; тому прошло уже болѣе 130 лѣтъ. И такъ, придется мнѣ сказать вамъ, что тамъ была тогда Шведская крѣпость *Ніеншанцъ* *). Посмотрѣвъ на большую карту Россіи, гдѣ примѣтно предъ глазами вашими спеленся наша величественная Нева, вы вѣрно согласитесь, друзья мои, что если Шлюссельбургъ могъ называться *ключемъ* Балтійскаго моря, то Ніеншанцу по всѣмъ правамъ могло принадлежать имя *воротъ* его. Стало бытъ для великихъ намѣреній Петра необходимо было завоеваніе и этой крѣпости. Воишь 20,000 войска подъ начальствомъ Инженеръ-Генерала Ламберта, окружающъ Ніеншанцъ, стрѣляющъ въ него десять часовъ сряду изъ 20 пушекъ и 12 мортиръ и послѣ этой страшной

*) *Ніель*— есть старинное названіе рѣки Невы, а *Шанцъ* или *Schanze*— значитъ *окопъ*. Стало бытъ точное значеніе слова *Ніеншанцъ* есть *Невскій окопъ*. Слѣды его въ видѣ невысокаго вала еще теперь слегка примѣтны между *Большою* и *Малою* Охтами.

стрѣльбы, продолжавшейся цѣлую ночь, крѣпость выспавляетъ бѣлое знамя, т. е. сдается. Это было утромъ 1 мая. Семдесятъ пушекъ и множество разныхъ припасовъ были наградою побѣдителей. На другой же день они замѣтили около устья Невы нѣсколько Шведскихъ военныхъ судовъ, которыя могли быть опасны для вновь завоеванной крѣпости, и потому надобно было непременно разспросить намѣренія Шведовъ и опогнать ихъ отъ береговъ, уже принадлежавшихъ Россіи. Кому же надежнѣе всего поручить это важное дѣло? думалъ Адмиралъ Головинъ. Искуснѣйшему изъ моряковъ— Бомбардиръ—капитану *Петру Михайлову*. А вѣдь вы знаете, милыя дѣшкы, кто былъ эшотъ Петръ Михайловъ? Съ величайшею радостію поспѣшилъ Онъ исполнить лестное для Него порученіе и посадивъ нѣсколько сотенъ гвардейскихъ солдатъ въ тридцати небольшихъ лодкахъ отправился съ ними вдоль нынѣшняго *Басильевского*

оспрова *) , прямо къ взморью. Тамъ разъѣзжали корабли Шведскіе, тамъ окружили ихъ мелкія суда Рускія, и чрезъ нѣсколько часовъ знаменитый Капитанъ уже доносилъ Адмиралу о взяшии въ плѣнъ двухъ большихъ судовъ непріятельскихъ и о разогнаніи остальныхъ.

Главными помощниками Петра въ этой важной морской побѣдѣ были бомбардирскіе Поручики: Меншиковъ и Головкинъ. И они всѣ шрое получили ошъ Адммрала въ награду за свою храбросшь и искусство ордена Св. Апостола Андрея. Читатели мои вѣрно удивятся, что Петръ, учредитель этого ордена, Самъ принялъ его изъ

*) Здѣсь кстати сказать вамъ, милыя дѣти, отъ чего этотъ островъ получилъ названіе *Васильевскаго*. Вскорѣ послѣ основанія Петербурга, на немъ построены были, для защиты противъ непріятельскихъ кораблей — двѣ батареи. Ими командовалъ инженерный офицеръ, *Василій Корминъ*. Часто получалъ онъ письменныя приказанія отъ Царя, на конвертѣ которыхъ надписывалось: *Василью на островъ*. Съ тѣхъ поръ привыкли называть этотъ островъ *Васильевскимъ*.

рукъ Своего подданнаго! Да, милые дѣти, скромность этого неподражаемаго Государя была шакъ велика, что, не смотря на всѣ Свой безчисленные заслуги, Онъ не прежде почель Себя достойнымъ этого важнѣйшаго у насъ знака отличія, какъ послѣ шакого дѣла, гдѣ Онъ былъ главнымъ распорядителемъ и начальникомъ. Не забудьте, что во всѣхъ другихъ сраженіяхъ, Онъ участвовалъ какъ офицеръ подчиненный.

Теперь-то, когда уже вся Нева ошь начала ея, при Шлюссельбургѣ, до конца, при Финскомъ заливѣ, принадлежитъ Россіи; когда свѣшлыя волны ея, сливаясь съ водами Балтійскаго моря, уже разбиваются бѣлую пѣну свою о берега Рускіе, и какъ будто приглашаютъ корабли чужеземные везши къ новымъ владѣтелямъ своимъ искусства и науки народовъ образованныхъ; теперь-то настало время, милые дѣти, сказать вамъ о той мечшѣ, кошорая занимала Петра тогда, когда Онъ

ѣздила въ маленькой шлюпкѣ Своей по водамъ гавани Амстердамской! Но теперь, эта мечта уже такъ ясно развивается предъ глазами нашими, что вѣрно всѣ вы, въ одинъ голосъ, скажете, что она была: *Петербургъ!* Такъ точно, Петербургъ, нашъ прекрасный, несравненный Петербургъ, какъ будто вышедшій со всѣми своими прелестями, изъ волнъ Финскаго залива! Но остановимъ воспоргъ, который возбуждается въ душѣ нашей при имени Петербурга, закроемъ глаза на весь нынѣшній блескъ, можно сказать, на всю нынѣшнюю чудесность этого великаго творенія Петра, и представимъ себѣ по время, когда на мѣстѣ этого великолѣпно—спиройнаго города были пустынные лѣса и болота! Для этого лучше всего вообразить себѣ, что мы въ Ніеншанцѣ, и съ такимъ же любопытствомъ, какъ и всѣ окружавшіе Петра, смотримъ на разѣзды Его по завоеваннымъ водамъ. О! съ пылкимъ воображеніемъ можно очень

живо перенеслись въ то время , такъ давно прошедшее! Мнѣ кажется, что я собственными глазами вижу , какъ опть пристани Ніеншанцской , оптьѣзжаетъ Царская яхта! Государь ѣдетъ осмотрѣть новыя владѣнія Свои и выбрать наконецъ то мѣсто , гдѣ должна исполниться великая мысль Его, гдѣ долженъ явиться предъ Нимъ Его собственный Амстердамъ! Величественно-прекрасный ростъ , съ перваго взгляда , опшличаетъ Петра опть всѣхъ Его слугниковъ. Онъ споймъ у самага руля. Темнорусые волосы Его развѣваются пихимъ въперкомъ мая; быспрыми взорами Онъ окидываетъ широкую Неву, и красивые берега ея, покрышые гуспыми лѣсами. Особенно любитъ Онъ правою стороною рѣки и внимательнo разсматриваетъ ее, начиная опть деревянныхъ стѣнъ и земляныхъ валовъ Ніеншанца до самага окончанія Васильевскаго ошрова на взморѣ. Здѣсь должно бышь мѣсто соединенія Рускихъ съ Европейцами, здѣсь должна

быть столица ихъ образованности, ихъ будущей славы! Въ какомъ же именно мѣстѣ основать ее? Всего легче въ Нѣншанцѣ: тамъ есть уже начало города и крѣпости. Но Петръ не думаетъ о томъ, что легче: для Него всего важнѣе выгоды народа, для котораго Онъ готовъ переносить пруды безчисленные. Нѣншанцъ далеко отъ моря, а новая столица Руская должна быть непременно приморская, должна быть непременно портомъ, куда приходили бы корабли иностранные. Между Васильевскимъ островомъ и нынѣшнею Выборгскою стороною есть еще островъ, который Шведы называли *Льустъ Элантъ* *). На него падаетъ выборъ Великаго: на него слетаетъ свѣтлая мечта Его и въ первый разъ является предъ глазами Рускихъ: они узнаютъ намѣреніе Царя

*) Это значитъ *Островъ веселья*. Теперь мы знаемъ этотъ островъ подъ именемъ *Петербургской стороны*.

имѣть близъ моря Вальшійскаго столицу; на оспровѣ Льюспѣ—Элантѣ будетъ крѣпость ея, на концѣ Васильевскаго оспрова, гавань. Объявивъ все это приближеннымъ Своимъ, ПЕТРЪ принимается за исполненіе великаго плана. Собственными руками Его сдѣланъ чертежъ новой крѣпости и 16 числа того же мая мѣсяца, она начата и названа по заложенной тамъ церкви Апостоловъ Петра и Павла, *Петропавловскою*. Это было первое строеніе новой столицы. Стало бытъ, чинашели мои могутъ смѣло называть Петербургскую сторону колыбелью нашего славнаго Петербурга. Можно сказать, что здѣсь онъ родился, здѣсь взлелѣянъ и укрѣпленъ былъ заботливою рукою Своего основателя.

Для строеній новаго города написано было изъ разныхъ областей болѣе 20,000 работниковъ. Надзоръ за ними имѣли люди, самые близкіе къ ПЕТРУ: Меншиковъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Головкинъ и Зотовъ. Кро-

мѣ того Самъ Царь былъ безпрестанно съ ними, и чтобы какъ можно ближе видѣть исполненіе пламеннаго желанія Своего, Онъ приказалъ поспроить для себя, тупъ же подлѣ крѣпости деревянный домикъ. Онъ походилъ на шопъ, въ кошоромъ Царь жилъ въ Саандамѣ, и состоялъ шолько изъ двухъ комнашь, кухни и сѣней. Вы можете и теперь видѣть это скромное жилище величайшаго изъ Государей, милья дѣши. Это шопъ самый маленькій дворець Петра на берегу Невы *), гдѣ вѣрно многіе изъ Пешербургскихъ чашапелей моихъ уже бывали, тѣже которые еще не были, вѣрно сдѣлають это теперь, пошому что рѣдкое чувство можете бышь пріятнѣе того, какое наполняешъ душу нашу въ шомъ мѣстѣ гдѣ нѣкогда жилъ великій человекъ! Войдите въ

*) Императрица Екатерина I, супруга Петра Великаго, чтобы сохраить потомству этотъ домикъ, приказала обнести его каменными стѣнами.

эпопъ домикъ Петра, милые друзья мои, и вы увидите, какъ все тамъ будетъ для васъ дорого и священо, какъ величественны и прекрасны покажутся вамъ эти маленькія комнаты! Съ какимъ невольнымъ благоговѣніемъ станете вы на колѣна передъ тѣмъ образомъ Спасителя, которому молился Великій! Этопъ обрааъ составляетъ теперь главную и священную драгоценность маленькаго дворца.

Но отъ нынѣшняго состоянія этого домика воаврашимся къ тому, въ какомъ онъ былъ при началѣ своего существованія! Какъ все въ немъ и около него было тогда шумно; живо, дѣятельно! Въ четыре, а иногда и въ три часа, Государь уже вставалъ и часто еще въ домашнемъ плащѣ Своемъ, которое было не другое что, какъ бѣлый холстинный камзолъ съ костяными пуговицами—выходилъ смотрѣть на работы крѣпости. Послѣ того, удивительно ли, что въ четыре мѣсяца онѣ были окончены? Съ благодарно-

стію обнималъ восхищенный Петръ Своихъ усердныхъ сотрудниковъ, и приказалъ вырѣзать имена ихъ на стѣнахъ пяти болверковъ, ими построенныхъ; шестой былъ подъ Его собственнымъ надзоромъ. Вскорѣ послѣ крѣпости, начали показываться другія городскія строенія, и прежде всего на прежнемъ Льюсшъ-Эланшъ или Петербургскомъ островѣ, и потомъ на Васильевскомъ. Здѣсь чрезъ нѣсколько времени явилось великолѣпное зданіе: домъ Меншикова — въ копоромъ теперь 1-й кадетскій корпусъ. Противоположная сторона Невы—теперь главная часть города, — не пользовалась въ то время этою славою: она позднѣе начала застроиваться, и Петръ въ 1703 году заложилъ въ ней только адмиралтейство и корабельную верфь. Отъ этого она и называется до сихъ поръ *адмиралтейскою* стороною, которая раздѣлилась въ послѣдствіи на четыре адмиралтейскія части.

Между шѣмъ какъ новорожденная столица, какъ будто какимъ то волшебствомъ является среди болотъ и лѣсовъ Невскихъ, Петръ думаетъ о безопасности своей любимицы, заботится о спокойствіи и выгодахъ ея. Крепость Петропавловская не можетъ защитить ее отъ нападеній съ моря; гавань Васильевскаго острова, по причинѣ мелководія, не можетъ принять ни большихъ кораблей военныхъ, ни тяжело нагруженныхъ судовъ купеческихъ. Но не превозмешь, маленькіе приверженцы Петербурга, Петръ зналъ это прежде нежели положилъ основаніе новаго города, и уже давно приговорилъ то и другое, вошь гдѣ :

Въ 25 версахъ отъ Петербурга, посреди волнъ Финскаго залива лежалъ довольно большой, но необитаемый островъ, который Финны называли *Ренусари*, а Рускіе — *Коплинъ*. Этошь островъ—отдѣлялся узкимъ, но глубокимъ пространствомъ воды, какъ будто узкимъ проливомъ, отъ довольно

но значительной песчаной мели. Увидѣвъ это въ первый разъ и измѣривъ глубокое мѣсто пролива, которое у моряковъ называется *Фарватеролѣ* *). Петръ съ восхищеніемъ и благодарностію поднѣлъ взоры Свои на небо. Казалось, что Самъ Богъ заботился о защитѣ новой столицы Рускихъ: проливъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли проходить корабли всякой величины и тяжести, всѣ же другія мѣста Финскаго залива отъ Коплиа до Петербурга были мелки и непроходимы только для маленькихъ судовъ. Стало бытъ для безопасности столицы стоило только не допустить непріятеля проѣхать по фарватеру. Для этого нужно было, чтобы по обоимъ берегамъ, между которыми онъ находится, Рускіе сторожили своихъ непріятелей съ пушками и другими огне-

*) Это Шведское слово *Fahrwater*. Оно значитъ *водной путь*, и только по этому пути можно плыть моремъ въ Петербургъ.

стрѣльными оружіями. И вотъ на песчаной мели, прошивъ Коплина, является чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, крѣпость *Кроншлотъ*. Противъ нее, берегъ Коплина острова укрѣпляется также сплошными стѣнами, устанавливается также пушками, и такимъ образомъ страшный громъ и неминуемая гибель грозятъ съ этихъ двухъ береговъ каждому кораблю, которому вздумалось бы какъ непріятелю пробраться къ Петербургу. Вскорѣ на Коплинѣ была уже не одна стѣна съ укрѣпленіями, но за стѣною двѣ гавани: военная и купеческая, а подлѣ нихъ и городъ *Кронштадтъ*, въ который мы такъ скоро доѣзжаемъ лѣтомъ на парадѣ, а зимою на лошадяхъ, по гладкому льду Финскаго залива? Но если это путешествіе возможно для васъ, то спешите сдѣлать его лѣтомъ. Рѣдкое удовольствіе можетъ сравниться съ тѣмъ, какое мы чувствуемъ, несясь—почти также скоро, какъ ппички—по синему морю при ясной погодѣ, когда

лучи яркаго солнца играютъ съ свѣ-
плыми волнами, а свѣжій вѣтерокъ съ
бѣлыми парусами! Переѣздъ отъ Пе-
тербурга до Кронштадта, имѣетъ
тѣмъ болѣе прелестей для Рускаго,
что здѣсь все напоминаетъ о Вели-
комъ Петрѣ. Не успеешь потерять
изъ вида Петербургскую крѣпость и
гавань Васильевскаго оспрова, какъ
уже вдали показываючися крѣпости
Кронштадта и мачты кораблей, всегда
наполняющихъ его гавани. А сколько
воспоминаній объ этомъ незабвенномъ
Государѣ въ самомъ Кронштадтѣ! По-
чти на каждомъ шагу вы встрѣтите
что нибудь изъ Его великихъ учреж-
деній. Когда же взглянешь на грозныя
укрѣпленія, которыми Онъ такъ проч-
но и такъ могущественно защитилъ
насъ отъ всѣхъ нападеній непріятелей,
то душа такъ и желала бы вызвать
съ небесъ великій геній Его, чтобы
выразить Ему свою благодарность! О!
мы можемъ быть покойны въ нашемъ
Петербургѣ: до тѣхъ поръ, пока су-

ществуяють Кронштадтъ и Кроншлотъ, ни одинъ непріятельскій корабль не дойдетъ до насъ! Это знаютъ всѣ иносѣранные Государи и вѣрно никто изъ нихъ никогда не пошлетъ кораблей своихъ на явную погибель къ фарватеру Кронштадта.

Но какъ же удивились, узнавъ объ этомъ, тогдашніе Государи Европейскіе! Нѣкоторымъ изъ нихъ, не только удивительно, но даже досадно было слушать рассказы о новой столицѣ, новыхъ крѣпостяхъ и гаваняхъ Рускихъ. Болѣе всѣхъ занимало это Шведовъ: они какъ будто начинали предчувствовать, что съ могуществомъ Россіи, кончится власпъ ихъ надъ Балтійскимъ моремъ. Испуганные такою мыслию, они вмѣстѣ съ Англичанами, старались всѣми силами вразумить гордаго Карла XII, что уже прошло время презирать Рускихъ, что надобно остановить завоеванія ихъ, казавшіяся сначала ничтожными, а теперь уже опасныя для Европы. Но всѣ представ-

ленія ихъ были напрасны: Карлъ и думашь не хотѣлъ, чшобы Рускіе что нибудь значили послѣ Нарвскаго сраженія, и равнодушно получая извѣстія о взятіи ими нѣсколькихъ—по мнѣнію Его, неважныхъ мѣстечекъ Ингерманландіи, спарался полько скорѣе исполнить главное желаніе свое — опниашь Польскій престоль у Короля Августа. Петръ пользовался безразсуднымъ упрямствомъ и вѣтреностію Карла, и продолжая вести войну съ Шведскими Генералами скоро завладѣлъ всею Ингерманландіею, и взятіемъ Нарвы опмстилъ за пораженіе, которое нѣкогда претерпѣлъ при этомъ городѣ. Такъ исполнилось предвѣщаніе Петра, что Рускіе оплапашь Шведамъ за уроки ихъ въ военномъ искусствѣ. Лучшими Генералами Царя въ этихъ счастливыхъ походахъ были: Фельдмаршалъ Шереметевъ и Меншиковъ, бывшій уже Княземъ, и получившій чинъ фельдмаршальскій послѣ важной побѣды, одержанной имъ надъ Шведами, при Калишѣ, въ 1706

году. Фельдмаршальскій жезлъ, присланный къ нему Государемъ, былъ украшенъ алмазами и сшюиль около 3000 рублей.

Такіе успѣхи Рускихъ заставили наконецъ Карла XII подумать нѣсколько объ опасномъ соперникѣ, копорый готовился для него въ Петръ: онъ могъ теперь опасаться его, тѣмъ болѣе, что дѣло съ Августомъ II было уже кончено, и эшотъ несчастный и слабый Государь, не смотря на все пособіе, какое подавали ему усердная помощница его Россія, и опечесиво его Саксонія, не смотря на множесиво приверженцевъ своихъ въ Польшѣ, долженъ былъ усшупить непреодолимому могуществу Карла и принять опъ него самый унизишельный миръ, заключенный въ Альтраншпадтѣ. По условіямъ эшого мира, Августъ долженъ былъ опказаться опъ Польской короны и опстаться по прежнему Курфирспомъ Саксонскимъ, долженъ былъ нарушить союзъ съ Царемъ Рускимъ,

долженъ былъ поздравить съ восшествіемъ на пресшоль новаго Короля Польскаго, *Станислава Лещинскаго*, избраннаго по желанію Карла! Эти три условія, хошя очень пыгоспныя для жалкаго Августа, были еще лучше четвертаго, которое дѣлало стыдъ и тому, кто предложилъ его, и тому, кто принялъ! Грустно рассказать этотъ случай друзья мой, но что дѣлать! Исторія неумолима: она не ушаниваетъ дурное, но точно также рассказываетъ его, какъ и все хорошее, и потому вы узнаете, какъ несправедливы, какъ безжалостны были Карлъ и Августъ!

Вы давно читали уже, что Швеція владѣла Лифляндіей, какъ своимъ завоеваніемъ. При Король Карлъ XI, эта несчастная земля шерпѣла такія жестокія приштѣсенія отъ своихъ завоевателей, что Лифляндское дворянство рѣшилось наконецъ отправить въ Стокгольмъ съ избранными отъ себя членами просьбу къ Королю о защитѣ

прошивъ несправедливостей правитель-
ства. Главнымъ изъ членовъ былъ двад-
цати-лѣтній Капитанъ, *Иоганнъ Рейн-
гольдъ Папкуль*, происходившій изъ
древней Лифляндской фамиліи. Это
былъ пылкій, умный, образованный мо-
лодой человекъ, пламенно любившій
свою родину. Съ жаромъ защищалъ
онъ ее предъ Королемъ и тѣмъ обра-
тилъ на себя его негодованіе: просьбу
дворянства Лифляндскаго нашли дерз-
кою противъ Швеціи, и Папкуля, какъ
сочинителя такой бумаги, приговорили
къ смерти.

Несчастный спасся отъ казни
бѣгствомъ, заложилъ все свое имѣніе и
проживая то въ Германіи, то въ Швей-
царіи, старался доказать невинность
свою и Карлу XI, и потомъ наследни-
ку его — Карлу XII. Старанія его были
напрасны: тотъ и другой ненавидѣли
смѣлаго Лифляндца. Наскучивъ праз-
дною жизнью, Папкуль, съ радостію
вступилъ въ Польскую службу, по при-
глашенію тогдашняго Короля Августа.

Но служба при такомъ Государѣ, ка-
кимъ всегда былъ Августъ, не могла
нравиться дѣятельному Пашкулю, и
онъ скоро оставилъ ее. Безпріютный
изгнанникъ, не имѣвшій дозволенія воз-
вратиться въ опечество, готовъ былъ
и въ чужой землѣ жертвовать всѣмъ
для пользы и счастья людей, но такія
высокія чувства могъ оцѣнить толь-
ко тотъ, кто умѣлъ бы понять ихъ,
могъ оцѣнить только такой Государь,
который бы, какъ Петръ, и Самъ жер-
твовалъ всѣмъ для счастья подданныхъ.
И судьба хотѣла, чтобы эти двѣ пре-
красныя души встрѣнились: Пашкуль
узналъ Петра, и съ тѣхъ поръ, не
хотѣлъ служить никому другому.
Здѣсь только, у Государя, вокругъ ко-
торога все кипѣло жизнью, можно бы-
ло сказать, что Пашкуль былъ на сво-
емъ мѣстѣ. Неупомимая дѣятельность
его безпрестанно находила себѣ заня-
тіе: онъ былъ полезенъ, былъ нуженъ
для Россіи, и потому вы можете су-
дить, любилъ ли его Петръ?

Счастливымъ этою драгоцѣнною любовью, Папкуль начиналъ забывать свои прежнія бѣдспвія, и пламенно желая освобожденія родины своей отъ Шведскаго владычества, молилъ Бога, чтобы побѣдителемъ въ войнѣ сѣверной, былъ не безразсудный Карлъ, но великодушный, безпримѣрный Царь Россіи. Чтобы отнять силы у Шведскаго Короля, нужно было, сколько возможно, поддерживать Августа и Петръ дѣлалъ это, посылая ему и войско и деньги. Начальникомъ этого войска и въ тоже время посланникомъ Рускимъ въ Польшѣ, въ 1705 году, былъ Папкуль. Августъ, неблагодарный къ той помощи, какую оказывали ему Рускіе, такъ безсовѣстно обходился съ ними, что войско ихъ перпѣло недостатковъ даже въ пищу. Это жестоко оскорбляло человѣколюбивое сердце Папкуля: онъ заговорилъ, и слова его въ такомъ дурномъ видѣ представлены были Августу, что онъ, забывъ священное званіе посланника и

генерала своего союзника, приказалъ арестовать его. Несчастный Папкуль, безъ всякой вины поимся въ темницѣ, пошому что этого желалъ неприимимый врагъ его, Карлъ XII, возненавидѣвшій благороднаго Лифляндца еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался усерднымъ подданнымъ соперника его, Петра. Карлъ желалъ не только того, чтобы Папкуль былъ въ темницѣ, но даже и того, чтобы онъ былъ выданъ ему, какъ преступникъ, уже давно приговоренный къ смерти Шведскимъ правительствомъ! И онъ предложилъ это Августу! И Августъ не постыдился принять это жестокое предложеніе! Вотъ оно-то было *тепвертылибъ* условіемъ того унижательнаго Альпранштадтскаго мира, о кошоромъ я говорила вамъ, милыя дѣти. Оно исполнилось 28-го марта 1707 года: въ этотъ день Папкуль выданъ Карлу XII. Ужасна была судьба невиннаго спрадальца! Кажалось, Карлъ хотѣлъ оп-

мспишь ему и за ропотъ Лифляндіи, и за успѣхи Петра! Никакія прозьбы Государей, кошорыхъ Царь Рускій умолялъ всшупишься за послаанника Его, не смягчили непреклоннаго Короля Швеціи, и въ сентябрь шого же 1707 года несчастный Паикуль казненъ.

Такая несправедливоспъ, такая неслыханная учаспъ послаанника—явно показывала ненависпъ къ Государю его. Петръ могъ также видѣшь въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ желаніе Карла, продолжатъ войну, кошорая должна сдѣлашься шеперь гораздо важнѣе: швердое, обдуманное мужество Петра пылало новымъ жаромъ при мысли о горестной кончинѣ одного изъ благороднѣйшихъ любимцевъ Его; гордая, необузданная храброспъ Карла гошповилась однимъ ударомъ уничшожилъ всю неожиданную имъ славу великаго Государя и всѣ прекрасныя начинанія Его. Европа съ любопытствомъ шмолтрѣла на споръ знаменитыхъ сопер-

никовъ, Рускіе съ неперпѣніемъ ожидали извѣстія о томъ, съ кою стороною нападешь на нихъ страшный для всѣхъ Карлъ!

ИЗМѢННИКЪ МАЗЕПА

и

БИТВА ПОЛТАВСКАЯ.

Ошъ 1708 до 1710 года.

(Пер. 2 лѣтъ).

Петръ I думалъ, что это нападеніе сдѣлано будетъ на ту часть Россіи, гдѣ находилась новая столица ея и области, недавно опнятыя у Швеціи; вмѣсто того, Карлъ XII явился тамъ, гдѣ никто не ожидалъ его, явился въ Малороссіи! Но этому была причина, и вошъ какая важная причина, друзья мои:

Начальникомъ Малороссійскихъ казакѣвъ, которые, какъ вы знаете, составляли главную часть жителей Малороссіи, былъ въ это время, Гепманъ Мазепа. Съ молодыхъ лѣтъ, онъ славился своимъ умомъ, образованіемъ и ловкостью. Этими качествами ему такъ хорошо удавалось скрывать свои пороки, что до самой старости, никто не подозрѣвалъ въ немъ обманщика и хитреца, который достигалъ до всего коварствомъ и ласкательствами. Вместе съ другими обманывался и Петръ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ и любилъ его за неуспрашимость, которую онъ показывалъ во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ только участвовалъ. Въ первый разъ опличился онъ въ войну съ Турками, при Азовѣ, и съ того времени, обратилъ на себя такое милостивое вниманіе Государя, что при учрежденіи ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, онъ былъ вторымъ изъ генераловъ, получившихъ это знаменитѣйшее

знакъ опличія. Кромѣ того, разныя милости, копорыми Петръ осыпалъ казаковъ Малороссійскихъ, разныя права и преимущества, копорыми они пользовались, безпрестанно доказывали расположеніе Государя къ Гешману ихъ. Но какъ бы вы думали, милья дѣти, чѣмъ заплашилъ эпошъ неблагодарный за довѣрчивую любовь Царя? Измѣною самою низкою, самою постыдною! Прочитавъ расказъ о ней, вы вѣрно удивитесь, до чего можетъ довести человѣка излишнее честолюбіе!

Можно сказать, что у Мазепы оно было болѣе, нежели *излишнее*! Вообрази что для него недовольно было пользоваться всѣми почестями, имѣть первый чинъ въ государствѣ, имѣть ордена: Руской Св: Андрея и Польскій Бѣлаго Орла; недовольно было управлять не только всѣми казачьими полками, но и всею Украйною; бытъ владѣтелемъ 40,000 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему Петромъ, въ нынѣшнихъ Орловской и Курской Губерніяхъ; наконецъ не-

довольно счастья быть любимцем Государя — ему захотѣлось быть самому Государемъ независимымъ. Вы думаете, что это была шутка? Совсѣмъ нѣтъ! Послушайте, какъ онъ обдумалъ планъ свой: на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя составляютъ Малороссію, было прежде княжество сѣверское, и вотъ дерзкій Гепманъ казаковъ вообразилъ, что онъ можетъ возобновить это княжество, и сдѣлаться княземъ его! Это возможно, — думалъ Мазепа — Польша близко отсюда, а шамъ повелѣваетъ и новымъ Королемъ, и народомъ пошъ Карль XII, которому сподобилъ только захотѣть, и — я на престолѣ древнихъ Князей Сѣверскихъ! Я доставлю ему за это помощь всего Малороссійскаго войска противъ Петра, а Польскому Королю буду льстить обѣщаніемъ присоединить къ королевству его славную Украину.“

Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Шестидесятилѣтній Мазепа, пылкій какъ молодой человекъ, не опровергалъ

никогда на долго своихъ намѣреній, и пошому и на зпощь разъ топчасъ же поручилъ самымъ надежнымъ друзьямъ своимъ представитъ Королю Шведскому свои измѣнническія предложенія.

Нечего сказывать вамъ, милыя дѣши, съ какою радостію Карль XII принялъ ихъ! Почишая себя и безъ того героемъ непобѣдимымъ, какихъ услѣховъ не могъ онъ ожидать опъ своей храброспи, видя вдругъ на своей споронѣ все войско Малороссійское? Съ благодарностію согласился онъ на всѣ желанія Мазепы и сверхъ того обѣщаль, въ случаѣ неудачи, скрышь его опъ гнѣва Царскаго въ своей Швеціи.

Всѣ эти переговоры и условія дѣлались съ такою тайною, что ни Петръ, ни миниспры Его, Головкинъ и Шафировъ, нисколько не подозрѣвали замысловъ Гешмана, но за то въ самой Малороссіи нашлись люди, понимавшіе обманщика, не смошря на всѣ спаранія его скрышь себя. Должно думать,

что эти люди ненавидѣли Гепмана, пошому что неушомимая внимательность, съ которою они подсматривали за всѣми поступками его, не могла происходить ошъ чего либо другаго, какъ ошъ ненависти. Къ счастью Россіи— такихъ людей было много въ Малороссіи: Мазепа былъ несправедливъ, дерзокъ, можно сказать, даже безсовѣстенъ съ своими подчиненными. Удивительно ли, что они желали освободиться ошъ своего припѣснителя? Однакожь, долго непріятели Мазепы не были для него страшны: ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался дѣйствовать противъ любимца Царскаго, но въ 1707 году онъ оскорбилъ жестоко, несперпимо, Генеральнаго судью казаковъ— Василья Леонтьевича *Козубея*. Это былъ старикъ, уважаемый всѣмъ войскомъ, почтенный по своимъ заслугамъ и рожденію. Глубоко чувствуя сдѣланную ему обиду, онъ старался всѣми силами опмспить за нее, и его не пугало все могущество дерзкаго повелителя

Украины. Вотъ онъ-то открылъ всѣ тайныя сваяи измѣнника съ Поляками и Шведами. Какъ ужаснулся вѣрный сынъ Россіи — опасности, грозящей ей! Какъ увеличилась ненависть его къ Мазепѣ съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ въ немъ, не только своего оскорбителя, но и врага Петрова! Ни сколько не медля, онъ описалъ всѣ узанныя имъ подробности измѣны Гепмана и въ январѣ 1708 года отправилъ это донесеніе къ Царю, съ однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей своихъ — Полковникомъ Полтавскаго полка, *Искрою*. Но, подивись, друзья мои, какъ хорошо умѣлъ гордый честлюбець скрывать свои пороки и злодѣянія! И проницательный Петръ и умные вельможи Его приняли усердныхъ доносителей за враговъ славнаго Гепмана и къ нему же опослали ихъ, для суда и наказанія!

Вы вѣрно угадаете гореспную судьбу обоихъ несчастливцевъ? Да, они погибли, — Мазепа же, еще болѣе утвердился въ довѣренности Государя,

и съ новымъ жаромъ и безъ боязни принялся за посмѣдный заговоръ свой. Карлъ XII съ полною надеждою на успѣхъ отправился въ Россію и въ августѣ 1708 года уже перешель Днѣпръ.

Теперь вы понимаете, милыя дѣти, опъ чего пошелъ онъ прямо на Малороссію, а не на новую столицу нашу, копорую ему такъ хотѣлось уничтожить? Онъ думалъ, что скорѣе достигнетъ своего желанія тогда, когда соединится съ своимъ сильнымъ сообщникомъ и уже вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ къ Пешербургу. Но кромѣ этого соединенія, для него нужно было еще другое: изъ Лифляндіи вышло шестнадцати-тысячное Шведское войско подъ начальствомъ Генерала Левенгаупта, и спѣшило къ Королю своему. Петръ, еще не знавшій объ измѣнѣ Мазепы, предвидѣлъ вредъ, какой могъ произойти для Рускихъ опъ соединенія Левенгаупта съ Карломъ, и рѣшился, во чтобы то ни стало, не допустить ихъ соединиться. Для этого, Онъ отправилъ противъ

Карла, Фельдмаршала Шереметева, а Самъ пошелъ вслѣдъ за Левенгауптомъ и догналъ его въ нынѣшней Могилевской губерніи, около Пропойска, при мѣстечкѣ *Лѣснолѣ*. Вамъ надобно хорошо знать, гдѣ находится это мѣсто, милыя дѣти, потому что здѣсь Петръ нашъ одержалъ такую блистательную побѣду надъ Шведами, что въ восхищеніи называлъ ее матерьюшой анаменишой *Полтавской побѣды*, о которой вы скоро услышите. Левенгауптъ потерялъ большую часть своего войска, пушки и всѣ запасы, которые везъ для арміи Короля.

Такая неожиданная потеря заставила Карла XII, какъ можно скорѣе спѣшить въ Малороссію, гдѣ недостойный Гетманъ съ неперпѣніемъ ожидалъ прихода его, чтобы объявить свою измѣну Россіи. Въ октябрѣ 1708 года, ровно чрезъ три мѣсяца послѣ сраженія подъ Лѣснымъ, Шведы явились во владѣніяхъ Мазепы, на берегахъ Десны. Два соединившіеся врага нашего опе-

чества, объявили Малороссіянамъ — свободу и возстановленіе княжества Сѣверскаго. Но какъ же удивились они, когда увидѣли, какое дѣйствіе произвело это объявленіе! Малороссіяне, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, ужаснулись, и безчестный Гепманъ успѣлъ только обманомъ переманилъ за Десну двѣ или три тысячи челоуѣкъ; всѣ же прочіе остались вѣрными своему законному Государю.

Карль XII, хопя жестоко обманутый въ своемъ расчетѣ на помощь Малороссіи, не пришелъ въ уныніе и съ прежнею гордостію, съ прежнею дерзкою самонадѣянностію продолжалъ походъ свой. Онъ шелъ по Украинѣ, пошому что плодоносныя поля ея доставляли большую пользу его арміи, начинавшей чувствовать большой недоставокъ въ състныхъ припасахъ. Къ этому несчастію Шведовъ присоединилось вскорѣ другое: настала зима съ самыми сильными морозами. Воины Карла такъ много перпѣли отъ нихъ,

что часто находили ихъ на дорогахъ окостенѣвшихъ отъ спужи. Но и эшотъ ужасный видъ не могъ поколебать души Короля ихъ: онъ все еще считалъ себя непобѣдимымъ, и проведя въ Малороссіи пять мѣсяцовъ, рѣшился въ апрѣль 1709 года, взять приступомъ городъ Полтаву, лежавшій на берегу рѣки Ворсклы, впадающей въ Днѣпръ. Полтава, существующая и теперь—казалась для Карла XII такимъ значительнымъ городомъ, что онъ думалъ получить въ ней награду за всѣ труды и неудачи свои во время этого похода.

Между тѣмъ какъ Король Шведскій, совершенно занятый этимъ приступомъ и мыслию о своей будущей побѣдѣ, строитъ укрѣпленія, чтобы лучше напасть на осажденную Полтаву и иногда имѣетъ небольшія ошибки съ ея жителями, посмотримъ, что дѣлаетъ знаменитый соперникъ его.

Горестно было для великой души Петра узнать низкую измѣну Мазепы,

горестно тѣмъ болѣе, что это измѣна погубила двѣ благороднѣйшія жертвы: *Котубея* и *Искру*! Добрый Царь, упрекая и себя въ этой погибели, сѣшилъ возвратити семействамъ несчастныхъ опиятую у нихъ честь и имѣніе. Потомъ съ благодарностію обратился Онъ къ Малороссіянамъ, наградилъ вѣрность ихъ, наказалъ небольшое число преданныхъ Мазепѣ, самаго же его приказалъ предати церковному проклятію, которое вѣчно будетъ продолжаться надъ измѣнникомъ.

Поручивъ Малороссію новому Генералу, *Ивану Скоропадскому*, Петръ приготовилъ все для рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII: не только сухопутныя силы Его блистали самымъ лучшимъ устройствомъ, но даже и морскія, развѣзжавшія около Азова и Таганрога, были въ такомъ положеніи, что могли потчасъ выдержати всякое нападеніе Турокъ, если бы эти сосѣди южныхъ границъ нашихъ вздумали помогати Шведамъ. Но Петръ

не боялся этого: миръ съ Турціей былъ недавно подтвержденъ и въ окрестностяхъ Полтавы ожидалъ Его, Карлъ XII только съ однимъ помощникомъ своимъ, Мазепою. Царь пріѣхалъ къ Полтавѣ въ іюнь 1709 года, когда осада продолжалась уже около трехъ мѣсяцовъ. Осажденные были доведены Шведами до большой крайности и уже не долго могли пропротивиться. Тѣмъ скорѣе спѣшилъ Петръ спасти ихъ и увѣренный въ покровительство Божіе, назначилъ днемъ сраженія, 29-е іюня, когда празднуется у насъ память Св. Апостоловъ Петра и Павла. Въ то же время это былъ и день именинъ Государя. Но Карлъ предупредилъ его двумя днями и началъ первый—поутру 27 іюня. Битва была опчаянная съ обѣихъ сторонъ. Петръ сражался за счастье народа Своего, за все вновь созданное Имъ царство, которое должно было уничтожиться вмѣстѣ съ торжествомъ Карла; Карлъ защищалъ громкую славу свою, свое

названіе *героя* и своихъ несчастныхъ воиновъ, копорыхъ ожидала неминуемая гибель въ странѣ враговъ — побѣдителей. Въ этотъ знаменитый день нельзя было рѣшишь, копорый изъ двухъ Государей — былъ неуспрашимъ. Тысячи пуль лешали около ихъ обоихъ, не пугая ни одного. Одна изъ нихъ пробила у Рускаго Царя шляпу, другая — сѣдло, пренья — попала въ крестъ, висѣвшій у Него на груди *). Король же, за нѣсколько дней передъ тѣмъ раненый ночью, при осмотрѣ казацкихъ пикетовъ, не въ состояніи былъ сидѣть на лошади, и приказалъ возить себя между рядами своихъ воиновъ въ качалкѣ,

*) Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и теперь хранится этотъ крестъ. Онъ четырехъконечный, длною въ пять вершковъ, шириною нѣсколько менше, сдѣланъ изъ золота и украшенъ драгоценными камнями. Въ немъ находятся рѣдкія святыни, присланныя съ Афонской горы Царю Феодору Иоанновичу. Этотъ крестъ принадлежалъ Константину Великому, и потому называется Константиновскимъ. На немъ замѣтно еще поврежденіе, сдѣланное попавшею въ него пулею во время Полтавской битвы.

когда же запряженные въ нее лошади были убиты, пересѣлъ на верховую, и раненую ногу свою положилъ къ ней на шею. Въ такомъ положеніи онъ быстро носился между своими храбрыми Шведами, ободрялъ ихъ воспоминаніями о побѣдахъ, такъ часно одерживаемыхъ ими надъ Русскими, предвѣщаль новую славу и на эшопъ день. Но предвѣщаніе его не сбылось: эша слава и эшопъ день принадлежали Петру. Шведское войско, послѣ непродолжительнаго сраженія, было совершенно разбиено, и Карлъ едва спасся бѣгствомъ ошъ плѣна.

Эта побѣда, милья дѣши, почищается знаменишѣйшею въ исторіи Петра. Утвердивъ за Россіею мѣста, завоеванныя ею у Швеціи, и въ нихъ — новый портъ и новую столицу ея, она доставила Рускимъ то, что было главною цѣлью жизни Петра: соединеніе ихъ съ образованными Европейцами. Вы уже слышали, какъ Европейцы не желали эшого соединенія, какъ они бо-

ялись возрастающаго могущества Россіи, и какъ старались уничтожить его. Это спараніе поручено было ими сосѣду Россіи—Королю Шведскому. И вы видите, друзья мои, какъ усердно исполнялъ онъ сдѣланное ему порученіе,—стало бытъ, можете предста-вить себѣ, что было бы со всѣми новыми учрежденіями Петра, съ многочисленнымъ флотомъ Его, съ Его вновь образованнымъ войскомъ, съ Его знаменишымъ порпомъ на Балтійскомъ морѣ, однимъ словомъ, со всѣми Его великими намѣреніями, еслибы Карлъ XII оспался побѣдишелемъ? Можно поручиться, что все это было бы уничтожено: дерзкій Король Шведскій, въ гнѣвъ своемъ уже не рааъ кричалъ страшнымъ голосомъ: „О! и моего хлыста довольно будетъ, чтобы выгнать этихъ негодныхъ Москвитянъ не только изъ Москвы, но даже и изъ всего міра!“

Вмѣсто того, грозный предсказатель самъ обратился бѣгство и какъ? безъ войска, почти съ однимъ только измѣн-

никомъ Мазепою и нѣсколькими адью-шаншами, въ Тапарской пелѣгѣ! и куда же? въ одну изъ пограничныхъ областей Турціи, Бендеры, умоляя о покровительствѣ Султана! Послѣдній отрядъ его, состоявшій изъ 16,000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Левенгаупта, оставался еще въ окрестностяхъ Полтавы, на берегахъ рѣки Ворсклы. Петръ отправилъ въ погоню за ними Князей Голицына и Меншикова, и 30 іюня, чрезъ три дня послѣ Полтавской битвы, всѣ 16,000 Шведовъ, искусно окруженные со всѣхъ сторонъ 9000 Рускихъ, сдались безъ сраженія, со всею аммуниціею, знаменами, артиллеріею и королевскою казною.

Съ смиреніемъ Христіанина наслаждался Царь Рускій, Своею знаменипою побѣдою. Относя весь успѣхъ ея къ всемогущему покровительству Бога, Онъ смотрѣлъ на поля Полтавскія, какъ на мѣста священныя, какъ будто ручавшіяся за будущую славу

Россіи. Необыкновенный духъ Его, быспрый, проицательный и благочестивый, не сомнѣвался въ этой славѣ; и пошому благодарность Его къ Всевышнему была неизъяснима! Онъ изъявилъ ее торжественно на другой день побѣды 28 іюня, на самомъ мѣстѣ битвы. Молебствіе совершалось въ обширной походной церкви, посреди поля Полтавскаго. Послѣ обѣдни погребены были на этомъ же полѣ, въ одной огромной могилѣ, пѣла убитыхъ защитниковъ Россіи, а въ другой — пѣла враговъ ихъ, Шведовъ. Надъ первыми Петръ, Собственными руками, поставилъ крестъ съ надписью дня побѣды и кончины ихъ; надъ вторыми плакали печальные соотечественники ихъ, попавшіеся въ плѣнъ. Всѣ они были шупъ же при торжествѣ вмѣстѣ съ Рускими; но нишо не оскорблялъ ихъ насмѣшками, напрошивъ того, послѣ обѣдни самъ Царь пригласилъ генераловъ и офицеровъ ихъ къ своему обѣденному столу, и въ опмщеніе всѣхъ

дерзостей, какими часто Карль XII оскорблялъ народъ Его, позволилъ себѣ сказать только слѣдующія слова: „Вчера братъ мой Карль просилъ васъ сегодня на обѣдъ въ шапры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего слова, но мы выполнимъ это, и для того, прошу васъ со мною откушать.“ За этимъ обѣдомъ, добрый Царь всячески старался развеселить унылыхъ Шведовъ, и не одинъ разъ пилъ за здоровье *учителей Своихъ въ военномъ искусствѣ*. Такъ почти всегда Онъ называлъ ихъ.

Такое ласковое обращеніе Государя, высоко уважаемаго всѣми народами, не могло не имѣть вліянія на бѣдныхъ плѣнниковъ: они на нѣсколько минушъ забыли свое несчастіе, и развеселились. Да и трудно было не развеселиться! Почти каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ, былъ пожалованъ опіе Царя *)

*) Для самыхъ любопытныхъ изъ читателей моихъ, которые бы желали знать какія именно награды получили главные генералы — участники Полтавской би-

или чиномъ, или помѣстшемъ, или орденомъ, или деньгами; кромѣ того, всѣ могли похвалиться милостию Его, равно на всѣхъ излишю, — стало бытъ всѣ были веселы и счастливы! Безпрестанно пили за здоровье того или другаго генерала; а при такомъ случаѣ, уже не бываешь людей задумчивыхъ: общее веселье прогоняешь грусть съ лица печальныхъ. Такъ было и съ храбрыми Шведами, когда большіе покалы самаго вкуснаго вина, переходили у госпеш Царскихъ изъ рукъ въ руки, и особенно въ шу минушу, когда Фельдмаршалъ Шереметевъ вспаль съ своего мѣста и громко сказалъ: „За здоровье нашего новаго *Контрб-Адмирала* и *Генералб-Порутика*!“ Догадаешесь ли вы, друзья мои, что былъ эпопій *новопо-*

твы, надобно сказать, что Князь Меньшиковъ произведенъ былъ въ Генералъ - Фельдмаршалы; Князь Голлицынъ, Долгорукій и Рѣпинъ, получили помѣстья; Брюсъ, Галартъ и Ренцель ордена Св. Апостола Андрея. Гетманъ Скоропадскій—портретъ Государя, осыпанный брилліантами.

жалованный двумя чинами? — Полковникъ Преображенскаго полка — *Петръ Михайловъ*. Въ Полтавскую битву, Онъ въ первый разъ исполнялъ должность главнокомандующаго и за славное окончаніе ея — всѣ Генералы поднесли знаменитому Полковнику дипломы на эти два важные чина въ сухопутномъ и морскомъ войскѣ.

Торжествъ не кончилось шѣмъ, пошому что на другой день было 29 іюня. Радость Рускихъ увеличилась. И въ лагерь войска, и въ самой Полтавѣ и въ окрестностяхъ ея — все веселилось! Знаменистый Имянинникъ снова угощаль всѣхъ пышнымъ обѣдомъ. Въ этотъ день и для всѣхъ солдатъ поставлены были огромные столы съ виномъ и закусками. Переходя отъ одной роты къ другой Царь останавливался передъ каждою, и говорилъ восхищеннымъ солдатамъ: „Хлѣбъ соль, товарищи! поздравляю васъ съ праздникомъ и побѣдою!“

Такъ праздновалась эта славная побѣда въ первый разъ! Я говорю *въ первый разъ* пошому, что съ тѣхъ поръ не прошло еще ни одного года, чтобы Рускіе не праздновали ее. Этого желалъ Побѣдитель: каждое 27 іюня вы услышите во всѣхъ церквахъ благодарственный молебенъ Богу, но знаете ли, гдѣ всего пріятнѣе слушать его? На Выборгской сторонѣ есть церковь Св. Самсонія. Подите туда въ день Полшавской побѣды: память Св. Самсонія празднуется 27 іюня, и эту церковь Петръ приказалъ построить въ воспоминаніе славнаго для Россіи дня, и въ изъявленіе благодарности Своей въ Богу. Здѣсь-то, милья дѣти, можно живѣе нежели гдѣ нибудь вспомнить въ эпоху день Петра, и перенестись мысленно въ то, уже опдаленное опъ насъ время, когда эпоху незабвенный Государь пріѣзжалъ туда каждый годъ благодарить Всевышняго и снова порадоваться побѣдѣ Своей!

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА.

Отъ 1710 до 1712 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Удивительны дѣла Петра! Удивительно могущественное вліяніе Его генія на все, что окружаетъ Его! Чудесно образуются, чудесно совершенствуются и вещи, и люди; до которыхъ прикасается Онъ волшебною рукою Своей! Чишатели мои видяшъ доказательство эпого и въ войскѣ Его, которое еще такъ недавно начало ус

проивашься по примѣру войскъ Европейскихъ и уже умѣло побѣждашь ихъ; видяшь это и во флотъ Его, еще такъ недавно соспоявшемъ изъ одного спараго бойника, а теперъ уже изъ нѣсколькихъ сопенъ большихъ и малыхъ судовъ, страшныхъ для непріятелей Россіи; и въ новой столицѣ Его, великолѣпно возвышающейя памъ, гдѣ мене нежели за десять лѣтъ были только болоша и пусыни; и въ любимцахъ, окружающихъ и пресполь и мастерскія Его! Какъ многіе изъ нихъ, еще недавно молодые люди, только что начинашіе образовашься, спорили теперъ въ искусствѣ и познаніяхъ съ лучшими полководцами и министрами Европы! Однимъ словомъ, кажешя все, на что обращаетя творческій взоръ Петра, начинаешъ цвѣсть какою то новою жизнью, начинаешъ стремиться къ какой-то новой, высокой цѣли! Но изъ всего этого, изъ всего, что преобразовано, возвышено или сотворено Петромъ, изъ всѣхъ прекрасныхъ созданій, обя-

занныхъ Ему новою жизнію, вы милыя дѣти, еще не знаете одного! Чтобы рассказать вамъ объ этомъ прелестномъ созданіи, котораго судьба тѣсно соединена была съ судьбою великаго Преобразователя Россіи—мы оставимъ грозный шумъ войны и бурь, безпрестанно окружающій Петра, и войдемъ въ которъй нибудь изъ скромныхъ дворцовъ Его, посмотримъ, какъ живетъ Онъ у Себя дома, когда успалость заставляешь Его на нѣсколько минутъ отдохнуть отъ тяжкихъ заботъ государственныхъ.

Вы вѣрно помните, друзья мои, что въ первомъ супружествѣ своемъ, молодой Царь не наслаждался семейственнымъ счастіемъ. Евдокія Теодорова Лопухина, не смотря на свою молодость и красоту, была нечувствительна, угрюма, любила старинныя обыкновенія и привычки предковъ нашихъ и ненавидѣла всѣ новости, какія великій супругъ Ея вводилъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ нравы и

обычай народа Своего. Рожденіе сына въ февралѣ 1690 года, воскипивъ сердце Петра, не сильно обрадовало равнодушную Царицу: душа ея не сдѣлалась нѣжнѣе и первыя наставленія ея малюшкѣ, состояли въ томъ, чшобы онъ усерденъ былъ къ святымъ обычаямъ старины и сколько можно защищалъ бы ихъ отъ нападеній своего *немилосердаго* Родителя! такъ недостойная, исполненная жестокихъ предразсудковъ Евдокія, не стыдилась называть несравненнаго Супруга своего въ присутствіи сына! Эшого еще не довольно: она называла Его *гонимелемъ* православной вѣры, оправдывала *сирѣльцовъ* — раскольниковъ, безпрестанно бунтовавшихъ противъ Петра и просвѣщенія. Болѣе девяти лѣтъ переносилъ Царь тягостную жизнь съ такою супругою, болѣе осьми лѣтъ находился Царевичъ Алексій Пепровичъ, подъ надзоромъ матери, учившей его не любить отца! Наконецъ участіе

Евдокія въ послѣднемъ Спрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года показало Царю въ полной мѣрѣ жестокія намѣренія супруги Его: ужасаясь ихъ, Онъ навсегда распался съ нею. Посприженная подъ именемъ Елены въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, она не переставала и шамъ желать всѣхъ несчастій Супругу, не переставала и шамъ опвращать опъ Него сердце сына, въ шѣ немногіе часы, кошорые молодому Царевичу позволено было проводить съ матерью, въ монастырскихъ келліяхъ ея.

Между шѣмъ, какъ Евдокія благодаря природнымъ наклонностямъ сына, во многомъ походившаго на нее, успѣвала поршить молодое сердце Царевича, и шѣмъ приговлять его къ ужаснымъ порокамъ, погубившимъ въ послѣдствіи этого Князя — надежду Рускихъ, — Петръ, безпрестанно озабоченный великими занятіями Своими, не могъ имѣть близкаго надзора за воспитаніемъ наслѣдника. Вовсе не воображая, какія несчастія готовились

Ему въ сердцѣ сына, Онъ, напрошивъ того, почишалъ маленькаго Царевича—единственнѣйшимъ утѣшеніемъ Своего одиночества, и можетъ быть, чувствуя къ нему самую нѣжную любовь, не вступалъ во второе супружество. Эта утѣшительная для отца привязанность продолжалась до шѣхъ поръ, пока Петръ, занятый то путешествіями, то войнами, рѣдко бывалъ въ Москвѣ, и потому не имѣлъ случая узнать въ совершенствѣ сердце и нравъ Своего сына. Какъ же огорчился Онъ, когда наконецъ случай представился, и Онъ позналъ и это сердце и это нравъ! Въ двѣнадцатилѣтнемъ сынѣ Его были всѣ свойства матери упорной, нечувствительной къ славѣ Россіи, ненавидѣвшей просвѣщеніе ея! Предвидя судьбу всѣхъ новыхъ учрежденій, Своихъ въ правленіе такого наследника, Царь ужаснулся и съ этого времени заботы Его о воспитаніи Царевича еще болѣе увеличились. Онъ надѣялся собственными попеченіями по-

правишь въ немъ то, что было испорчено, и для того старался какъ можно менѣе разсваваться съ нимъ. Часто молодой Царевичъ былъ съ неупомимымъ Родителемъ своимъ даже въ походахъ Его. Но вся эта заботливость мало помогала: сердце Алексія было уже слишкомъ вооружено противъ великаго отца его. Печально смотрѣлъ на это Царь, и лишившись надежды имѣть друга въ нѣжно любимомъ сынѣ, началъ сильнѣе чувствовать горестную потерю Своего семейственнаго счастья.

Это печальное чувство, присоединясь къ огорченіямъ, какія терпѣлъ Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отъ властолюбивой сестры, имѣло сильное вліяніе на Его здоровье, а оно и безъ того много расстроивалось отъ безпрестанныхъ трудовъ, часто превосходившихъ тѣлесныя силы Великаго. Въ послѣдствіе времени, это обратилось даже въ родъ нервной болѣзни, которой припадки жестоко мучили Го-

сударя, тѣмъ болѣе, что въ это время, Онъ дѣлался неспособнымъ ни къ какому занятію. А вѣдь, вы знаете, друзья мои, какъ дорожилъ Онъ каждою минутою! Тогда, только что нибудь особенно-пріятное или особенно смѣшное могло развлекать мрачную задумчивость Его и приводить въ прежнее состояніе распроеденный духъ. Въ этомъ случаѣ, искуснѣйшій изъ придворныхъ шутовъ, *Балакиревъ*, былъ неоцѣненъ для всѣхъ окружавшихъ Петра: въ то время, когда всѣ они, встревоженные страданіями Государя, не въ состояніи были придумать, чѣмъ помочь Ему, Балакиревъ всегда находилъ удачное къ тому средство, и какая нибудь остроумная шушка, неволью заставивъ больного смѣяться, развеселяла Его до того, что припадокъ проходилъ, и Царь, ласково попрепавъ по плечу приговорно-глупаго Балакирева принимался съ прежнею бодростію за оставленные занятія.

Но такіе сильныя припадки случались съ Петромъ въ послѣдствіи,

когда новыя душевныя и тѣлесныя спраданія усилили болѣзнь; теперъ же, мы говоримъ еще о томъ времени, когда только начали показываться ея признаки, или лучше сказать, мы говоримъ о причинахъ, произведшихъ эту болѣзнь. И шакъ, одною изъ главныхъ, была—горестъ о дурномъ сердцѣ и нравѣ Царевича! Часто великодушный благошворитель Своего народа, задумывался надолго о будущей судьбѣ его, и все блистательное начало его образованія, вся слава, уже Имъ пріобрѣтенная, исчезала въ глазахъ Преобразователя при имени Алексія и его жестокой матери! Послѣ такихъ печальныхъ размышлений, Петръ часто на цѣлый день оставался въ задумчивости.

Вошь въ одинъ изъ такихъ дней, скучая болѣе обыкновеннаго, Онъ пошелъ разсѣять грусть Свою, къ тому, кто всегда умѣлъ утѣшать Его, къ своему *Herzenskind*, Князю Меншикову. Но на этотъ разъ не Меншикову уда-

лось переменить грустное расположе-
ніе духа Его въ веселое и пріятное: это
сдѣлала—совсѣмъ не ожидапно, молодая
женщина, которую Онъ въ первый
разъ увидѣлъ тамъ, и которой вели-
чественная красота и образованный
умъ тотчасъ привлекли вниманіе Госу-
даря, умѣвшаго всегда быстро оцѣни-
вать все прекрасное. Никогда не встрѣ-
чая ее прежде въ домѣ Меншикова,
Онъ спѣшилъ спросить у него о за-
мѣчательной незнакомкѣ и узналъ, что
это была бѣдная Лифляндка, вдова
Шведскаго драгунскаго Офицера Раббе,
попавшаяся въ плѣнъ при взятіи Рус-
скими Лифляндскаго городка Мариенбур-
га. Успіе, которое Петръ почув-
ствовалъ, при этомъ рассказѣ, къ бѣдной
плѣнницѣ, еще болѣе увеличилось, когда,
начавъ съ нею разговоръ, Онъ узналъ
отъ нее самой всѣ подробности дѣш-
ства и первой молодости ея. Эти по-
дробности были въ самомъ дѣлѣ любо-
пытны и занимательны. Катерина
Раббе, — такъ называли молодую Лиф-

лянку, — была дочь Липовскаго дворянина Скавронскаго. Рано лишилась она отца и матери и изъ состраданія взята была въ домъ добраго Пастора Глика. Благодаритель ея, соединявшій съ превосходнымъ сердцемъ, самый образованный умъ, воспитывалъ ее со всею заботливостію, и въ послѣдствіи выдалъ за человека, извѣстнаго своею честностію и благородствомъ. Но не продолжительное было счастье сироты: въ самомъ началѣ замужества, Каперина лишалась супруга, а потомъ и свободы. Побѣдилелемъ при Мариенбургѣ былъ Фельдмаршалъ Шереметевъ; и такъ въ домѣ его молодая плѣнница провела время своего плѣна. Судьба, готовившая ей высокое счастье, привела ее потомъ въ домъ Меншикова; и здѣсь то, она достигла этого счастья. Петръ, послѣ перваго свиданія, открывалъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе достоинствъ въ прекрасной Каперинѣ, съ каждымъ днемъ находилъ болѣе и болѣе удовольствій въ ея умномъ и пріятномъ обще-

ствѣ. Она была исполнена точно такими же чувствами къ Петру, и это было не удивительно: Пасторъ Гликъ уважалъ Петра, какъ великаго генія своего вѣка и научилъ воспитанницу свою, думать также. Привыкнувъ съ младенчества почитать Петра необыкновеннымъ смертнымъ, посланнымъ на землю, чтобы дать новую жизнь цѣлому народу, Каперина всегда пламенно желала Его видѣть, и была въ восторгѣ, когда это желаніе ея исполнилось! Величественный видъ Царя, такъ прекрасно соглашавшійся съ великими качествами души Его, внушилъ ей, при первомъ взглядѣ, не только самое пріятное удивленіе, но даже какое-то радостное, и въ тоже время благоговѣйное чувство: оно выразалось въ эту минуту во всѣхъ чертахъ лица ея, выразалось въ послѣдствіи, въ томъ глубокомъ уваженіи, которымъ исполнено было сердце ея къ этому знаменитому Государю, и выразалось наконецъ, въ той безпредѣльной предан-

ности, которую она всегда доказывала Ему. Сначала она была только другомъ, упѣшишельницею Великаго во всѣхъ огорченіяхъ, какія печалили сердце Его, и тогда, когда Онъ занимался дѣлами государственными, и тогда, какъ Онъ съ горестію слышалъ о поступкахъ Своего сына. Потомъ привыкая болѣе и болѣе къ той, которая такъ хорошо умѣла улаживать душевныя спораданія, Петръ, шворецъ всего прекраснаго въ царствѣ Своемъ, хотѣлъ доверить Свое швореніе Царицею, достойною Его, не по рожденію и предкамъ, которые всегда были ничтожны въ глазахъ Его, но по собственнымъ превосходнымъ качествамъ, ошличавшимъ избранную Имъ супругу. Въ ноябрѣ 1707 года исполнилась эта воля Петра: Онъ обѣнчался съ Екатериною, которая до свашьбы приняла Греческую вѣру и была названа *Екатериною Алексіевною*.

Эта свадьба совершилась не торжественно, но тихо, такъ что и о самомъ мѣстѣ вѣнчанія историкъ несо-

гласны: иные изъ нихъ говоряшъ, что оно происходило въ Пешербургѣ, въ церкви Св. Троицы; другіе, по извѣстіямъ болѣе досповѣрнымъ, утверждаютъ, что этотъ бракъ былъ совершенъ въ селѣ Яворовѣ; даже народу не было объявлено о томъ, какъ обыкновенно бываешь въ такомъ случаѣ: казалось, чувствительное сердце Петра, не смотря на всѣ дурныя поступки первой супруги Его, жалѣло огорчить ее торжественнымъ объявленіемъ о счастіи соперницы, и потому бракъ Царя оставался долго какъ будто тайною для подданныхъ Его и не прежде какъ уже въ мартѣ 1711 года объявленъ былъ Россіи. Съ того времени Екатерина называлась уже *Царицею*.

Въ томъ же году молодая Царица доказала цѣлому свѣту, какъ достойна Она была своей прекрасной и блистательной судьбы! О милыя дѣти! когда вы узнаете, что Она сдѣлала, то вѣрно поблагодарите Бога за счастливый выборъ Петра: казалось,

эпошъ необыкновенный Государь проникаль быспромъ взоромъ Своимъ будущность и возводя на престоль Рускій прекрасную ЕКАТЕРИНУ, видѣль въ ней не только любимую супругу, но и генія—спасителя Россіи. Да, друзья мои, имя ЕКАТЕРИНЫ должно бышь на вѣки незабвенно для насъ: послушайте рассказъ о великомъ дѣлѣ Ея.

Для эпого, мы должны обратитъся къ тому времени, когда слухъ о Полтавской побѣдѣ, разносясь по Европѣ, заставляль во всѣхъ государствахъ ея съ удивленіемъ говорить о Рускихъ, и особенно о ихъ славномъ ПЕТРѢ. Теперь только, когда Онъ побѣдилъ дошоль непобѣдимаго Карла,— всѣ въ полной мѣрѣ поняли Его величіе, всѣ начали другими глазами сморѣть на царство Его, еще шакъ недавно почитаемое полудикимъ и азіяпскимъ. Отъ этой перемѣны мыслей произошла вездѣ большая перемѣна въ произшеспвіяхъ: Данія снова объявила свои права на области, отнятыя у

ней Швецією. Станиславъ Лецинскій поперялъ престоль, доставленный ему Карломъ; Августъ II, подъ покровительствомъ Петра, проспившаго его трусость и поступокъ съ Пашкулемъ, снова получилъ этотъ престоль, и изъ благодарности, а можетъ бытъ и изъ боязни къ знаменитому побѣдителю Шведовъ, не спорилъ съ Нимъ о Лифляндіи и предославилъ ее во власть Его. Въ іюнѣ 1710 года не только вся она, но даже и вся Эспляндія и Карелія и часть Финляндіи съ главнымъ городомъ ея Выборгомъ уже принадлежали Рускимъ. Теперь великій планъ Петра былъ конченъ: любимица Его, юная столица съвера была въ полной безопасности, окружена со всѣхъ сторонъ землями Рускими. Весело Онъ праздновалъ въ ней блестящія побѣды Свой въ то самое время, какъ грозная туча сбиралась на него съ юга: Карлъ XII, со времени Полтавскаго сраженія, жилъ въ Турціи и не хотѣлъ выѣхать оттуда, до тѣхъ поръ, пока не уго-

вориль Султана начати войну съ Россіей. Долго Турецкій Государь не соглашался на это, не имѣя причины ссориться съ Рускими, но Карлъ полтора года жилъ въ Бендерахъ, полтора года пвердилъ Турецкимъ миниспрамъ, какъ нужно для собственной пользы ихъ остановить безпрестанно возрастающее могущество Россіи; и такъ нельзя удивляться, что наконецъ онъ успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ и Турція въ ноябрь 1710 года объявила войну Рускимъ.

Вы можете представить себѣ, милыя дѣши, что Петръ принялъ это объявленіе безъ страха, хотя эта война могла быть въ то время очень опасна для Него, потому что съ многочисленною арміею Турецкою шли дикія, варварскія толпы Татаръ и Нагайцевъ. Помощниками Царя Рускаго были только ненадежные Поляки, безпрестанно спорившіе между собою о Короляхъ своихъ, Августѣ и Станиславѣ, и два Государя, Молдавскій:

Кантемиръ, и *Валахскій: Бранкованъ*. На послѣднихъ надѣялся онъ гораздо болѣе нежели на *Поляковъ*: они оба, спасая себя и владѣнія свои отъ притѣсненій *Турокъ*, просили Его принять въ подданство Свое ихъ области, и за то обѣщали помогать *Рускимъ* и соединить съ ними войска свои.

Петръ, положась на эту помощь, спокойно отправился въ походъ въ *Мартъ* 1711 года, вмѣстѣ съ супругою Своею, уже объявленною Царицею *Россіи*. Передъ отъѣздомъ изъ *Москвы*, заботясь о томъ, чѣмъ дѣла государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ и во время отсутствія Государя, Онъ учредилъ *Сенатъ*, или такое верховное присутственное мѣсто, котораго члены, избранные изъ первыхъ чиновъ царства, смотрѣли за правосудіемъ, за доходами государственными, даже за военною службою и судили преступниковъ.

Въ іюнь мѣсяцъ царь съ *Гвардейскими* полками Своими, и съ отрядами генераловъ: *Вейде*, *Алларта* и *Репнина*

переправился уже чрезъ Днѣспръ, и вспупилъ во владѣнія союзника своего — Господаря Молдавскаго. Вѣрный своему слову, Кантемиръ, встрѣшилъ Его, съ усердіемъ и преданностію; войско его было гошово сражаться аа Рускихъ. Но не таковъ былъ Бранкованъ: эшошъ безчестный Грекъ, прельспившись обѣщаніями Турокъ, измѣнилъ Петру въ то время, когда прямодушный Царь, не подозрѣвая возможности такой низкой измѣны, уже перешель границы владѣній Своихъ, и былъ въ земль враговъ! Ужасно было положеніе, до котораго эшошъ измѣнникъ довелъ войско Руское! Вообразите, милыя дѣши, что оно опдѣльнымъ, 22—тысячнымъ корпусомъ, подъ начальспвомъ самаго Петра, перешло рѣку Прушь и было встрѣчено шамъ, вмѣсто ожидаемыхъ союзныхъ полковъ Валахскихъ, цѣлою Турецкою арміею, состоявшею болѣе нежели изъ 100,000 человекъ, кромѣ Шведскихъ опрядовъ Карла XII, кромѣ Поляковъ, приверженцевъ Станислава Лещинскаго

и кромѣ Татаръ Крымскихъ и Нагайскихъ, зашедшихъ сзади Рускихъ! Прибавьте къ этому, совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, невозможность достать ихъ въ землѣ непріятелей, жестокость этихъ непріятелей, и вы поймете всѣ мученія, какія долженъ былъ испытывать Петръ, чувствуя, что Его собственная неосторожность и довѣренность къ обманщику, была виною несчастія! Терзаемый этою мыслию, болѣе нежели опасностями, со всѣхъ сторонъ грозившими, Ошъ не прежде однакожь пришелъ въ уныніе, какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ несчастнаго перехода черезъ Прушь, когда уже небольшое войско Его еще уменьшилось ошъ отчаянныхъ встрѣчь съ непріятелямъ, и когда уже эшотъ непріятель окружилъ весь лагерь Рускій рвомъ и ожидалъ только прихода артиллеріи, чпобы открышь пушечную пальбу по всей арміи Руской. Это было въ ночь на 11 іюля 1711 года. Страшная ночь, казалось, предвѣщав-

шая гибель опечиства нашего! Мраченъ былъ видъ лагеря Рускихъ! Всѣ они пригошвились умереть: иначе нельзя было спастись отъ плѣна и униженія. Такъ чувствовалъ каждый воинъ Петра,—но что же чувствовалъ Онъ Самъ! О! спрдаанія Его были неизъяснимы; однакожь, никто не видѣлъ ихъ: Онъ сидѣлъ одинъ въ палаткѣ Своей, одинъ предавался горести, доходившей почти до отчаянія, при мысли о томъ, что съ плѣномъ Его, погибнетъ все совершенное Имъ для Россіи! Въ эти ужасныя минуты, никто не ушѣшалъ несчастнаго Государя: Онъ отвергнулъ даже заботливосшь самой милой ушѣшительницы Своей — ЕКАТЕРИНЫ: и Ей—также какъ и всѣмъ—запрещено было входить въ палатку.

Здѣсь-по является во всемъ блескѣ эта знаменитая Государыня, эта предвидѣнная гениемъ Петра — спасительница Россіи. Видя бѣдственное положеніе всего войска, видя даже уныніе героя—супруга Своего, Она не те-

решь мужества и рѣшается дѣйствовать тогда, когда въ судьбѣ Рускихъ казалось все уже было кончено! Сохранивъ присутствіе духа, необыкновенное въ женщинѣ, Она усстремляеть всѣ силы ума своего на размышленіе о средствахъ спасти драгоцѣннѣйшія блага свои: жизнь Петра и славу Россіи. И вдругъ мысль о возможности заключить выгодный миръ блеснула въ душѣ Екатерины, и обрадовала Ее точно такъ, какъ радуеть заключеннаго несчастливца, утѣшительный лучъ солнца, неожиданно прокрившійся въ мрачную пещицу его. Не медля ни минуты, Она сзываетъ на совѣтъ всѣхъ старшихъ генераловъ, открываетъ имъ мысль Свою, всѣ одобряють ее, но никто не осмѣливается предложить ее Царю, никто не осмѣливается нарушить Его грозное повелѣніе, и войти въ палатку. Екатерина и здѣсь является выше всего, Ее окружающаго: Она съ твердостью входитъ къ Государю, видитъ Его глубокую задум-

чивость, и потомъ Его негодованіе! Въ слезахъ бросается она къ ногамъ Его, и гнѣвъ Петра исчезаетъ; нѣжнѣйшія ея ласки прогоняютъ даже задумчивость Супруга. Съ какимъ-то небеснымъ спокойствіемъ Опъ слушаетъ Своего ангела упѣшителя, съ крошечностію покоряется ея желанію и въ ту же минуту приказываетъ Фельдмаршалу Шереметеву отправить письмо къ начальнику Турецкаго войска — Великому Визирю, съ предложеніемъ о мирѣ. Екатерина, въ тайнѣ опъ Супруга, отдаетъ посланному всѣ свои бриліанты и другія драгоценности. Спасеніе Россіи, вѣроятно, было уже опредѣлено Богомъ, по тому что, не смотря на всѣ предспавленія Шведскихъ и Польскихъ Генераловъ, старавшихся удержать Турокъ опъ мира съ Рускими, почти побѣжденными уже, Великій Визирь принялъ предложенный миръ. Конечно условія этого мира были тяжостны для Петра: Онъ лишился всѣхъ мѣстъ, завоеванныхъ имъ у Шве-

ціи, лишался важнаго для Него Азова, Таганрога и нѣсколькихъ другихъ крѣпостей; долженъ былъ вывести войска свои изъ Польши, долженъ былъ позволить Карлу XII свободно проѣхать въ Швецію. Но что значило все это въ сравненіи съ тѣми несчастіями, какія могли случиться въ отечествѣ нашемъ тогда, когда бы великій Государь его сдѣлался плѣнникомъ Турокъ! И такъ, съ благодарностію къ Богу, Петръ согласился на всѣ условія, исключивъ только одно, о которомъ мы не говорили пошому, что оно заслуживаетъ особенное вниманіе ваше, милыя дѣти. Оно состояло вошъ въ чемъ: Турки пребовали, чшобы Петръ выдалъ имъ преданнаго ему союзника и можно сказать друга: Господаря Молдавскаго, Князя Каншемира. Это напоминаетъ намъ Карла XII, сдѣлавшаго точно такое же предложеніе Августу. Но какая разница въ отвѣтахъ! Король Польскій, для своихъ собственнхъ ничтожныхъ выгодъ, пожертво-

валъ несчастнымъ Папкулемъ, и отдалъ его на мучительную смерть; Петръ не согласился выдать Каншемира, для спасенія Своей свободы, жизни, царства! Хопишели вы, друзья мои, знать слово въ слово отвѣтъ этого великаго Государя Визирю? О! этотъ отвѣтъ прекрасенъ: о немъ говорятъ съ удивленіемъ не только Рускіе, но даже и чужестранные историки. Вотъ онъ: *„Я не могу преступить моего слова и предать Князя, оставившаго свое владѣніе изъ любви ко мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго кромѣ тещи; отступитъ отъ нее — есть переснатъ быть Государемъ.“*

Сколько величія тронуло даже грубое сердце Визиря: онъ отказался отъ своего требованія и 12 іюля заключилъ миръ, дославившій Петру и арміи Его свободу возвратиться въ отечество.

Въ какой ужасной досадѣ былъ Карлъ XII, когда извѣстіе объ этомъ мирѣ дошло до Бендеръ, гдѣ онъ жилъ въ ожи-

даніи видѣшь погибель ненавистнаго ему Царя Рускаго. Беаъ памяти поскакаль онъ въ Турецкій лагерь, чтобы остановить дѣйсвія Визиря, но уже было поздно! 14 іюля Руское войско, переправясь за Прутъ, уже шло по дорогѣ къ Кіеву, и счастливая Екатерина, сопровождая Супруга своего, наслаждалась испиннымъ блаженствомъ души. Всѣ окружавшіе Ее, начиная отъ Государя до послѣдняго изъ подданныхъ, видѣли въ Ней свою избавительницу! всѣ говорили Ей это съ такою искреннею признательностію, что прекрасная Царица не могла не гордиться своимъ рѣдкимъ счастіемъ. Такая гордость была справедлива, потому что кто болѣе Ея заслуживаль это счастье?

ПРАЗДНИКИ
И
УВЕСЕЛЕНІЯ ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

Опшъ 1712 до 1717 года.

(Пер. 6 лѣтъ).

Много видите вы праздниковъ въ нашемъ Петербургѣ, милья дѣти! Вѣрно вы помните тотъ день, когда несравненный Государь нашъ, съ такою, можно сказать, священною торжественностію, открылъ величественный памятникъ Своему на вѣки незабвенному Брату. Какъ все въ тотъ прекрасный день было достойно обо-

ихъ Ангеловъ-хранителей нашихъ, — и Того, который оплелѣлъ уже на свѣтлыя небеса, и Того, который теперь такъ заботливо бережетъ Россію! Очаровательна была картина торжества, когда въ святомъ благоговѣніи всѣ—и Императоръ и Супруга Его и сто тысячъ войска Ихъ, преклонили колѣна! Благословеніе Божіе и чистая душа Александра, казалось, носились въ эту минуту надъ благочестивымъ Царемъ и вѣрнымъ народомъ Его!

Конечно, помните вы также и шопъ день, когда легкіе пароходы Петербургскіе, съ шумомъ вертя колеса свои, несли по волнамъ пышной Невы веселыхъ дѣтей изъ разныхъ инспитутовъ и корпусовъ? Они всѣ останавливались у стѣнъ Смольнаго монастыря, и привлекапельныя малютки въ стройномъ, прелестномъ порядкѣ, вышедши на берегъ, шли въ новую, великолѣпную церковь. Эша новая церковь есць — *Соборъ учебныхъ заведеній*— посвященный воспоминанію безчислен-

ныхъ благодѣяній, пролитыхъ Императрицею Маріею на дѣшею Россіи! Упѣшительнo было смотрѣть на прекрасное собраніе воспитанниковъ и воспитанницъ Царскихъ, еще сладостнѣе—на Августѣйшихъ покровительствъ ихъ, наслѣдниковъ ангельской благотворительности нашей небесной Маріи.

Кромѣ этихъ двухъ знаменитыхъ дней, памятныхъ и для васъ уже, маленькіе обитатели сѣверной столицы нашей, сколько другихъ праздниковъ видите вы въ теченіе года! Сколько блистательныхъ парадовъ, зимою, въ праздникъ Крещенья, весною, въ дни Святой недѣли, на дворцовой площади, гдѣ вы не налюбуетесь на искусныя движенія Русскихъ войскъ и удивительное проворство Черкесовъ! А кто изъ насъ не бывалъ на Царицыномъ лугу, когда Государь дѣлаешь тамъ смотрѣ всей гвардіи. Стало быть вы имѣете понятіе о праздникахъ, какіа бывающъ нынче въ Петербургѣ. Взглянемъ же

теперь на одинъ изъ праздниковъ времени Петра. Онъ такъ подробно описанъ въ историческихъ запискахъ тѣхъ временъ, что подлинно, почти можно взглянуть на него.

Для этого перенесемъ мысленно на берега Васильевскаго острова. На нихъ нѣтъ еще той каменной стѣны домовъ, которая возвышается тамъ теперь отъ самаго Горнаго корпуса до великолѣннаго зданія Академіи Художествъ. Тамъ гордо стоитъ только дворецъ Князя Меншикова. Съ ранняго утра 9-го сентября 1714 года начались въ этомъ дворцѣ приготовления къ приему знаменитаго гостя: Государь, возвращавшійся въ тотъ день изъ морскаго похода, обѣщаль кушать у любимца Своего. Этотъ походъ былъ не одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ походовъ, какіе Петръ дѣлалъ такъ часто во время продолжительной войны съ Швеціей. Нѣтъ, это былъ знаменитый походъ, сгладившій съ имени Русскихъ малѣйшіе слѣды того спы-

да, которымъ непріятели старались покрывать ихъ послѣ несчастнаго дѣла Прутскаго,—доставившей во владѣніе Петра еще нѣсколько мѣстъ, по берегу Финляндіи, а вмѣстѣ съ шѣмъ и совершенную власть надъ заливомъ Финскимъ. Главное морское сраженіе, утвердившее новое завоеваніе и окончившее походъ, было 27 іюля 1714 года, на южномъ концѣ Финляндіи между Гельсинфорсомъ и Або, близъ мѣстечка *Травелионде*, и мыса *Ганго-Уддѣ* или *Гангутѣ*. Здѣсь-то Петръ, Кондръ-Адмиралъ и главный начальникъ своей эскадры одержалъ славную побѣду и, далеко преслѣдуя Шведскіе корабли, навелъ страхъ на самую столицу Шведовъ и взялъ въ плѣнъ Кондръ Адмирала ихъ *Эреншильда*. Побѣдишель въ награду трудовъ и опасностей, перенесенныхъ моряками—товарищами Его, хотѣлъ торжественно въѣхать съ ними въ новую столицу Свою. Воплъ въ эшотъ-то знаменитый день назна-

чень былъ обѣдъ у Князя Меншикова, и праздникъ въ Петербургѣ.

Уже было около полудня; народъ давно толпился по улицамъ и особенно по берегамъ Невы, потому что Царю надобно было ѣхать мимо ихъ изъ Кронштадта. Самые любопытные спѣшили въ гавань, изъ которой ближе всего видно синѣющее море. Долго сморгали они напрасно на отдаленность; наконецъ тамъ показались первыя суда, и шарикъ и дѣли закричали: *ѣдетъ! ѣдетъ!*

Это были три Рускія галеры, ѣхавшія впереди. За ними шли суда, взятыя у Шведовъ, въ томъ числѣ фрегатъ *Элефантъ*, на которомъ сидѣлъ плѣнный Конпръ-Адмиралъ Эреншильдъ; позади плыла Командорская галера съ самимъ Государемъ и еще двѣ другія съ солдатами подъ начальствомъ Генерала Вейде.

Нельзя описать воспора, съ какимъ встрѣчали Царя побѣдителя обожавшіе Его подданные. Безпрестан-

ное ура раздавалось вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами во все время, пока суда величественно плыли по широкой Невѣ и потомъ остановились близъ адмиралтейства. Здѣсь всѣ сидѣвшіе въ нихъ вышли на берегъ и въ торжественномъ порядкѣ, съ нѣсколькими ротами полковъ Преображенскаго и Аспраханскаго, съ Шведскими морскими офицерами и съ плѣннымъ Эреншильдомъ, одѣтымъ въ богатое платье, прошли въ триумфальныя ворота, украшенныя разными картинами.

Передъ домомъ Сената, незадолго до того переведеннаго изъ Москвы въ Петербургъ — шествіе остановилось. Кониръ - Адмиралъ *Михайловъ* вошелъ въ Сенатъ, гдѣ Вице-Царь принялъ отъ Него рапортъ и поздравилъ побѣдителя Шведовъ — *Вице-Адмираломъ*. Новый чинъ, въ полной мѣрѣ заслуженный, увеличилъ удовольствіе, какое чувствовалъ Петръ въ этотъ торжественный день. Онъ хвалился имъ и во дворцѣ предъ Государынею и за

обѣдомъ у Князя Меншикова, гдѣ безчисленное множество гостей пировало до поздняго вечера, осушая бокалы за адоровье новаго Вице - Адмирала и за славную побѣду Его.

Вотъ вамъ, друзья мои, описаніе одного изъ Петербургскихъ праздниковъ во время Петра. Но бывали тамъ праздники и другаго рода. Высокій умъ Петра, безпрестанно занятый важными и очень часто тягостными трудами государственными, имѣлъ нужду въ развлеченіи. Въ такія минуты невольнаго стремленія къ забавѣ, душевное расположеніе Его такъ скоро переходило отъ важнаго къ веселому, что окружавшіе Его не могли довольно надивиться тому. Отсюда происходитъ то множество забавныхъ приключеній и праздниковъ, которыхъ описанія встрѣчаются въ исторіи Великаго, часто на одной страницѣ съ рассказомъ о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Такъ въ октябрѣ 1710 года, сочиняя законы для управленія покоренной

незадолго передъ тѣмъ Лифляндіи, Петръ занимался свашьбою двухъ карликовъ, на копорую привезено было изъ разныхъ мѣстъ 72 человекъ карль; шакъ въ 1714 году, когда завоеваніе Финляндіи и осады городовъ ея, казалось, не должны бы оставишь ни одной минуты свободной Тому, Кто лично присутствовалъ при каждомъ сраженіи этого похода — необыкновенный Государь находилъ время для составленія плана другой забавной свашьбы, извѣстной подъ именемъ *маскерадной*, гдѣ всѣ гости были одѣты въ разные костюмы и играли на разныхъ инструментахъ, а самъ женихъ, который былъ прежній наставникъ Государя, шарикъ Никита Моисѣевичъ Зотовъ — въ платьѣ *Кардшала*, потому что Петръ, кромѣ чина Тайнаго Совѣтника, далъ ему еще званіе *Князя Папы*.

Добрый Зотовъ, изъ любви къ своему великому воспитаннику, охотно исполнялъ всѣ Его желанія, и уже

не одинъ разъ шѣшилъ дворъ какими нибудь забавными сценами, гдѣ главною цѣлію было представитъ въ смѣшномъ видѣ грубые обычаи старины. Такъ изобрѣтателенъ былъ геній Петра на средства образованъ народъ свой! Люди очень не любящъ были смѣшными; многіе даже скорѣе соглашались подвергнуть себя непріятности, нежели представиться смѣшными въ глазахъ другихъ. Петръ хорошо зналъ человѣческое сердце, и пошому самые праздники Его были однимъ изъ лучшихъ средствъ для осмѣянiя пороковъ и спрaвностей Его подданныхъ. Въ послѣдствіи времени, когда Рускіе, насмотрѣвшись на все, что старина имѣла смѣшнаго и неприличнаго, старались удаляться отъ нее, Петръ прислунилъ къ образованію Петербургскаго общества, учрежденіемъ *ассамблей*.

Вижу, что чашателямъ моимъ очень хочется знать, что такое значило въ то время слово: *ассамблея*!

Это Французское: *assemblee*, т. е. нѣкоторое число людей, собравшихся для своего увеселенія или для разговоровъ дружескихъ. Чувствуя пользу такихъ собраній для общества, начинающаго образоваться, Петръ приказалъ, что бы онѣ были по очереди во всѣхъ значнѣйшихъ домахъ столицы. Въспѣшь съ этимъ приказаніемъ изданы были и правила, какія надобно было наблюдать въ ассамблеяхъ. Читая эти правила, удивительно видѣть чрезвычайную заботливость, съ которою попечительный Государь входилъ въ малѣйшія подробности всего, что находилъ полезнымъ для народа. Повѣрите ли вы, милыя дѣти, что не только Онъ Самъ назначалъ, въ которомъ часу должна была начаться и кончиться ассамблея, но даже и то, какими играми и танцами должно было заниматься общество, какія закуски и напитки должны были приготовить хозяева.

Такая попечительность Петра не могла не имѣть чрезвычайнаго вліянія

на новую столицу во всѣхъ частяхъ ея существованія: вмѣстѣ съ нравами, быстро улучшавшимися, улучшался и видъ города: улицы Петербурга украшались съ каждымъ годомъ новыми зданіями. Самыя окрестности его не долго оспавались пустыми и неустроенными, и въ 1715 году, Царское семейство въ дѣшніе дни уже переѣзжало изъ Сарскаго—нынѣшняго Царскаго села, въ Стрѣльну; изъ Стрѣльны, въ Петергофъ. Всѣ эти, такъ называемыя того *мызы* Государя уже существовали. Последняя, какъ самая близкая къ морю, была любимымъ мѣстомъ Петра. Тамъ строился уже и дворецъ, который вы и теперь можете видѣть въ томъ самомъ состояніи, какъ онъ былъ при знаменитомъ Основателѣ своемъ: это тошъ самый прекрасный Монпле-зиръ, изъ оконекъ котораго такъ весело смотрѣть на синюю, безконечную даль моря. Въ Стрѣльнѣ же и Сарскомъ селѣ еще не было ничего похожаго на нынѣшнее великолѣпіе ихъ;

тамъ любопытныя—пріѣзжавшіе посмотришь на лѣтнее жилище Царское, видѣли только не большіе домики, гдѣ Царица Руская, достойная подражательница великаго Супруга своего въ Его благодѣтельномъ намѣреніи учишь подданныхъ Своихъ всему — высокимъ примѣромъ Своимъ—любила заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Она завела на мызахъ своихъ дѣланіе сыра, прежде неизвѣстное Рускимъ, и очень часто Сама сподирѣла за огородомъ и даже за кухнею. Видя все это, боярыни Рускія стали усердиѣе заниматься хозяйствомъ, составляющимъ одну изъ главныхъ обязанностей женщины. Вскорѣ у многихъ знатныхъ вельможъ начали строить мызы, на поляхъ которыхъ показались стада, не уступавшія въ красотѣ Царскимъ, выписаннымъ изъ Голландіи. Попечительная Государыня развела Голландскихъ коровъ даже въ Архангельской Губерніи. Теперь онѣ извѣсны у насъ подъ именемъ *Холмогорскихъ*.

Но живѣйшее участіе наше во всемъ, что касается до первыхъ временъ любезнаго намъ Пешербурга, увлекло насъ далеко отъ происшествій все еще продолжавшейся войны Шведской и отъ несчастнаго героя ея Карла XII. Что бы возвратишься къ нему, я скажу вамъ, милые читатели мои, что послѣ Прутскаго мира, онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ въ Турціи, и, безразсудно оставляя королевство свое на волю судьбы, хлопоталъ только о томъ, чтобы Турецкій Султанъ снова началъ войну съ Русскими. Между тѣмъ, какъ расположеніе Султана, то подавало Карлу надежду на успѣхъ его стараній, то снова отнимало ее, Швеція страдала и отъ внутреннихъ безпорядковъ, и отъ сосѣдей своихъ, такъ часто переносившихъ прежде оскорбленія отъ гордаго Короля ея. Это — вмѣстѣ съ рѣшительнымъ приказомъ Султана на войну съ Россіей — заставило упрямаго Короля опомниться и въ концѣ 1714 года воз-

вратиться въ отечество. Шведы ожили: появленіе Государя — котораго они не называли иначе, какъ героемъ — казалось, обѣщало имъ новыя побѣды и возвращеніе всего потеряннаго въ отсутствіе его. Карлъ подтвердилъ надежды ихъ: приказалъ набрать новыхъ рекрутъ и снова началъ грозить войною всѣмъ государствамъ, окружавшимъ Его. Но на этотъ разъ они всѣ были осторожнѣе, и герой Швеціи увидѣлъ прошивъ себя сильный союзъ Россіи, Даніи, Ганновера, Голландіи и Пруссіи. Однакожъ, союзники — которые сначала такъ уважали Петра, что даже вручили Ему главное начальство надъ общимъ флотомъ — скоро охладѣли въ своемъ усердіи: могущество Петра начинало пугать ихъ не менѣе дерзости Карла, и потому опредѣливъ въ совѣтъ между собою напастъ на южныя провинціи Швеціи, они такъ долго медлили отправленіемъ войскъ, что осень 1716 года настала прежде нежели все было готово

къ нападенію. Петръ замѣшилъ это хитрое поведеніе союзниковъ, понялъ причину его и съ негодованіемъ отослалъ флотъ Свой назадъ въ Ревель, а Самъ изъ Копенгагена, гдѣ поперялъ много времени въ напрасномъ ожиданіи, отправился посѣтить еще разъ свою старинную любимицу — Голландію. Тамъ могъ Онъ узнать намѣренія союзниковъ вѣрнѣе и подробнѣе; тамъ пріятно для Него было увидѣть старинныхъ друзей и товарищей въ работахъ Своихъ.

**НОВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА
ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ,
И
ЦАРЕВИЧЬ АЛЕКСІЙ.**

Отъ 1717 до 1719 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Съ воспоргомъ и благоговѣніемъ они всѣ встрѣнили Его въ шѣхъ городахъ Голландіи, гдѣ Царственный Художникъ за девятнадцать лѣтъ предъ шѣмъ проводилъ время въ изученіи ремесль. Особенное удовольствіе ожидало Его въ Саандамъ: тамъ радость жишелей была неописанна при видѣ дорогаго гостя! Не смотря на

перемѣну въ наружности знаменишаго Путешественника, явившагося къ прежнимъ знакомцамъ Своимъ уже не въ одеждѣ мапраса ; не смотря на славу, окружающую Героя Полтавскаго , всѣ не только узнавали въ Немъ прежняго *Петра-Баса* , но увлеченные своею радостію и ласковымъ обращеніемъ Великаго , казалось , забывали всѣ другія достоинства Его и помнили въ Немъ только Петра Баса !

Саандамскіе жители не одинъ разъ угощали у себя Петра и даже Екатерины , которая , не любя разлучаться съ супругомъ , была съ Нимъ и въ эпоху путешествія . Долго добрые Саандамцы не могли забыть восхищительныхъ часовъ , проведенныхъ ими съ знаменишыми посѣпителями ихъ ; долго рассказывали потомъ и дѣтямъ своимъ , какъ величественъ былъ видъ Рускаго Царя , не смотря на самую одежду Его *) ; какъ прелестна была

*) Петръ I носилъ въ это время въ Голландіи простой кафтанъ изъ сѣраго сукна , кортикъ на широкой , ко-

супруга Его въ великолѣпномъ нарядѣ Царицы съверной; Петръ, всегда носившій самое простое платье, любилъ видѣть Свою милую *Катеньку* **)—пышно одѣтою, а въ день именинь Ея, Онъ даже и Самъ любилъ одѣваться пышно, и особенно съ того времени, какъ въ 1714 году Онъ учредилъ въ зпощь день женскій орденъ Св. Великомученицы Екатерины, въ память и награду смѣлой рѣшительности Царицы во время несчастія Рускихъ при рѣкѣ Прутѣ.

Объѣздивъ съ прекрасною подругою Своею почти всѣ города Голландіи, Петръ въ концѣ марта 1617 года оставилъ Ее въ Гагъ, а Самъ отправился во Францію. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что занятія и образъ жизни Петра въ этомъ второмъ путешествіи Его въ чужіе края были со-

жаной португезъ, короткій черныи парикъ и простую поярковую шляпу.

**) Такъ онъ всегда называлъ Екатерину.

всѣмъ другія, нежели въ первомъ; тогда Онъ, не любя показываться шолпъ любопытныхъ, проводилъ почти все время въ ученьи, теперь, все также ненавидя торжесшвенная встрѣчи и всякаго рода пышность и блескъ, Онъ уже не бѣгалъ нигдѣ отъ народа, желавшаго видѣшь Его, и занимался болѣе не произведеніями ремесленниковъ, какъ прежде, но произведеніями изящныхъ искусствъ: Онъ ѣздилъ во всякое мѣсто, гдѣ шолько было что нибудь рѣдкое и любопытное, и если можно было купить эту рѣдкость, шоденьги Царскія сыпались щедрою рукою и покупка отправлялась въ Петербургъ. Такъ купилъ Онъ кабинетъ рѣдкостей знаменитаго профессора Рюйша за 40,000 гульденовъ; натуральный кабинетъ аптекаря Себы за 15,000 гульденовъ; и за 5000 рейхсталеровъ выкупилъ заложенный Евреямъ Лидерскій милицъ - кабинетъ. Вмѣстѣ съ этими рѣдкостями отправлено было въ Петербургъ множесшво картинъ, купленныхъ

въ Голландіи, гдѣ Петръ часто проводилъ по цѣлымъ часамъ передъ чудесными произведеніями кисти Рубенса, Вандика, Рембранта и Сило. Особенно любилъ Онъ картины послѣдняго, представлявшія морскіе виды и береговъ и кораблей. Эти картины вскорѣ составили украшенія дворцовъ Государевыхъ, Петергофскаго и лѣшняго Петербургскаго, который, съ его драгоцѣнными воспоминаніями о Петрѣ, вы найдете и теперь въ Лѣшнемъ саду нашемъ.

Въ Парижѣ, гдѣ такъ много любопытнаго, Петръ съ восхищеніемъ провелъ болѣе шести недѣль. Каждый день видѣлъ Онъ тамъ что нибудь новое; каждый день и Парижане смотрѣли съ новымъ удовольствіемъ на Государя необыкновеннаго, котораго слава была такъ велика и блистательна. Уваженіе и радушіе встрѣчали Его на каждомъ шагу; для жилища Его назначенъ былъ одинъ изъ лучшихъ дворцовъ Королевскихъ — Лувръ; на другой день пріѣзда посѣтилъ Его Регентъ,

управлявшій королевствомъ во время малолѣтства Короля Лудовика XV, и Самъ этотъ маленькій Король; Дворъ, родственники Государя и знаменѣйшіе вельможи попеременно давали для Него пиры и праздники; знаменитыя академіи Парижскія избрали Его въ члены свои; на монетномъ дворѣ, въ короткое время Его присутствія шамъ выбиша была золотая медаль, на которой съ одной стороны представлень былъ Петръ, увѣнчанный лаврами, а на другой лезица слава и восходящее солнце съ надписью: *crescit eundo, m. e. возрастаетъ въ пути.* Однимъ словомъ, Парижане дѣлали все, чѣмъ можно было показать, какъ высоко цѣнили они и какъ глубоко уважали Великаго посьтителя ихъ. И Петръ разопался съ ними, чувствуя въ душѣ живѣйшую благодарность за этотъ радушный пріемъ. Въ это самое время получены были изъ Россіи очень дурныя вѣсти, принудившія Царя поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ отечество. Онъ ка-

сались того, чье имя уже нѣсколько лѣтъ печалило сердце Петра, онѣ касались Царевича Алексія Петровича. Но чтобы сдѣлать ихъ, болѣе понятными для васъ, милыя дѣши, надобно прежде рассказать о происшествіяхъ, случившихся между Царемъ и сыномъ Его гораздо прежде этого времени.

Мы говорили уже о томъ, каковъ былъ Царевичъ до двѣнадцатилѣтняго возраста его, и какъ мало было надежды на его исправленіе. Послѣдствія оправдали печальныя опасенія Государя: Наслѣдникъ выросъ на горестъ родительскаго сердца! Но оно все еще надѣялось; увлекаемое нѣжностію, оно все еще мечтало, что непокорный, исполненный самыми вредными предразсудками Царевичъ, еще можетъ исправиться, еще будешь добродѣшельнымъ, еще полюбитъ просвѣщеніе. И какихъ средствъ не употреблялъ несчастный отецъ, для этой цѣли! И занятія по службѣ, и важныя

порученія по разнымъ часнямъ государственнаго управленія, и путешествія по Европѣ—все попеременно предлагалось Царевичу, чтобы отвлечь его отъ грубыхъ забавъ, соснавливавшихъ его единственное препровожденіе времени. Не смѣя прошивиться приказаніямъ отца и Государя, онъ исполнялъ ихъ, но не охотно, съ пренебреженіемъ, думая только о томъ, какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ порученія и потомъ донести своей матери, что онъ все пошъ же преданный ей сынъ, все пошъ же ненавистникъ нововведеній, все пошъ же защитникъ древнихъ обычаевъ, какъ былъ и будетъ всегда. Проницательный Петръ не могъ не замѣчать этой непреклонности сына и рѣшился наконецъ употребить для исправленія его послѣднее средство, обѣщавшее болѣе успѣховъ, нежели какое нибудь другое. Царевичъ, во время путешествій Своихъ по Европѣ, видѣлъ при дворѣ Саксонскомъ родственницу Короля Польскаго Августа II, принцес-

су Вольфенбитпельскую Шарлотту Христину Софію. Скромность и необыкновенная красота ея сдѣлали неожиданное никѣмъ впечатлѣніе на сердце Алексія. Никто не обрадовался этому сполько, какъ великій Родишель Его. Мысль, что прелесная Шарлотта сдѣлаешь надъ порочнымъ сердцемъ сына Его такое же чудо, какое нѣкогда сдѣлала крошкая Анастасія надъ сердцемъ Грознаго, восхищала Петра такою пріяпною надеждою, что Онъ очень скоро принялся за сватовство и получивъ согласіе невѣсты и Ея родителей радовался почти болѣе самаго жениха. Свадьба совершилась въ октябрѣ 1711 года, но сладкія надежды нѣжнаго опца не сбылись: молодая принцесса только на короткое время имѣла нѣкоторую власть надъ сердцемъ супруга своего. Крошкіе совѣшы и наставленія ея скоро наскучили ему; слезы, проливаемые ею — сердили его, а выговоры и упреки, копорые Царь дѣлалъ ему за горесть несчастной, вы-

водили его изъ пергѣнья и заставляли ненавидѣть ангела, пожертвовавшаго ему родителами, отечествомъ и всѣмъ счастьемъ, которымъ она наслаждалась тамъ. Бѣдная страдалица не могла долго переносить грустную жизнь свою, и въ октябрѣ 1715 года скончалась въ Пешербургѣ, оставивъ недостойному супругу своему двухъ дѣтей: Царевича *Петра* и Царевну *Наталію*.

Послѣ смерти нѣжно любимой невѣстки, — невинной жертвы жестокаго сына, *Петръ* совершенно потерялъ надежду на его исправленіе, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе огорчаемый его поведеніемъ, рѣшительно приказалъ ему въ 1716 году или перемѣнить свой нравъ и быть достойнымъ наслѣдникомъ короны Руской, или вступишь въ монашество! На размышленіе объ этомъ выборѣ снисходительный Государь и отецъ давалъ непокорному сыну своему — полгода. Полгода протекло — отвѣта не было! Царь находился въ это время съ флотомъ своимъ на Бальтійскомъ

морѣ, и пропустивъ еще нѣсколько времени, повѣрилъ свое предложеніе Царевичу. Онъ отвѣчалъ, что избираешъ для себя монашество, а корону предославляешъ меньшому брату своему Царевичу Петру Петровичу—двухлѣтнему сыну Екатерины.

Еще въ печальныхъ глазахъ Царя блистали слезы, отъ которыхъ не могъ удержаться Великій при чтеніи этого письма — какъ Ему подали другой пакетъ: это было донесеніе Генераль Губернатора Пешербургскаго, Князя Меншикова о томъ, что Царевичъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ уѣхалъ изъ столицы тайно и неизвѣстно куда. Долго не знали, гдѣ онъ скрывался, наконецъ въ Парижѣ получилъ Петръ извѣстіе, что Царевичъ пріѣхалъ въ Вѣну просишь покровительства Римскаго Императора и его помощи для ошнати престола у Родителя! Представъте себѣ, милыя дѣти, что почувствовало благородное сердце Царя, узнавъ эту новость! Ка-

кая горестъ и какое негодованіе разлились въ немъ при мысли, что родной сынъ Его не только что желаетъ уничтожить все созданное Имъ, но еще вооружаетъ противъ него чужія царства! Слыша о такихъ замыслахъ, надобно было думать, что многіе участвуютъ въ нихъ, что заговоръ великъ и пребудетъ скорого изслѣдованія: вопль причины, заставившія Царя и супругу Его поспѣшить возвращеніемъ въ отечество. Между тѣмъ гвардейскій капитанъ Румянцевъ и тайный совѣтникъ Толстой посланы были въ Вѣну за Царевичемъ. Услышавъ объ этомъ чрезъ своихъ сообщниковъ, Алексій Петровичъ бѣжалъ изъ Австріи въ Неаполь; но здѣсь Румянцевъ и Толстой нашли его, и онъ принужденъ былъ возвратиться къ разгнѣванному Родителю.

Чувствуя, что для спокойствія и счастья Россіи, нельзя оставить безъ изслѣдованія поспушковъ Царевича, Петръ старался заглушить въ роди-

пельскомъ сердцѣ Своемъ всѣ нѣжныя чувства : Ему надобно было рѣшиться на важное дѣло, надобно было предать суду хоща недостойнаго , но все еще любимаго сына ! Петръ рѣшился на это, и Алексій Петровичъ, какъ преступникъ прошивъ отца , Государя и опечесшва, преданъ суду гражданскому и духовному. Первый, состоялъ изъ Министровъ , Сенаторовъ , старшихъ Генераловъ военныхъ и знатнѣйшаго дворянства; въ послѣднемъ были Архіепископы, Епископы и Архимандриты, всѣхъ же—вообще 144 человекъ. Чипатели мои могутъ судить о справедливости и безпристрастїи этого судилища по тому высокому правосудїю, въ которомъ примѣръ показывалъ ему великій Государь, жертвуя собственнымъ сыномъ. Могъ ли кто нибудь изъ членовъ думать объ угрожденїи Царевичу, когда Царь приказалъ забыть въ немъ это священное для подданныхъ имя, и судить его, какъ обыкновеннаго преступника ? И такъ , со всею стро-

госпію разсмотрѣны были поступки несчастнаго Князя, и открыто множество сообщниковъ его. Первыми изъ нихъ, были мать его, уже сбросившая одежду монахини и представлвшая Царицу въ монастырѣ Суздальскомъ, и тетка Царевна Марія Алексіевна, а съ ними всѣ приверженцы прежняго порядка, всѣ защитники старины, и ненавистники новыхъ обычаевъ. Главною цѣлью заговора было возведеніе на престоль Царевича и потомъ уничтоженіе всего, что было начато, сдѣлано, и усовершенствовано великимъ Родителемъ его. Узнавъ это— члены судилища ужаснулись мысли о томъ положеніи, въ какое могла упасть Россія при удачномъ исполненіи сихъ замысловъ, и благодарили Бога за разрушеніе ихъ! И бывшая Царица, и Царевна Марія были преданы суду. Первую, просившую помилованія у супруга, сослали въ Новоладожскій монастырь; вторую заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Главныя сооб-

щники, склонившіе ихъ и Царевича къ заговору, Ростовскій Епископъ *Досиѳей*, Генераль Маіоръ *Глѣбовъ* и служившіе при Алексіи Петровичъ *Кикинъ* и *Вяземскій* были казнены. Послѣ этой казни приступили къ осужденію важнѣйшаго преступника, того, кто былъ виновенъ предъ лицомъ Государя, не только какъ *подданный*, но и какъ *сынъ*. По всѣмъ законамъ церковнымъ—очень строгимъ въ этомъ отношеніи, и гражданскимъ, которые съ величайшею точностію согласовались съ священнымъ писаніемъ, виновный Царевичъ достоинъ былъ смерти. Духовные Судіи предоставляли рѣшеніе на волю Царя: исчисляя примѣры и строго правосудія изъ вѣтхаго завѣта, и милосердія и прощенія изъ новаго, они заключили рѣшеніе свое слѣдующими словами: сердце Царево въ руцѣ Божіей, да избересть то, къ чему рука Божія его преклоняетъ. Но гражданскіе судіи, боявшіеся малѣйшаго отступленія отъ своей должности и справедли-

востпи, произнесли ужасный приговоръ! Вотъ точныя слова его: „Царевичъ Алексій, за вышеобъявленныя всѣ вины свои и преступленія главныя, прошнвъ Государя и ошца своего, яко сынъ и подданный Его Величества, доспоишь смерти.“ Это рѣшеніе прочтено было Царевичу въ Сенапѣ, предъ всѣми членами и судіями его, и произвело такое сильное дѣйствіе надъ несчастнымъ — не имѣвшимъ опъ природы и малѣйшей часни той героической пвердоспи, какая ошличада его родишеля — что почти въ ту же минушпу онъ упалъ въ продолжишельный обморокъ и всѣ старанія искусныхъ докпоровъ едва могли привести его въ чувсшво и по не надолго! Томишельный судъ, продолжавшійся пять мѣсяцевъ и мучишельное ожидаііе рѣшенія вѣроятно испощили силы виновнаго: опомнившисъ опъ сильнаго обмороча, онъ жилъ только нѣсколькочасовъ и скончался въ попъ же день, получивъ прощеніе и благословеніе ро-

дителя своего, позабывшаго въ ужасную минуту этой кончины всё пресупленіи виновнаго сына.

Эшо было 26 іюня 1718 года. Три дня шѣло умершаго выспавлено было для народа въ Троицкой церкви, и 30 числа погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

Такъ горестный Государь лишился старшаго сына своего, жеспоко обманувшаго пріятныя ожиданія и надежды отеческаго сердца. Упѣшеніемъ Великаго и объявленнымъ наслѣдникомъ престола остался теперь маленькій Царевичъ Петръ Петровичъ.

МИРЪ СО ШВЕЦІЕЮ

И

ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ.

Отъ 1719 до 1722 года.

(Пер. 5 лѣтъ).

Недолго это утѣшеніе радовало сердце Петра: 25 апрѣля 1719 года Царевичъ скончался на четвертомъ году своего возраста. Этошъ неожиданный ударъ сильно поразилъ Государя, поперявшаго съ почившимъ ангеломъ послѣднюю надежду передать судьбу народа Своего *родному* наследнику! Кто можетъ болѣе сына любить память от-

ца и уважать все сдѣланное Имъ? Петру нуженъ былъ такой наследникъ для царства, почти вновь сотвореннаго, нужно было сердце, воспитанное Имъ самимъ, нуженъ былъ умъ образованный Его геніемъ. И все это видѣлъ Онъ во гробѣ! Но много было твердости въ этой героической и въ то же время благочестивой душѣ! Опдавъ милаго младенца небесному отцу его, Петръ вмѣстѣ съ нимъ предалъ Богу и будущую судьбу Россіи. Усердная молитва успокоила спираданія Государя до того, что Онъ уже безъ убійственнаго унынія могъ видѣть всѣ приготовления къ выносу тѣла Царевича изъ дворца, могъ даже Самъ проводить его до мѣста погребенія въ Невскомъ монастырѣ. Душевные силы Его были еще удивительнѣе: въ эти горестные дни Онъ могъ по обыкновенію заниматься дѣлами государственными. Правда, что въ то время они были очень важны и требовали особеннаго вниманія Царя: Швеція лишилась своего

Короля-героя: новыя опасности угрожали Россіи. Вы удивляетесь, милыя дѣти, что смерть Карла XII, вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ успокоить опечесство наше, готовила ему новыя бѣды! Да, къ несчастію это было такъ! Въ послѣднее время жизни своей Карлъ имѣлъ очень умнаго министра *Герца*, который, понимая всю пользу, могущую произойти отъ дружества между двумя такими великими Государями, какими были Петръ I и Карлъ XII, старался помирить ихъ, и старанія его шли очень успѣшно, тѣмъ болѣе, что Петръ недоволенъ былъ союзниками своими. Вы помните, какъ долго собирались они посылать на помощь къ нему войска свои? Въ послѣдствіи, они не только не поправили своей медленности, но нерасположеніе ихъ къ Царю Рускому такъ усилилось, что для него гораздо выгоднѣе было мириться съ давнишнимъ врагомъ, искавшимъ этого примиренія, нежели помогать прошивъ него новымъ непріятелямъ

своимъ. И вопшъ въ то время, когда надежда на миръ уже казалась очень основательною, Карлъ XII неожиданно убишъ при осадѣ Норвежскаго городка Фридрихсгалля, и смерть его уничтожила все, что съ большимъ прудомъ успроивалъ Герць. Престоль Карла достался младшей сестрѣ его, Ульрикѣ Элеонорѣ, супругѣ принца Гессенскаго, хопя племянникъ ея, Фридерикъ, Герцогъ Голштинскій, имѣлъ гораздо болѣе правъ на это наслѣдство. Петръ зналъ молодого, обиженнаго Герцога и покровительствовалъ ему. Эпото уже довольно было, чнобы встревожишъ новую Королеву, которую и безъ того старались ссорить съ Рускими прежніе союзники ихъ, Австрійцы, Датчане, Ганноверцы и даже Англичане. Но что же было съ Ульрикою Элеонорою, когда она услышала, что Герцогъ Голштинскій предлагаешъ руку свою дочери Петра, Царевнѣ Аннѣ, и Петръ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе! Спрахъ, чшо Царь захочешъ доставить.

будущему зятю Своему принадлежащій Ему по законамъ престоль, заставилъ Шведскую Королеву какъ можно скорѣе соединиться съ непріятелями Россіи, и вопль, вмѣсто ожидаемаго мира, къ Рускимъ прилепѣла вѣспѣ о новой войнѣ, еще страшнѣе прежней, потому что союзниками Шведовъ были уже теперь и Англичане, съ своимъ сильнымъ, всегда славившимся флотомъ.

Петръ не только съ Своею обыкновенною твердостью услышалъ эту новоспѣ, но даже сказалъ при этомъ случаѣ слѣдующія слова: „Я два ряза предлагалъ миръ брату моему Карлу: сперва по нуждѣ, а потомъ изъ великодушія; теперь же испоргну его у Шведовъ силою!“ И это было исполнено съ точностію: Петръ въ самомъ дѣлѣ силою заставилъ упрямыхъ Шведовъ помириться и вопль какимъ образомъ: имѣя въ числѣ кораблей и судовъ Своего флота очень много галеръ *),

*) Галера есть плоскодонное судно, которое по легкости своей можетъ подходить очень близко къ берегамъ.

Царь составилъ изъ нихъ особенный флотъ, отдѣльный отъ корабельнаго, и отправилъ его въ Бальшійское море съ повелѣніемъ опустошить берега Швеціи огнемъ и оружіемъ. Генералы Князь Голицынъ и Ласси, и Бригадиръ Менгденъ, начальники разныхъ отдѣленій новаго флота, исполнили повелѣніе Госудяря — и запылавшіе города и селенія на берегахъ Швеціи сильнѣе всякихъ словъ представили Королевѣ необходимость мира съ Рускими. Она и супругъ ея, уже объявленный также Королемъ Швеціи, предложили наконецъ сами эшошь миръ и прежде всего умоляли Петра объ удаленіи страшныхъ галеръ Его отъ разоренныхъ береговъ Швеціи. Съ искреннею радостію Царь исполнилъ ихъ желаніе, и тотчасъ же отправилъ тайнаго совѣтника Барона Оспермана въ Финляндскій городокъ *Нейштадтъ*, избранный мѣстомъ мирныхъ переговоровъ. Но и шупъ Шведы, надѣясь на помощь Ан-

гличанъ , приславшихъ къ нимъ болѣе 28 кораблей, долго медлили и не соглашались на всѣ условія, предложенныя Петромъ. Тогда Онъ, потерявъ перепѣніе, приказалъ снова галерному флоту выступить въ походъ. Шведскія селенія и лѣса по берегамъ Ботническаго залива загорѣлись до городовъ Вазы и Умео! Вмѣстѣ съ страшнымъ пожаромъ ихъ, наконецъ потухла продолжительная война Шведовъ съ Русскими: Король и Королева согласились на всѣ предложенія Царя и знаменитый для Россіи миръ Нейштадтскій заключенъ былъ 30 августа 1721 года.

Выгоды этого мира были безчисленны. Упвердивъ въ вѣчномъ владѣніи опечества нашего области: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и часть Финляндіи съ городами Кексгольмомъ и Выборгомъ, онѣ осуществили великій планъ Петра, онѣ соединили народъ Его съ Европейцами, и тѣмъ въ полной мѣрѣ вознаградили всѣ труды и опасности, ка-

кимъ подвергался Царь въ продолженіе этой болѣе нежели двадцатилѣтней войны!

За то какъ и радовался Онъ этому счастливоу окончанію! Какъ весело праздновалъ полученное извѣстіе о мирѣ! Съ какимъ торжествомъ объявилъ о немъ народу. Это важное объявленіе сдѣлано было 4-го сентября, въ день полученія извѣстія. Двѣнадцать драгунъ и съ ними два шрубача, одѣтые въ зеленые мундиры съ бѣлыми пафтяными перевязями черезъ плечо и съ знаменами, украшенными лаврами, ѣздили по городу и почти въ каждой улицѣ повторяли свою торжественную новость.

Но это было еще только объявленіе о мирѣ; настоящее же торжество его не могло бытъ отпраздновано такъ скоро: приготовленія къ нему заняли много времени. Къ тому же Россія готовилась праздновать не одно это торжество, но вмѣстѣ съ нимъ и другое, не менѣе важное, тор.

жество глубокой благодарности своей къ несрааненному Государю ея!

Уже давно между подданными ПЕТРА уменьшилось число недовольныхъ Имъ и новымъ порядкомъ, вводимымъ Имъ въ образованіе; уже давно большая и лучшая часть изъ нихъ поняла, что всѣ учрежденныя перемѣны дѣлаются для счастья ихъ, и въ заговоръ Царевича Алексія уже не участвовали знаменитѣйшіе бояре, но онъ почти весь составленъ былъ изъ приверженцевъ прежней Царицы; спало бытъ, уже можно было сказать, что всѣ Рускіе согласно уважали Того, Кто достоинъ былъ уваженія всего свѣща. Заключенный миръ, какъ блистательно исполнившій намѣренія Государя, придавалъ новую живость благодарнымъ чувствиямъ подданныхъ Его тѣмъ болѣе, что еще незадолго передъ тѣмъ ПЕТРЪ показалъ новое доказательство Своей отеческой заботливости о счастіи народа: для лучшаго производсва дѣль по всѣмъ частямъ государственнаго упра-

вленія Онъ учредилъ на мѣсто Приказовъ — о конторыхъ вѣрно помнашь чиншатели мои, Государственныя Коллегіи. Это учрежденіе было чрезвычайно благотѣпельно потому, что въ прежнихъ Приказахъ рѣшеніе зависѣло отъ воли одного судьи, а въ Коллегіяхъ отъ нѣсколькихъ, и начальникъ каждой коллегіи, называвшійся *Президентомъ* или *Предсѣдателемъ*, не могъ ничего сдѣлать безъ согласія товарищей своихъ, другихъ членовъ коллегіи. Такимъ образомъ никакое дѣло не могло болѣе зависѣть, — какъ случалось это прежде — отъ прихоти одного человѣка, но подвергалось разсмотрѣнію и сужденію многихъ.

Учрежденныхъ коллегій было девять. *Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ* заснула мѣсто Посольскаго приказа. *Камеръ - Коллегія* занималась государственными доходами. *Юстицъ-Коллегія* смотрѣла за судопроизводствомъ. *Вотчинная - Коллегія* замѣняла приказъ помѣстный. Государственные счета

повѣрлялись *Ревизионъ-Коллегіею*. Всѣми дѣлами, кошорья касались до флота, управляла *Адмиралтействъ - Коллегія*; всѣми военными дѣлами — *Коллегія Военная*; всѣми торговыми, такъ же всѣми каналами, дорогами и таможенными — *Коммерцъ-Коллегія*. Въ *Бергъ* и *Мануфактуръ-Коллегіи* были всѣ горные заводы, всѣ фабрики и мануфактуры. Въспѣшь съ основаніемъ Коллегій, назначенныхъ для улучшенія правосудія, Петръ не забылъ и того, что главное основаніе правосудія составляютъ законы, и потому для усовершенствованія всѣхъ изданныхъ прежними Государями и для разсужденія о новыхъ, сдѣлавшихся необходимыми по новому образованію Царства, Онъ учредилъ изъ членовъ Коллегій *Комиссію составленія новаго Бложенія*.

Занимаясь столь важными учрежденіями, Царь находилъ время думать о другомъ великомъ намѣреніи. Оно касалось духовенства нашего. Давно уже Онъ находилъ излишнею въ пра-

вленіи власть Папріарховъ, почти равнявшуюся Царской. Зная изъ исторіи нѣсколько примѣровъ тѣхъ безпорядковъ, какіе могутъ произойти въ такомъ случаѣ, Пётръ давно рѣшился уничтожить это важное достоинство, и для того не назначилъ новаго Папріарха на мѣсто послѣдняго Адріана, умершаго въ 1700 году. Чтобы слегка пріучить подданныхъ Своихъ къ этой новосни, Онъ объявилъ сначала, что, не имѣя времени, по случаю войны со Шведами, заняться избраніемъ новаго Папріарха, Онъ откладываетъ это избраніе, и между тѣмъ поручаетъ управлять всѣми духовными дѣлами Рязанскому Митрополиту, *Стефану Лворскому*. Во все время войны, Государь продолжалъ откладывать, и наконецъ въ январь 1721 года, когда уже всѣ привыкли къ возможности жить безъ Папріарха—объявилъ рѣшительно, что его болѣе не будетъ въ Россіи, и всѣ духовныя дѣла поручатся священному собору, названному Свя-

*тѣйшимъ Правительствующимъ Сино-
домъ.* Образованіе этого верховнаго ду-
ховнаго судилища было такое же какъ
и Сенапа. Правила его и вообще все,
что касалось до жизни и состоянія
духовенства, сочинены были однимъ
изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ того
времени и любимцемъ Петра — Архіе-
пископомъ Псковскимъ *Феофаномъ Про-
коповичемъ.* Народъ, уже довѣрчивый ко
всему, что дѣлалъ несравненный Госу-
дарь его, безъ ропота принялъ новое
учрежденіе и въ скоромъ времени по-
чувствовалъ пользу его.

Всѣ эти знаменитыя дѣла, копо-
рья Петръ обдумывалъ и очень часто
даже исполнялъ посреди трудностей
войны или жестокихъ огорченій ду-
шевныхъ—убѣдительно доказывали не-
обыкновенное величіе Его. Глубоко чув-
ствуя это, Рускіе, осыпанные благодѣ-
янiями Его, желали показать предъ
цѣлымъ свѣтомъ и благодарность свою
и ту справедливость, какую всѣ со-
словiя ихъ отдавали высокимъ каче-

спвамъ Государя. Съ такимъ намѣреніемъ всѣ члены Синода и Сената собрались вмѣстѣ за два дня до назначеннаго торжества мира, и опредѣливъ назвать Петра—Императоромъ, Отцемъ отечества и Великимъ, писменно просили Его о принятіи этихъ названій чрезъ Князя Меншикова.

Долго скромность Государя отказывалась принять эти громкія имена, но наконецъ убѣжденія любимца, сенаторовъ и духовенства заставили Его согласиться: въ день празднованія мира назначено было торжественно исполнить общее желаніе.

О! съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали жители столицы сѣверной эпого радостнаго дня! Онъ былъ 22 октября 1721 года. Съ самаго утра этого дня засуетился народъ по улицамъ Петербурга, еще никогда не видавшаго такого знаменитаго праздника. Всѣ толпились около Троицкаго собора. Туда ожидали къ обѣднѣ Государя со всѣмъ дворомъ. Двадцать девять пол-

новъ съ пушками, трубами и литаврами уже спояли шамъ въ спройномъ порядкѣ. Горделиво и весело посмаивали вокругъ себя храбрые войны; радостно и почтительно здоровались съ ними толпы любопытныхъ, со всѣхъ сторонъ окружавшіе ихъ. Раздался благовѣстъ къ обѣднѣ. Всѣ, и войны, и граждане набожно перекрестились и обратили взоры къ той сторонѣ, откуда надобно было ѣхать Царю. Вскорѣ увидѣли Его приближеніе вмѣстѣ съ Царицею и всѣмъ семействомъ. Тѣ же радостныя привѣтствія, какія раздаюшся теперь въ народѣ при видѣ Государя — вспрѣшили и проводили ПЕТРА до самаго входа въ церковь. Тамъ, послѣ обѣдни прочитанъ былъ славный для Рускихъ прахпатъ Нейшпадпскаго мира и пошомъ Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ произнесъ рѣчь, въ которой, предсавивъ кратко всѣ великія дѣла Царя — назвалъ Его достойнымъ имени *Отца Отчества, Императора и Великаго.*

Канцлеръ Графъ Головкинъ повторилъ опъ всѣхъ чиновъ государственныхъ такое же привѣтствіе, и кончилъ восклицаніемъ: „виватъ! виватъ! виватъ! *Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссийскій!*

Три раза повторено было это восклицаніе всѣми находившимися въ церкви, и всѣмъ народомъ, и войскомъ, окружавшимъ ее. Въ это же самое время раздавались въ воздухъ колокольный звонъ, звуки трубъ и лишавръ, пушечные и ружейные выстрѣлы.

Такъ совершилось торжественное принятіе Петромъ благодарныхъ чувствъ народа Его. Новый Императоръ, не менѣе благодарный къ Своимъ товарищамъ въ побѣдахъ, въ тошъ же день спѣшилъ наградишь каждого по заслугамъ его. Въ это время Князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ пожалованы были въ Вице-Адмиралы; Вице - Адмиралъ Крюйсъ въ Адмиралы синяго флага, а Графъ Брюсъ и Баронъ Остерманъ, за искусство и успѣхъ, съ кошо-

рыми вели они переговоры въ Нейшпадтѣ , были награждены деревнями и деньгами.

Праздники продолжались три дня, и каждый вечеръ были иллюминированы корабли и дома Петербургскіе , каждый вечеръ горѣлъ прекрасный фейерверкъ. Вы вѣрно догадаетесь , милыя дѣти, что въ этихъ веселостяхъ Государя и столицы не забытъ былъ и простой народъ, столько любимый Петромъ : для него были выставлены жареные быки и разнаго рода пшцы , также хлѣбы, калачи и сайки; а изъ двухъ фонтановъ било красное и бѣлое вина, не говоря уже о цѣлыхъ бочкахъ меду и пива , которыя веселые гости Царя скоро опоражнивали за славный миръ и счастье Россіи !

ПОСЛѢДНІЕ ПОХОДЫ

И

ДѢЛА ПЕТРА I.

Оцъ 1722 до 1725 года.

(Пер. 3 лѣтъ).

И такъ на Балшійскомъ морѣ уже не раздавались болѣе военные громаы, и для торговли Рускихъ открылся свободный путь во всѣ государства Европы. Но Петръ, довольный великимъ дѣломъ Своимъ, еще не считалъ его совсѣмъ оконченнымъ. Не одно Балшійское море представляло торговья выгоды для подданныхъ Его: съ дру-

гой стороны подлѣ нихъ было море Каспійское, а по берегамъ его прекрасныя страны Персіи, за Персіею же—Индія со всѣми своими богатствами. Дагю уже Рускіе торговали съ Персіанами, и Петръ всѣми силами старался поддерживать эти дружескія сношенія между обоими народами. Но съ 1710 года дѣла въ Персіи пошли очень худо: Государь ея—Шахъ *Гуссейнъ* былъ очень слабъ, и надѣясь на эту слабость, многіе изъ подданныхъ его забыли свою покорность къ нему. Особенно одинъ изъ нихъ, *Мирависъ*, предводитель поколѣнія *Авганцевъ*, жившихъ около горъ Кавказскихъ, дошелъ до такой дерзости, что даже объявилъ себя независимымъ, и вмѣстѣ съ своими приверженцами и другими мятежными ордами, подданными Персіи, началъ опустошать области, лежашія около Кавказа, побилъ 300 человекъ Рускихъ, жившихъ тамъ, по дѣламъ торговымъ, и нанесъ купечеству Рускому до 4,000,000 убытку. Такое жестокое оскорбленіе заста-

вило Петра вступишься за своихъ подданныхъ и требовать отъ Шаха удовлетворенія; но несчастный Гусейнъ былъ въ такомъ положеніи, что желалъ бы самъ просить помощи у Рускаго Государя, чтобы управишься съ бунтовщиками. Пока продолжалась война Шведская, Россія не могла подать ему этой помощи, но послѣ славнаго мира, Императору съ Его войскомъ, такъ скоро привыкшимъ къ побѣдамъ, уже можно было думать о наказаніи убійць и грабителей Его подданныхъ.

Въ іюнь 1722 года неупомимый Государь былъ уже въ Аспрахани, а въ іюль—отправился въ походъ съ Своею болѣе нежели 60,000 арміею. Пѣхота плыла по Каспійскому морю на 274 судахъ, кавалерія шла сухимъ путемъ черезъ степи. Послѣднею начальствовалъ Генераль Маіоръ Кропошовъ,—надъ всѣмъ флотомъ — Генераль Адмираль Графъ Апраксинъ.

Успѣхъ встрѣшилъ Императора на первыхъ шагахъ этого похода: еще не доходя до береговъ Персидскихъ земель, Онъ получилъ извѣстіе, что владѣтель области Дагестанской, *Абдуль-Гирей* добровольно покорялся Его власти. Главный и важный городъ этой области былъ *Терки*. Вы найдете его и теперь, милыя дѣти, въ числѣ нашихъ приморскихъ Каспійскихъ городовъ подъ именемъ *Тарку*.—Вскорѣ потомъ и начальникъ города Дербента просилъ покровительства Русскихъ, которые, вступивъ на берегъ Азіи, такъ удивляли ея необразованныхъ жителей — своимъ воинственнымъ видомъ и страшными оружіями, что Петру легко было бы распространить свои завоеванія далеко по берегу Каспійскаго моря, если бы войско Его съ переменною холоднаго климата своего опечества на жаркой воздухъ странъ Кавказскихъ, не начало чувствовать разнаго рода болѣзней, которыя, съ наступленіемъ осени, еще болѣе усилились. Самъ Го-

сударь почувствовалъ себя нездоровымъ; и шакъ походъ былъ оконченъ, и въ началѣ ноября Петръ уже возвратился въ Астрахань, оставивъ въ завоеванныхъ мѣстахъ столько войска, сколько нужно было для удержанія въ покорности новыхъ подданныхъ. Число этихъ подданныхъ вскорѣ увеличилось: воины Рускіе, ославшіеся на берегахъ Каспійскаго моря, завоевали еще одинъ изъ городовъ, тамъ лежащихъ, *Баку*; а Персидскій Шахъ, умоляя Императора о помощи прошивъ непокорныхъ подданныхъ своихъ, уступалъ Россіи, кромѣ завоеванныхъ земель, еще три области: *Гилянъ*, *Мазандеранъ* и *Астерабадъ*. Съ этими предложеніями и съ прозьбою о заключеніи мира пріѣхалъ отъ него посланникъ, *Измаилъ Бекъ*. Петръ принялъ его съ большею честью и приказалъ ввезти въ Петербургъ водою въ богатой яхтѣ, украшенной со всѣми прихотями азійскаго вкуса. *Измаилъ-Бекъ* сѣлъ въ нее у Невскаго монастыря.

За нимъ въ нѣсколькихъ судахъ поѣхала свита его, впереди вся Нева покрыта была ботами, лодками и разнаго рода судами Невскаго флота *) , на берегахъ раздавалась пушечная пальба и барабанный бой.

На другой день этого торжественнаго въѣзда, 11 августа 1723 года, былъ у Царя еще лучшій праздникъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ Онъ выводилъ для маневровъ въ Балтійское море весь флотъ Свой, состоявшій уже тогда изъ 100 галеръ, 22 кораблей и 14 фрегатовъ. Маневры такой грозной силы испугали прибрежныя государства, особенно давнишнихъ не-

*) *Невскимъ флотомъ* назывались суда, принадлежавшія жителямъ столицы, которые всѣ обязаны были, на случай наводненія, имѣть лодки и умѣть хорошо управлять ими. Для этого, по приказанію Императора, они два раза въ недѣлю выѣзжали на Неву и подъ начальствомъ Адмирала этого флота дѣлали разнаго рода ученья. Петръ, страстно любившій море и мореплаваніе, хотѣлъ передать эту любовь и Своимъ подданнымъ.

пріятелей Россіи — Шведовъ; а Петру того и хотѣлось, потому что въ это время были у Него переговоры съ Шведами о справедливомъ требованіи Герцогомъ Голштинскимъ Шведскаго престола. Любя этого Принца — будущаго зятя своего — какъ сына, Императоръ желалъ чтобы Шведы не забыли о правахъ его, и они, уважая посредничество Петра, исполнили все, чего желалъ онъ: дали 25,000 талеровъ въ годъ на содержаніе Герцога и кромѣ того обѣщали имѣть его въ виду при избраніи наследника престола Шведскаго.

Довольный Своимъ успѣхомъ, Петръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на то, что доставило Ему и этакъ успѣхъ, и уваженіе Шведовъ — на знаменитый и многочисленный флотъ Свой. Любуясь грозными великанами, шакъ гордо развѣзжавшими подъ бѣлыми парусами по волнамъ Балтійскаго моря и залива Финскаго, Императоръ вспомнилъ съ живѣйшею благодарностію о малень-

комъ ботику, который подалъ Ему первую мысль объ основаніи морскихъ силъ Россіи и, досшойно величая его *Дѣдушкой Рускаго флота*, прикааалъ привезти его изъ Москвы въ Кроншпадтъ. Желаніе Государя исполнено, и 11-го августа назначенъ праздникъ въ честь знаменишаго *Дѣдушки*. И ка-кой же былъ атопъ праздникъ. О! въ своемъ родѣ, онъ былъ также необыкновененень, какъ всѣ необыкновенныя дѣла атого удивительнаго Государя. Рано ушромъ весь флотъ вышелъ въ море; имъ начальствововали при адмирала: Графъ Апраксинъ, Крюйсъ и *Михайловъ*. Со всѣхъ судовъ палили изъ пушекъ и спускали флаги въ честь маленькаго виновника праздника. Наконецъ, нѣсколько главныхъ морскихъ генераловъ взошли на него: Сиверсъ, Гордонъ, Синявинъ и Сандерсъ принялись исправлять должностъ гребцовъ, Князь Меншиковъ—боисмана, а *Адмиралъ Михайловъ* сталъ на руль за квартермейстера.

Такъ величественно знаменитый ботицъ обошелъ кругомъ всего флота. Звукъ трубъ и барабановъ, и громкое *ура* окружали его со всѣхъ сторонъ и проводили попомъ въ самую гавань, куда поплыли за нимъ и всѣ корабли и фрегаты. За пышнымъ обѣдомъ, копорый давался въ тотъ день опъ двора въ Кронштадтѣ и на копоромъ присутствовала вся Императорская фамилія, Петръ пилъ за здоровье ботика, говоря: „Да здравствуетъ маленькой дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ.“

Вѣрно и вамъ, милыя дѣти, хотѣлось бы видѣть этого *маленькаго дѣдушку*? Желаніе ваше легко можетъ быть исполнено: въ Петропавловской крѣпости сохраняется этошъ драгоценный любимецъ незабвеннаго Петра нашего! Я думаю, вы слышали, что недавно онъ снова удостоенъ былъ такой же чести: славноцарствующій Государь нашъ, во всей силѣ слова *достойный* потомокъ Великаго, дѣлалъ для него

точно такой же праздникъ въ іюнѣ прошедшаго года. Спросите объ этомъ у кадетовъ морскаго корпуса, или у другихъ знакомыхъ вамъ моряковъ Петербургскихъ: всѣ они подробно могутъ рассказать вамъ объ этомъ прекрасномъ праздникѣ.

Торжество въ честь бошика въ 1723 году примѣчательно еще потому, что оно было какъ будто заключеніемъ морскихъ походовъ Петра: послѣ маневровъ, сдѣланныхъ въ пользу Голштинскаго Герцога, Императоръ уже не былъ на морѣ Балтійскомъ. Здоровье Его съ каждымъ годомъ дѣлалось слабѣе, и могло ли это быть иначе? Безпрестанные труды Его и умственные и тѣлесные были такъ велики, что кажутся теперь почти невѣроятными для насъ, а Онъ почти паль ихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и не заботясь о здоровьи Своемъ, всегда готовъ былъ жертвовать имъ для послѣдняго изъ подданныхъ. Къ тому же въ сердцѣ Его не было счастья, кото-

рое бы вознаграждало за эти труды, не было утѣшенія, которое бы успокоивало мысли Его о будущей судьбѣ Россіи: не было наследника, которому Великій могъ бы передать великое швореніе Свое! Это причиняло Ему такую горестъ, которая усиливала всѣ болѣзненные припадки Его. Среди этихъ грустныхъ размышленій взоры Его всегда съ утѣшеніемъ останавливались на крошкѣ и прекрасной подругѣ Его славной жизни, на той героинѣ, которая такъ вѣрно дѣлила съ Нимъ всѣ труды и опасности! Полагая, что она все еще не довольно вознаграждена за безсмертное благодѣяніе, сдѣланное Ею для Россіи, Онъ желалъ окружить ее всѣмъ блескомъ царственной власти, и торжественно короновать Государыню, которая, хотя давно объявлена была Царицею, но не была вѣнчана на царство. Соображаясь съ пламеннымъ желаніемъ Императора, всѣ приготовленія скоро были окончены и 7 мая 1724 года Екатерина уже

коронована была въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ со всѣми шоржесшвенными обрядами, какіе обыкновенно наблюдаются при коронаваніи Государей нашихъ. Въ эпопъ день Петръ учредилъ въ честь и особецное охраненіе Императрицы рошу кавалергардовъ, состоявшую изъ самыхъ великорослыхъ солдатъ, выбранныхъ изъ всего Рускаго войска. Одежда ихъ была чрезвычайно богата: на плечахъ и груди сіяли золотые Императорскіе гербы, на шляпахъ развѣвались перья; даже лошади ихъ и все оружіе блесѣло золотомъ и серебромъ. Чины въ эпой необыкновенной рошѣ были также необыкновенные, на примѣръ *Капитаномъ* въ ней былъ Генераль-Порутчикъ Ягужинскій; *Поруттикомъ*—Генераль-Маіоръ Дмитріевъ—Мамоновъ; *Подпоруттикомъ*—Бригадиръ Леонтьевъ; а *Прапорщикомъ*—Полковникъ Князь Мещерскій.

Императоръ уже чувствовалъ себя очень слабымъ во время коронаціи супруги Своей, однакожь, не смо-

пря на эпо, Самъ съ великолѣпною церемоніею ввелъ Ее въ церковь и потомъ на пронъ; Самъ возложилъ на нее корону и мантію, наконецъ Самъ подводилъ Ее къ алтарю для миромазанія и причащенія Св. Таинъ. За то вскорѣ послѣ окончанія обряда Онъ сильнѣе почувшвовалъ слабость Свою, и поспѣшилъ во дворець гораздо прежде, нежели возвратилась шуда Императрица со всею прежнею церемоніею. Торжественные обѣды и праздники, продолжавшіеся потомъ цѣлую недѣлю, не могли поправить здоровья Государя, но еще болѣе разстроили его, такъ, что Онъ долженъ былъ на нѣсколько времени опложить важнѣйшія изъ занятій Своихъ и лечиться минеральными водами. Онъ любилъ эпошъ родъ леченія и нѣсколько разъ ѣздилъ для того къ Олонецкимъ минеральнымъ водамъ, но онѣ не могли истребить совершенно болѣзни Его, потому что при малѣйшемъ облегченіи, Онъ оставлялъ леченье, и снова предавался шудамъ.

Такъ случилось это и теперь: почувствовавъ себя нѣсколько здоровѣе и веселѣе, неупомимый Государь уже отправился въ Петербургъ, а оттуда поспѣе же въ Петергофъ посмотреть, много ли подвинулись работы фонтановъ и бассейновъ; потомъ въ Кронштадтъ взглянуть на Свои корабли и фрегаты. Эти разъѣзды не кончились пѣмъ: возвратясь изъ Кронштадта ПЕТРЪ поѣхалъ въ Новую-Ладогу, на берегъ рѣки Волхова. Тамъ съ 1719 года производились важныя работы; но чтобъ понятно рассказать вамъ о нихъ, друзья мои, надобно развернуть карту Россіи. Видите вы на ней, какъ Нева соединяетъ Финскій заливъ съ Ладожскимъ озеромъ, какъ потомъ это озеро соединяется рѣкою Волховомъ съ озеромъ Ильменемъ, и какъ въ это послѣднее озеро впадаетъ рѣка *Мста*? Стало бытъ отъ самаго начала Мсты можно доѣхать водою до Петербурга. Эта водяная дорога важна не для путешественниковъ, кошорые гораздо скорѣе

могутъ пріѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ, но для тѣхъ большихъ судовъ и барокъ, которыя привозятъ въ сѣверную столицу огромные запасы разныхъ необходимыхъ для жизни вещей. А надобно сказать правду, Петербургъ очень нуждается въ нихъ, будучи окруженъ землею вовсе не плодородною. Но попечительный Основатель его видѣлъ, что и всѣ мѣста, лежащія по рѣкѣ Мста, не опличаются богатствомъ природы; за то это богатство начинается въ нынѣшней Тверской Губерніи — родинѣ Волги — и продолжается по всѣмъ странамъ, гдѣ течетъ эта величественная рѣка, доходящая до самаго Каспійскаго моря. Какимъ же бы образомъ соединить эти плодородныя области съ безплодными мѣстами, окружающими новую столицу! Разумѣется, единственная возможность къ тому есть водяное сообщеніе. Но рѣка Мста, оканчиваясь около пѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается Волга, не соединяется ни съ нею, ни съ не-

большою рѣкою *Тверцою*, впадающею въ Волгу. И пакъ, чтобы доѣхашь водою, отъ самой Аспрахани до Петербурга, надобно соединить Тверцу и Мсту—и Петръ, дальновидный и заботливый о выгодахъ народа Своего, сдѣлалъ это еще въ первые годы существованія Петербурга, а въ 1719 году Онъ принялся уже за другое дѣло въ такомъ же родѣ. Ладожское озеро, какъ величайшее изъ всѣхъ озеръ Европейскихъ, очень бурно и опасно для судовъ, плавающихъ по немъ. Часно во время грозы люди и барки погибали безъ всякой вѣспи въ волнахъ его, и послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ спрашно было и другимъ пускашья по той же дорогѣ. Такимъ образомъ Петербургъ могъ часно терпѣть недостатковъ въ съспныхъ припасахъ. Чшобъ отвратилъ это несчастіе отъ любимаго города Своего, Петръ придумалъ вошь что: провести каналъ по берегу Ладожскаго озера отъ источника Невы до Волхова. Просшираясь на

гобъ верстѣ, онъ представлялъ чрезвычайныя трудности Своему основателю; и какія трудности могли остановить Петра, когда съ ними соединялась польза Россіи? Государь, бережливый до невѣроятности во всемъ, что касалось до собственныхъ Его расходовъ, не пожалѣлъ чрезвычайныхъ суммъ, какихъ должно было стоить проведеніе ашого канала, и съ 1719 года, 25000 человекъ работниковъ начали безпрестанно трудиться надъ нимъ. Сначала работы шли довольно медленно, но съ 1725 года надзоръ за ними былъ порученъ одному изъ любимцевъ Императора—Графу Миниху, который съ такимъ успѣхомъ исправлялъ порученное ему дѣло, что Петръ, пріѣхавъ въ Новую-Ладогу, могъ уже плыть въ лодкѣ нѣсколько верстѣ по новому каналу и съ восхищеніемъ писалъ къ Государынѣ: „Работа Минихова сдѣлала меня здоровымъ. Я надѣюсь со временемъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать водою изъ

Петербурга и въ Головиномъ саду при
рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ вспашь.“

Но эта надежда не исполнилась,
и удовольствіе при видѣ успешныхъ
работъ Миниха не надолго подкрѣпило
драгоцѣнное здоровье Императора! Какъ
будто предчувствуя приближавшую-
ся кончину, Онъ спѣшилъ совершать
великія намѣренія Свои, и въ зпомъ же
1724 году сдѣлалъ планъ основанія въ
Петербургѣ Академіи Наукъ и прика-
залъ перенести мощи Великаго Князя
Александра Невскаго, почивавшіе во
Владимірѣ, на тѣ мѣста, гдѣ Святой
герой одержалъ побѣду, прославившую
память Его. Богъ, всегда ниспосылав-
шій усцѣхъ намѣреніямъ благочестива-
го Петра, ниспослалъ Ему радость
видѣть исполненіе этого усерднаго же-
ланія Его: мощи Невскаго привезены
были въ новую столицу 30 августа
1724, въ то время, когда Государь еще
былъ столько здоровъ, что Самъ вы-
ѣхалъ встрѣтить ихъ на великолѣп-
ной галерѣ и собственными руками уча-

сповоалъ въ перенесеніи ихъ и на эту галеру и попомъ въ церковь Александрo - Невскаго монастыря. Тамъ они положены были также Имъ самимъ въ богатую серебряную раку, и тамъ до сихъ поръ мы можемъ съ умиленіемъ молишься Государю *Святому* — генію хранителю Россіи, и благоговѣйно воспоминашь Государя *Великаго* — Генія-просвѣпителя ея!

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1725 годъ.

Святой Князь, котораго присутствіе всегда было утѣшительно для Рускихъ въ продолженіе аемной жизни Его, казалось, и въ гробѣ хотѣлъ утѣшить ихъ: вскорѣ послѣ перенесенія священныхъ мощей Его, Петръ почувствовалъ такое облегченіе въ своей болѣзни, что съ 13 сентября всѣ уже имѣли самую основательную надежду на

совершенное выздоровленіе Отца отечества. Государю надобно было только нѣсколько времени поберечь себя, и не пошчасъ приниматься за обыкновенныя занятія свои. вмѣсто того Петръ не только началъ прогуливаться по Невѣ и съ жаромъ принялся за всѣ дѣла государственныя, но въ началѣ октября, не смотря на всѣ предспавленія своего Лейбъ - Медика Блюменшпроста, отправился водою въ Кронштадтъ, Шлюссельбургъ, и на Олонецкіе желѣзные заводы, гдѣ собственными руками выковалъ тяжелую полосу желѣза, которая и теперь хранится въ Кунсткамерѣ. объѣздивъ всѣ эти мѣста, Государь 27 октября возвратился въ Петербургъ, и отдохнувъ не болѣе какъ одинъ день, отправился опять водою въ Сестребекъ, мѣспечко, лежащее въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда. къ вечеру тогоже дня, довольно пріятная осенняя погода переменилась въ сильную бурю, которая долго носила по волнамъ взморья яхту Императорскую.

Она уже приставала къ берегу Лахты *)), какъ вдругъ всѣ бывшіе на немъ примѣчаютъ вдали какое-то судно, съ котораго раздаются жалобные крики о помощи. Этого уже было довольно, чтобы возбудишь все живѣйшее участіе, къ какому было способно сострадательное сердце Императора. Онъ забываетъ опасность, которой Самъ заминуто подверженъ былъ, оспашся съ нѣсколькими изъ людей своихъ на лхтѣ, а всѣхъ другихъ отправляетъ въ шлюпки на помощь къ погибающимъ. Это были солдаты и мапросы, вхавшіе на большомъ ботѣ изъ Кронштадта и занесенные бурей на мель. Усердно желали посланные исполнить волю добраго Государя, но всѣ усилія ихъ были напрасны: они не могли спашить бота съ мѣста. Видѣвъ это, великодушный, несравненный, можно сказать, божественный Петръ забываетъ все-кромѣ святой обязанности человека

*) Селеніе лежащее по дорогѣ къ Сестрѣску.

помогать своему ближнему; забываетъ всю великость различія, существующаго между Его жизнію, и жизнію другихъ людей, забываетъ всю любовь къ себѣ подданныхъ, готовыхъ съ радостію умереть за Него, всю неизмѣримую потерю, ожидавшей ихъ съ смертію Его, и бросается съ оспальными мапросами своей яхты спасать тонувшихъ. Этимъ единственнымъ примѣромъ оживилъ новымъ мужествомъ сердца всѣхъ участниковъ великаго дѣла Императора, и погибавшіе были спасены: двадцать человекъ изъ нихъ были обязаны этимъ спасеніемъ Самому Ему!

Прекрасенъ былъ поступокъ Петра, но горестны, ужасны были слѣдствія его! Царственный избавитель для жизни спасенныхъ Имъ пожертвовалъ собственною! Пробывъ болѣе получаса въ холодныхъ волнахъ, Онъ просхудился, и эпа просхуда, соединясь съ прежнею болѣзнію, прекратила дни Великаго въ январѣ 1725 года! Напрасно

старалась бы я представить вамъ милые чашатели мои, всю великость удара, поразившаго Россію, и всю горесть, какую чувствовала она! Никакое перо, никакія выраженія не могутъ дать объ этомъ понятія. Ужасныя слова: *Петръ I скончался!* перелетая отъ одного человека къ другому, казалось, лишали каждого возможности выражать общее спраданіе: всѣ не говорили, но могли только неутѣшно плакать! И такъ, представляя собственнымъ сердцамъ вашимъ, друзья мои, понять всю неизмѣримость этой горести, я не буду говорить о ней, но расскажу вамъ печальныя подробности кончины Незабвеннаго!

Съ января мѣсяца здоровье Государя начало примѣтно разрушаться; однакожь 6 числа, въ праздникъ Крещенья, Онъ еще Самъ начальствовалъ войсками на Иорданѣ, и послѣ того нѣсколько дней занимался по обыкновенію дѣлами. Наконецъ, ужасныя спраданія остановили эту неупомимую дѣшель-

ность, и съ половины января, Императоръ уже не могъ вставать съ постели. Никакія пособія искусства, никакіе совѣты врачей иноспиранныхъ, съ которыми переписывался Блюментростъ, не помогали! Видя безнадежность своего положенія, изображавшуюся на лицахъ всѣхъ окружавшихъ Его, чувствуя ее въ несстерпимыхъ мученіяхъ, Петръ имѣлъ еще мужество утѣшать нѣжную супругу, кою горестъ доходила почти до отчаянія; имѣлъ еще мужество говорить Ей и всѣмъ приближеннымъ своимъ: „Изъ меня можете познать, какое слабое швореніе есть человекъ!“

Однакожь не смотря на все глубокое чувство этой слабости, не смотря на то, что съ 22 числа духовникъ уже не опходилъ онь постели Государя, примѣтно было, что надежда еще не оставляла больного до самаго 27 числа, когда спраданія и слабость Его достигли до высочайшей степени. Въ эти мучительныя минуты, каза-

лось, Онъ почувствовалъ приближеніе смерти и спросилъ бумаги и перо, но умирающая рука уже отказывалась служить, и изъ всѣхъ словъ, написанныхъ Государемъ, можно было разобрать только два: *отдайте все.....* Не имѣя возможности передать письменно послѣднюю волю свою, Онъ вѣроятно желалъ сдѣлать это словесно, и для того послалъ за старшей дочерью Своею *Анной*, но прежде нежели печальная Великая Княжна успѣла подойти къ постелѣ Умирающаго, Онъ уже не въ состояніи былъ говорить.— Около пятнадцати часовъ потомъ еще жилъ Великій, но эту жизнь можно было назвать только признаками жизни: иногда они примѣшны были въ движеніяхъ руки, справшейся сдѣлать знаменіе креста, иногда въ томъ вниманіи, съ которымъ слушалъ Онъ читаемая духовникомъ молитвы. Наконецъ въ утро 28 числа — назначенное Богомъ быль послѣднимъ, земнымъ утромъ Петра — благочестивый Госу-

дарь, во второй разъ причастился Св. Тайнъ и въ первой четверти 6 часа, бессмертная душа Его оплелъла на небо, принявъ награду за неизчисли- мое добро, сотворенное ею на землѣ!

Въ первыя минуты казалось, что эта божественная душа унесла съ собою твердость и силы Рускихъ: начинающая отъ Императрицы и дочерей Ея, вынесенныхъ безъ чувствъ изъ комнаты Государя, до послѣдняго человѣка служившаго во дворцѣ, — все предалось опчаянію, все громко зарыдало! И эти рыданія раздались не въ одномъ дворцѣ, но въ каждомъ домѣ Петербурга, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи обширной Россіи! Жители Петербурга были счастливѣе другихъ тѣмъ, что могли покрайней мѣрѣ болѣе мѣсяца видѣть драгоцѣнные останки обожаемаго Государя и не одинъ разъ просишься съ ними: день погребенія былъ 8-го марта, а до тѣхъ поръ всѣмъ позволено было приходиться къ пѣлу, которое стояло все это время въ залѣ

Дворцовой, и пошомъ со всѣмъ Императорскимъ великолѣпіемъ перенесено въ Петропавловскій соборъ.

Здѣсь, предъ самымъ погребеніемъ, Россія сказала послѣднее *прости* своему великому Благошворителю—въ красно-рѣчивой рѣчи Архіепископа Теофана Прокоповича. Трогательныя слова проповѣдника и слезы всѣхъ слушателей, сливаясь вмѣстѣ съ громкимъ плачемъ войска и народа—окружавшихъ церковь, выразительно доказывали общую горестъ! Она упихала нѣсколько только тогда, когда Супруга Петра являлась взорамъ огорченныхъ, и какъ упѣшительный ангелъ небесъ обѣщала осиротѣвшимъ подданнымъ шуже любовь и шуже попеченія, какими исполнено было къ нимъ сердце навѣки почившаго Отца ихъ!

Таблица XLIV.

Семейство Императора ПЕТРА I-го.

Супруги: 1-я. *Евдокія* Теодоровна Лопухина.

Сынъ отъ нея:

а. Царевичъ *Алексій*, скончавшійся въ 1718 году.

2-я *Екатерина* Алексіевна изъ роду Скавронскихъ, наследовавшая престолъ.

Дѣти отъ нея:

б. <i>Петръ</i> .	} скончавшіеся въ дѣтствѣ.
с. <i>Павелъ</i> .	
д. <i>Петръ</i> .	
е. <i>Анна</i> , была въ супружествѣ за герцогомъ	

**Голштинскимъ, Фри-
дерикомъ.**

**г. Елисавета , бывшая въ
послѣдствіи Импера-
трицею Всероссій-
скою.**

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

Отъ 1725 до 1727 года.

(Пер. 2 лѣтъ).

Рускіе, въ ужасное время жестокой пошери своей, имѣли полное право ожидать утѣшеній отъ Екатерины: Она объявлена была Наслѣдницею престола въ самый день кончины Супруга, по общему согласію вельможъ и народа. Однакожь не лзя не сказать, что усердіе всѣхъ дѣйствовало въ этомъ важномъ дѣлѣ — Князь Меншиковъ.

Имѣя много случаевъ бысть полезнымъ для Екатерины, еще съ первыхъ лѣтъ жизни Ея въ Россіи, и испытавъ въ полной мѣрѣ благодарныя чувства Государыни, Меншиковъ увѣренъ былъ, что въ царствованіе Ея, онъ будетъ наслаждаться совершенною власнію, кою она давно уже сдѣлалась первымъ желаніемъ его честолюбиваго сердца. Странія его о возведеніи на престолъ своей Покровительницы имѣли шѣмъ болѣе успѣха, что не онъ одинъ чувствовалъ любовь и преданность къ доброй Государынѣ: прекрасныя качества души Ея доставляли Ей безчисленное множество приверженцевъ. Сильная сторона Ея не могла не побѣдить приверженцевъ десяти-лѣшняго Великаго Князя *Петра*, сына несчастнаго Царевича Алексія Петровича, хотя, какъ родной внукъ покойнаго Императора, онъ имѣлъ полное право на корону Рускую. Но по дѣтскимъ лѣтамъ своимъ онъ не могъ Самъ управлять государствомъ, и шакъ самые защитники его

скоро согласились вручить Императорскую власть общей Любимицѣ, тѣмъ болѣе чпо Она обѣщала почитать Великаго Князя Своимъ наследникомъ и образовать въ немъ *Государя, достойнаго имени и крови Петра I-го.*

Приверженцы Екатерины не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: новое царствованіе было досшойно Наслѣдницы Петра. Она съ такою почностію старалась исполнять всѣ извѣстныя Ей намѣренія Супруга Своего, съ такимъ успѣхомъ умѣла довершать начатое Имъ, что конецъ этого кратковременнаго царствованія, продолжавшагося не болѣе двухъ лѣтъ, былъ новою горестью для Россіи.

Вы раздѣлите эту справедливую горестъ, млыя дѣти, когда услышите какъ много сдѣлано было въ эти два года.

Прежде всего надобно сказать вамъ, что во всѣхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, во все время правленія Екатерины, было совершенное спокой

співіе и миръ со всѣми сосѣдями; только на берегахъ Каспійскаго моря, въ областяхъ, незадолго передъ тѣмъ завоеванныхъ Петромъ, бунтовали новые подданные Россіи, но и тѣ усмирены были оставленнымъ тамъ генераломъ Матюшкинымъ. Вслѣдъ за этимъ усмирениемъ, Грузинскій Царь *Вахтангъ*, уважая могущество Россіи, и желая избавишься отъ припѣсненій Персіанъ, вснупилъ въ подданство Екательны, и такимъ образомъ увеличилъ царство Ея новою областію.

При самомъ началѣ Своего восшествія на престоль, Государыня исполнила одно изъ важныхъ намѣреній великаго Супруга своего: опшравила въ Ледовитое море нѣсколько судовъ подъ начальствомъ Капитана Беринга для того, чтобы узнать соединяется ли твердою землею, Азія съ Америкой или раздѣляется моремъ. Сей вопросъ былъ очень важенъ въ то время для всей Европы, и Рускіе—въ первомъ морскомъ путешествіи своемъ—пріобрѣли честь,

которой позавидовали многіе, опытные моряки : Берингъ узналъ , что окончности Азіи и Америки не составляющъ одного материка , но раздѣляющся проливомъ. Хотя этошъ проливъ еще прежде путешесствія Беринга извѣстенъ былъ казаку *Дешневу*, проѣхавшему по немъ , но какъ новое открытіе было довершено и описано Берингомъ, то и названо было его именемъ. Вѣдь вѣрно всѣ вы, милые читатели мои, знаете проливъ *Беринговъ* ?

Вскорѣ послѣ опиравленія Беринга и именно въ маѣ 1725 года **ЕКАТЕРИНА** основала Академію Наукъ по плану, сдѣланному за годъ предъ тѣмъ покойнымъ Императоромъ. Почти въ тоже время, Она учредила орденъ Св. Александра Невскаго. Это было также намѣреніе **ПЕТРА**: Онъ говорилъ о немъ , при перенесеніи мощей героя Невскаго въ северную столицу. Знаки новаго ордена розданы были въ первый разъ 21 мая 1725 года, въ день бракосочетанія Великой Княжны Анны Петровны съ

Герцогомъ Голштинскимъ. Вы знаете, друзья мои, что и начало этого брака устроено было Петромъ; однакожь Герцогъ Голштинскій былъ общимъ любимцемъ родителей Невѣсты своей: и Екатерина, также какъ и Супругъ Ея, во всякомъ случаѣ показывала Свою особенную къ Нему привязанность. Она желала даже, чтобъ Герцогъ участвовалъ въ дѣлахъ государственныхъ, и для того назначила его однимъ изъ главныхъ членовъ учрежденнаго Ею Верховнаго Тайнаго совѣта, котораго власть превъшала власть Сената и гдѣ разсматривались только самыя важныя дѣла государства. Если бы царствованіе Ея было продолжительнѣе, Она, вѣроятно, возвратила бы Герцогу и Шлезвигское владѣніе, отнятое у Него Даніей, въ послѣднюю войну Русскихъ съ Шведами: всѣ приготвленія къ морскому походу противъ Датчанъ были уже сдѣланы и многочисленный флотъ готовъ былъ въ Ревель и Кронштадтѣ. Но ранняя смерть

прекративъ неутомимую дѣятельность Императрицы и всѣ Ея прекрасныя намѣренія, лишила народъ Рускiй Государыни, въ полной мѣрѣ оправдавшей своимъ царствованіемъ, справедливость судьбы, такъ блистательно возвысившей Ее отъ бѣдности и сиротства до знаменитѣйшаго изъ троновъ Европы! Она скончалась 6 мая 1727 года, но за нѣсколько времени до кончины успѣла утвердить будущее спокойствіе покидаемаго Ею царства объявленіемъ духовной, въ которой наследникомъ престола назначенъ былъ внукъ Петра I-го, — *Петръ Алексіевичъ II*. Родныя же дочери Ея — Великія Княжны Анна и Елисавета, получали право на корону только въ такомъ случаѣ, если бы Петръ II умеръ безъ наследниковъ мужескаго пола. Здѣсь видна справедливость Императрицы, справедливость сохраненная Ею, не смотря на всю материнскую любовь Ея къ дочерямъ: царствованіе Великаго Князя обѣщало Рускимъ болѣе прочное

счастіе нежели царствованіе которой
нибудь изъ пешокъ Его, и этого было
довольно для супруги Петра: наслѣ-
дница любви Его къ народу во всей
цѣлости сохранила драгоцѣнное наслѣ-
діе Свое, и свято исполнивъ Свою
обязанность, спокойно и безъ сожа-
лѣнія распалась съ жизнью, въ ко-
торой не находила радостей послѣ
кончины Супруга Своего.

ПЕТРЪ II
И
КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ.

Отъ 1727 до 1728 года.

(Пер. 1 года).

Одиннадцати - лѣтній Императоръ
Петръ II взошелъ на престолю въ
день кончины Екатерины: и бояре,
и народъ единодушно назвали Его—
Государемъ своимъ. Кромѣ законныхъ
правъ Его — за него былъ сильнѣйшій
вельможа тогдашней Россіи: Князь
Александръ Даниловичъ Меншиковъ.
Пора вамъ, милые чипашели мои, уз-

нашъ подробнѣе объ этомъ примѣчательномъ лицѣ въ исторіи нашего отечества.

Я не буду описывать вамъ, какъ онъ—изъ самаго ничтожнаго человека, чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался — не только знаменитѣйшимъ вельможею въ царствѣ, но и любимѣйшимъ другомъ Государя—вы уже знаете это. И такъ поговоримъ о томъ, какъ онъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастья, не умѣлъ удержаться на высотѣ его и упалъ, упалъ ужасно! Причиною этого паденія были—жадность къ богатству и гордость, отъ которыхъ происходятъ обыкновенно почти всѣ несчастія людей. Сидѣвъ унижающія человека спращи помрачали достоинства Меншикова и наконецъ взяли такую власть надъ душою его, что при всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было воспользоваться чѣмъ нибудь для выгодъ своихъ—онъ пользовался; при всякомъ случаѣ, гдѣ только можно было показать властолюбіе свое — онъ показывалъ ихъ!

Отсюда происходило то, что никто не любилъ его, никто не желалъ ему добра; но зная власть, какою пользовался онъ при дворѣ—всякой боялся его. Эта власть очень уменьшилась въ послѣдніе годы царствованія Петра I-го, потому что правосудный Государь узналъ о многихъ дурныхъ дѣлахъ Своего любимца, и даже, не одинъ разъ, отдавалъ его подъ судъ за несправедливое присвоеніе чужихъ имѣній и денегъ, но со времени восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, которой сердце, увлекаясь чувствомъ благодарности, видѣло въ Меншиковѣ только хорошія качества его, власпъ знаменитаго вельможи достигла высочайшей степени и продолжалась во все время Ея царствованія. Всѣ недовольные, начинавшіе, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петра I-го, громко роптать на притѣсненія Князя, умоляли или въ спѣнахъ душныхъ темницъ, или въ степяхъ холодной Сибири. Всѣ родственники ихъ, напуганные самовластіемъ

любимца Государыни, не смѣли возобновлять жалобъ несчастныхъ и ожидали опть одного Бога облегченія спрдаданій своихъ. Но долго печальныя сердца ихъ не могли дождаться этого облегченія: съ каждымъ днемъ могущество Князя Меншикова увеличивалось, и наконецъ, съ кончиною Императрицы еще болѣе ушвердилось: въ духовной Ея назначалась невѣстою молодого Императора — дочь Александра Даниловича, Княжна Марія Александровна! Нельзя описать ужаса, какой почувствовали всѣ непріятели Меншикова: услышавъ объ этой новостии, и въ то же время узнавъ, что будущій тещь Государя, въ то же день перевезъ Его изъ дворца въ свой собственный домъ.

Съ этого времени началось полновластное владычество Меншикова надъ Россіей. Онъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами государственными, хотя въ духовной Екатерины и назначена была до шестнадцати-лѣтняго возраста Им-

ператора *Правительственная опека*, состоявшая изъ дочерей Ея: Анны и Елисаветы, Герцога Голштинскаго, супруга Анны, Епископа Любскаго, жениха Елисаветы и шести членовъ Верховнаго Совѣша. Будучи однимъ изъ сихъ членовъ, Меншиковъ съ перваго дня присвоилъ себѣ всю власть; оспальныя же пачь, Князья: *Голицынъ* и *Долгорукий*, Графы: *Головкинъ* и *Остерманъ* и генераль-адмиралъ *Атраксинъ*, только исполняли приказанія его, отъ копорыхъ не могъ избавляться и самъ Герцогъ Голштинскій: поведеніе гордаго честолюбца сдѣлалось наконецъ такъ нестерпимо, что Великая Княгиня Анна и Супругъ Ея должны были уѣхать изъ Россіи. Тогда-то Меншиковъ вообразилъ, что всѣ желанія его исполнились, и Герцогъ Голштинскій, послѣдній непріятель, котораго онъ болѣе всѣхъ боялся, побѣжденъ. И подлинно, послѣ отъѣзда старшей дочери Великаго благодѣтеля его, кого могъ онъ бояться? Царевна Елисавета была еще

такъ молода, что не могла имѣть никакого вліянія на дѣла государственныхъ. Ее занимали забавы, почти дѣтскія: Императоръ, незадолго передъ шѣмъ праздновавшій двѣнадцатый годъ своего рожденія былъ уже обрученъ съ дочерью Меншикова, и жилъ въ его домѣ!

Но какъ часто ошибаются люди въ самыхъ вѣрныхъ расчетахъ своихъ! Рѣдко кто испыталъ это въ такой степени, какъ честолюбивый Князь Меншиковъ! Въ то самое время, какъ онъ съ гордымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на свою прекрасную Марію, за которую народъ Рускій уже молился въ церквахъ, какъ за обрученную невѣсту Государя, въ то самое время, какъ онъ мечталъ о новомъ соединеніи семейства своего съ домомъ царскимъ чрезъ бракъ сына своего съ сестрою Императора, Царевною Наталіею Алексѣевною— враги его искусно приготовили ему гибель!

Сии враги были не тѣ безсильные и обиженные родственники семейства, казенныхъ или сосланныхъ за оскор-

бленія Меншикову — нѣтъ! это были враги — самые могущественные изъ всѣхъ ненавидѣвшихъ его, это были — Князя Долгорукіе!

Еще въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ начались ссоры ихъ съ Меншиковымъ, и продолжались нерѣшительно до шѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, пятнадцатилѣтній Князь *Иванъ*, сынъ Князя Алексія Долгорукаго не подружился съ молодымъ Императоромъ. Богъ, какъ бы желая показать, сколь ничтожны предъ нимъ всѣ хитро обдуманые планы человека, выбралъ этого юношу для того, чтобы наказать гордость Меншикова. Князь Иванъ былъ ловокъ, спашень, всегда веселъ; онъ умѣлъ занимать Государя, разнообразить его удовольствія, предупреждать его желанія. Вскорѣ Государь, привыкнувъ къ молодому поварищу своему, хотѣлъ безпрестанно видѣть его. Но строгій надзоръ хитраго врага разстроивалъ эти свиданія, и только на охотѣ друзья могли поговорить со всею свободою.

Государь, и безъ того, очень любившій эту забаву, приспрастился къ ней еще болѣе съ тѣхъ поръ какъ полюбилъ своего милаго Ивана Алексѣевича. Здѣсь-то, заѣзжая въ двоємъ, иногда нечаянно, а иногда и нарочно въ густую чащу лѣса, Петръ и любимецъ его свободно разговаривали о разныхъ дѣлахъ придворныхъ. Здѣсь-то Князь Долгорукій, по наставленію отца, сказывалъ Государю о тайныхъ замыслахъ Меншикова, о томъ какъ онъ хочетъ посредствомъ брака своей дочери завладѣть всею властію Царскою. Петръ находилъ эти замѣчанія справедливыми: Онъ не любилъ гордаго Князя, не любилъ и Маріи, не смотря на всю красоту ея; довѣрчиво повѣрялъ Онъ самыя тайныя мысли свои любимому другу, и какъ же обрадовался томъ, когда узналъ изъ нихъ, что невѣста Царская не владѣла сердцемъ жениха своего! Услышавъ объ этомъ, враги Меншикова смѣлѣе приступили къ дѣлу, а между тѣмъ онъ самъ, безразсуднымъ по-

веденіемъ своимъ, какъ будто помогаль всѣмъ ихъ намѣреніямъ. Вы согласишесь съ эшимъ, милья дѣши, когда узнаете, что онъ дѣлалъ. Купечество Пешербургское, чрезвычайно любившее молодаго Государя, поднесло Ему въ это самое время 9000 червонныхъ. Петръ, самый нѣжный изъ братьевъ, хотѣлъ подарить эшими деньгами сестру свою Великую Княжну Напалію и потчасъ же послалъ ихъ къ Ней съ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ. Меншиковъ встрѣпилъ посланнаго, узналъ куда несутъ онъ деньги, и нисколько не думая о дерзости поступка своего, сказалъ: *Императоръ еще такъ молодъ, что не можетъ знать какъ должно употреблять деньги: отнеси ихъ ко мнѣ.* Привыкнувъ безъ всякихъ прошиворѣчій повиноваться Князю, посланный и на этомъ разъ исполнилъ волю его. На другой день, Государь узналъ объ этомъ, и гнѣвъ Его былъ такъ великъ, что Меншиковъ едва могъ вымолишь себѣ прощеніе, и можетъ быть ошъ этого

неожиданнаго случая чрезъ нѣскольکو дней захворалъ. Болѣзнь его была даже опасною. Въ это время Долгорукіе дѣйствовали всѣми силами прошивъ врага своего. Меншиковъ послѣ выздоровленія, самъ доставилъ имъ новое средство къ своей гибели. Вмѣстѣ того чтобы отправишься въ Пешергофъ, куда переѣхалъ Дворъ во время его болѣзни, онъ поѣхалъ на свою дачу Ораніенбаумъ, гдѣ надобно было освящать церковь. Меншиковъ послалъ пригласить на это пражникъ Государя со всѣмъ дворомъ. Но Петра уговорили отказатьсь отъ этого приглашенія. Гордый Князь, ослѣпленный несчастнымъ честолюбіемъ, искусно скрылъ досаду на отказъ, и чтобы не подать никому изъ приближенныхъ своихъ малѣйшаго понятія о немилости къ нему Государя, старался показать величіе свое болѣе обыкновеннаго и забылся до того, что во время освященія церкви, занялъ мѣсто Императора, приготовленное въ видѣ про-

на ! Въ томъ же день, Государь узналъ объ этой новой, величайшей дерзости, и Меншиковъ уже не видалъ Его больше ! Напрасно поѣхалъ онъ тотчасъ послѣ праздника своего въ Петергофъ: Императоръ уѣхалъ опшуда на охоту; напрасно поѣхалъ потомъ въ Петербургъ и два дня ожидалъ возвращенія Государя въ домъ свой: разгнѣванный Петръ не только не возвратился, но даже приказалъ всѣ вещи свои перевести въ Лѣпній дворецъ, и на другой день пріѣзда своего шуда, 7 сентября 1727 года, послалъ генерала Салтыкова объявить Меншикову, чшобъ онъ не входилъ ни въ какія дѣла и не выѣзжалъ изъ дома; 9-го сентября несчастный горделивецъ получилъ приказаніе ѣхать въ Раніенбургъ, городъ самимъ имъ выстроенный и теперь находящійся въ Рязанской губерніи. Это новое приказаніе, вовсе неожиданное поколебало твердость несчастнаго, но онъ еще и шуть умѣлъ скрыть горестъ свою, и только отчаянная супруга и

дѣши его отправились къ Государю умолять о помилованіи. Никто изъ нихъ не былъ допущенъ до Него, и бѣдныя, всѣми оставленные, въ неопи-санномъ положеніи возвратились въ великолѣпный дворецъ свой, гдѣ каж-дая комната, царскою пышностію сво-ею жестоко напоминала имъ потерян-ное величіе! Однакожь Меншиковъ ду-малъ и въ изгнаніи сохранить это ве-личіе и пошому выѣхалъ изъ Пепер-бурга съ такою многочисленною сви-стою и въ такихъ богатыхъ экипа-жахъ, что враги его, раздосадованные этою неумѣстной важностію, выпро-сили у Государя новое повелѣніе опеча-тать всѣ его вещи и оставишь ему только самое нужное. Это было испол-нено въ Твери. Отсюда уже несчаст-ный поѣхалъ какъ совершенный изгнан-никъ, и не въ Раніенбургъ, но былъ сосланъ въ Сибирь, въ опдаленный го-родъ Тобольской губерніи, *Березовѣ*. Го-респная жена и дѣши, ѣхали съ нимъ же, и величайшимъ наказаніемъ, послан-

нымъ опъ Бога гордой души Меншикова, было : видѣшь семейство свое, еще такъ недавно окруженное счастьемъ и славою, теперь покрытое стыдомъ и бѣдностію ! съ особенною грустію смотрѣлъ онъ на свою любимицу, на свою милую Марію, обрученную невѣсту Государя ! кто бы могъ предсказать ей малѣйшее несчастіе за три мѣсяца назадъ, въ эту торжественную минуту, когда Архіепископъ Новгородскій Теофанъ, подаль ей кольцо Императора ! Кто бы могъ подумать тогда что она когда нибудь поѣдетъ въ Сибирь въ простой телѣгѣ изгнанника ? Вотъ какъ невѣрна, какъ переменчива участь людей, милыя дѣши ! Надобно помнить это всегда при самомъ величайшемъ счастьи нашемъ, а не думать, какъ думалъ гордый Александръ Даниловичъ, который только тогда повѣрилъ возможности своего бѣдствія, когда оно постигло его. Однакожь отдадимъ ему справедливостъ въ томъ, что онъ не впалъ въ отчаяніе, опъ ужаснаго переворота

судьбы своей даже и тогда, когда бѣдствія его еще увеличились поперею супруги, ослѣпшей отъ слезъ и скончавшейся отъ горести на дорогѣ. Напрощивъ того, казалось, что съ каждымъ новымъ ударомъ, онъ получалъ и новую твердость. Это происходило отъ того, что онъ началъ болѣе думать о Богѣ и будущей жизни; началъ раскаиваться въ дурныхъ поступкахъ своихъ и молить о прощеніи. Богъ, никогда не оставляющій безъ исполненія такихъ молитвъ — принималъ его раскаяніе и посылалъ ему за то спокойшіе души, такъ что во время несчастной жизни своей въ *Березовѣ* нерѣдко чувствовалъ онъ себя довольнѣе и веселѣе, нежели въ то время, когда былъ первымъ вельможею въ столицѣ. Дѣти его, слушая наставленія отца, сдѣлавагося очень благочеснымъ, раздѣляли чувства его. Вскорѣ положеніе ихъ сдѣлалось еще пріятнѣе: получая десять рублей въ день на свое содержаніе, Меншиковъ издерживалъ очень

мало, и изъ ospальныхъ опъ каждаго дня вскорѣ накопиль сполько, чпо могъ поспроить въ бѣдномъ городкѣ Березовѣ, мѣспѣ своего изгнанія, деревянную церковь. Часпо и онъ, и сынъ его, бывшій принадашилѣпъ уже Оберъ-Камергеромъ Петра II, прудились собственными руками надъ этою поспройкою; молодыя же Княжны шили въ это время покровы для алпая, и одежды для священника. Часпо радость разливалась въ сердцахъ ихъ за этой работой: оцъ утѣщались спокойспвѣемъ оипца, болѣе нежели прежде самыми великолѣпными праздниками, на копорыхъ не рѣдко лице его было угрюмо и сердито. Такъ текла жизнь изгнанниковъ. Вдругъ жестокое несчастіе снова вспревожило уже успокоенныя сердца ихъ: Марія, кропкая, любимая всѣмъ семейспвомъ, умерла опъ оспы! Гореспный отецъ былъ неутѣшенъ; чрезъ нѣскольо мѣсяцевъ, и именно 22-го октября 1729 года скончался и онъ опъ апоплексическаго удара. Его по-

хоронили въ церкви имъ построеной, подлѣ дочери. Такъ кончилась судьба счастливица , которому долго завидовали всѣ вельможи, окружавшіе пронѣ Россіи ; такъ правосудный и милосердый Богъ смирилъ гордость его и исцѣлилъ сердце отъ пороковъ. Меншиковъ, въ послѣдніе два года своей жизни, благодарилъ Бога за несчастіе, исправившее его , и говорилъ , что счастливъ бы онъ былъ , еслибъ ему нужно было отдать въ будущемъ мѣрѣ отчепъ только за ту жизнь, которую онъ провелъ въ *Березовѣ*. Сынъ и дочь его, *Александра*, возвращены были изъ ссылки чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны.

ДОЛГОРУКІЕ.

Отъ 1728 до 1730 года.

(Пер. 2 лѣтъ).

Въ то время какъ знаменитое семейство Меншиковыхъ такъ жестоко испытывало непоспоянство судьбы и счастья,—главные враги его, Князья Долгорукіе, торжествовали въ полной мѣрѣ. Они сдѣлались первыми въ Имперіи. Государь былъ неразлученъ съ любимцемъ своимъ, и родственники молодого Князя получали чрезъ него, все чего желали.

Иванъ Алексѣевичъ, не смотря на свои молодыя лѣта, былъ очень хитръ, и умѣлъ искусно поддерживать привязанность къ нему Петра. Конечно это не было очень трудно, при четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ Императора. Спало только угождать Его желаніямъ — а Долгорукій дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что желанія молодого Государя часто были согласны съ его собственными. Такъ, напримѣръ, они оба любили охоту, и никакія важныя занятія и даже никакая погода не могла остановить ихъ отъ этой забавы; они предавались ей такъ неумѣренно, что здоровье Петра, отъ природы слабое и нѣжное, начало разспроиваться. Можно бы подумать, что, почувствовавъ это, Онъ и другъ Его сдѣлаются осторожнѣе, и особенно послѣдній, какъ старшій, остановитъ излишнюю живость Государя и подастъ Ему полезный совѣтъ, беречь жизнь, драгоценную для такого множества людей. Но вмѣсто того, Долгорукій не остано-

навливалъ Его, попому что прошиворѣчіе въ эпомъ случаѣ, не правилось Государю, а хитрый любимецъ, избѣгалъ всего что могло бы обратитъ на него малѣйшее неудовольствіе; къ тому же ему совсѣмъ не было время ни думать о здоровьѣ Императора. Въ головѣ его вериглась другая мысль, которая удивилась вась своею смѣлостію, милья дѣши: у Ивана Алексѣевича была сестра, прекрасная сердцемъ и наружноспію, крошкая, милая, отлично образованная. Въ то время, когда Императоръ сговоренъ былъ съ дочерью Меншикова, судьба Екатерины Алексѣевны Долгорукой казалась уже рѣшевною: она любила Графа Вратислава, брата Нѣмецкаго посланника и была уже почти обручена съ нимъ. Но паденіе Меншиковыхъ, открыло Долгорукимъ столько новыхъ надеждъ, сполько новыхъ средствъ къ возвышенію, что ослѣпленные счастіемъ, позабыли все благоразуміе и вмѣсто того чтобы сдѣлаться оснорожиѣ послѣ разинель-

наго бѣдспвія Александра Даниловича, они погубили свое счасіе точно также, какъ и онъ. Честолюбіе ихъ, кажется, было еще сильнѣе: Меншиковъ, спараясь выдать дочь за Петра II, угождалъ не только своимъ собственнымъ желаніямъ, но и желаніямъ прекрасной Маріи. Напрошивъ того, Екатерина Долгорукая, въ высокомъ званіи невесты Государя, видѣла свое несчастіе, потому что давно уже привыкла почитать женихомъ своимъ другаго. Но гордые отецъ и братъ, не вѣря, чѣмъ можно было добровольно отказаться отъ величія и блеска, не хотѣли и слышать, чѣмъ планъ ихъ могъ вспрѣпятъ малѣйшее помѣшательство, и бѣдная Княжна должна была скрыть всю горестъ, перзавшую ее и съ лицомъ довольнымъ и счастливымъ объявить Императору о своемъ согласіи. Петръ былъ въ восхищеніи: прелестная Екатерина понравилась ему съ той самой минуты какъ онъ, по хитрому распоряженію Ивана Алек-

сѣевича, въ первый разъ увидѣлъ ее въ подмосковномъ домѣ Долгорукихъ.

19 Ноября 1729 года, Государь въ полномъ совѣтѣ вельможъ и бояръ, объявилъ свое намѣреніе женишься и имя невѣсты. Никто не осмѣлился сказать слова прошивъ такого рѣшенія: всѣ боялись Долгорукихъ. 30-го числа того же мѣсяца было торжественное обрученіе. Чтобы вы, милыя дѣти, могли видѣть какъ много отличались уже тогдашніе нравы и обычаи предковъ нашихъ отъ прежнихъ, старинныхъ, я расскажу вамъ нѣсколько подробнѣе объ этомъ знаменитѣйшемъ днѣ въ исторіи Князей Долгорукихъ. Вы вѣрно помните всѣ Царскія свашьбы, кошорыхъ описанія читали въ этихъ рассказахъ. Сравните же ихъ съ слѣдующимъ :

Въ день обрученія Государева назначено было собраться къ 3-му часу по полудни есему двору и всѣмъ иноспираннымъ министрамъ въ Лефоршовомъ дворцѣ. Государь въ это время

со всѣмъ дворомъ жилъ въ Москвѣ. Петръ II любилъ Москву болѣе Пешербурга, и провелъ въ ней почти все время Своего царствованія. Онъ уѣхалъ туда потчасъ послѣ наденія Меншикова, и уже не возвращался болѣе въ Пешербургъ. Царское семейство соснавляли въ то время: Царица *Евдокія Теодорова*, освобожденная изъ заключенія при самомъ вступленіи на престола внука своего, Царевна *Елисавета Петровна*, Герцогиня *Мекленбургская Екатерина Иоанновна* съ дочерью и Царевна *Параскевія Иоанновна*. Всѣ онѣ приглашены были чрезъ Гофмаршала *Шепелева*. Князь *Алексѣй Григоріевичъ Долгорукій* и всѣ ближніе родственники его удостоились особеннаго приглашенія для сопровожденія невѣсты во дворець. Одна изъ обширѣйшихъ залъ приготовлена была для пышнаго собранія. На одной сторонѣ ея сидѣли государственные чины и дворянство, на другой — иностранные послы съ своими свитами. По срединѣ залы, на коврѣ

персидскомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, поддерживаемомъ шестью Генераль-маіорами, поставленъ былъ столъ, покрытый золотою парчею; на немъ стояло золотое блюдо съ крестомъ и обручальными кольцами. Архіепископъ Новгородскій и съ нимъ высшее духовенство, занимали ближайшія мѣста подлѣ балдахина.

Въ то время когда все уже готово было къ принятію Ея Высочества, Невѣсты (такъ ее называли тогда) — она съ торжественною церемоніею, приближалась ко дворцу въ придворной каретѣ, запряженной въ шесть лошадей. Впереди кареты шли скороходы и чепыре пажа; верхомъ ѣхали Шталмейстеръ, придворные фурьеры и грендерская гвардія; сзади ѣхалъ Камеръ-пажъ, а у кареты шли гайдуки и служители. Родственницы и дамы невѣсты ѣхали въ другихъ каретахъ. Какъ скоро Княжна пріѣхала ко дворцу — вдовствующая Царица со всею Императорскою фамиліею и дамами вышла

встрѣшилъ ее на лѣстницѣ. Можно смѣло сказать, что въ эти минуты при всемъ дворѣ не было никого счастливѣе семейства Долгорукихъ, и особенно молодаго Князя Ивана Алексѣевича. Какъ Оберъ-Камергеръ, онъ принялъ сеспіру свою изъ кареты, и торжественно велъ до дверей залы, гдѣ встрѣтилъ ее самъ Императоръ. Здѣсь рѣшительно сказали вамъ, друзья мои, нѣсколько словъ о наружности этого молодаго Государя. Онъ былъ высокъ и строенъ, полноша шѣла придавала ему видъ нѣсколько спарѣе Его пятнадцатилѣтняго возраста. Лице Его, пріятное и правильное, отъ частой ѣзды на охопу, было покрыто загаромъ и потому казалось мужественно, не смотря на осѣнявшіе его нѣжные, бѣлокурые волосы. Мундиръ свѣтлаго сукна, вышитый золотомъ, придавалъ въ тошъ день красивой наружности Императора еще болѣе привлекательности и блеска.

Прекрасная невеста, не смотря на привязанность свою къ прежнему

жениху, не могла не замѣтить пріятности и величія, съ которыми Императоръ принялъ ее изъ рукъ брата и проводилъ до кресель, поставленныхъ подъ балдахиномъ. Чтожь касается до нее самой, то въ этотъ великій для нее день, она въ полной мѣрѣ заслуживала названіе прекрасной. Все, казалось, было придумано и самымъ лучшимъ образомъ исполнено, чтобы возвысить природную красоту ея. Прелестно было и бѣлое газетовое платье ея, вышитое золотомъ, и волосы ея, завишые въ пышные локоны спереди, и заплетенные въ гладкіе косы сзади, и крупный жемчугъ, обвивавшій ихъ и блестящая діадема, придававшая ей горделивой видъ Царицы! Какъ скоро Архіепископъ Новгородскій совершилъ обрученіе, Государь приложился вмѣстѣ съ невѣстою къ кресту и потомъ повѣсилъ на правую руку ея, портретъ Свой. Въ эту минуту началась пушечная пальба и продолжалась во все время пока Обрученные принимали поздравленіе. Послѣ

священнаго обряда невѣста считалась уже почти Государынею; при поздравленіи, всѣ присуществовавшіе цѣловали у ней руку. Она отвезена была домой въ Императорской каретѣ, запряженной въ восемь лошадей, и придворный караулъ отдавалъ ей честь барабаннымъ боемъ. Въ сей торжественный день всѣ вельможи съ завистію смотрѣли на счастье Долгорукихъ; имъ казалось, что никогда нигде еще не достигалъ подобнаго! Но чѣмъ же кончилось это великое счастье? Ахъ! горесноно расскажем, милья дѣни! Прежде нежели прошли два мѣсяца послѣ обрученія — Княжна Долгорука вѣдѣла со всѣмъ семействомъ своимъ и со всею Россіею, оплакивала кончину Царственнаго жениха своего!

Это было ужасное происшествіе для нашего отечества! Еще 6-го января молодой Государь былъ совершенно здоровъ и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа пріѣхалъ на парадъ Крещенскій, стоя на запяткахъ за санями

невѣсты. Но эпощь - то самый парадъ и причинилъ несчастіе Россіи. Читатели мои знаютъ, что около Крещенья у насъ бываетъ очень холодно, а спюяпъ на льду рѣки, гдѣ обыкновенно строится храмъ Іордани, надобно довольно долго. Въ 1750 году эта церемонія въ Москвѣ видно была еще продолжительнѣе, нежели бываетъ нынче у насъ, въ Пешербургѣ, попому что въ запискахъ того времени рассказывается, что Государь провель на льду около 4-хъ часовъ! Возвращясь во дворецъ, Онъ жаловался на сильную головную боль и на другой же день слегъ въ постель; сначала доктора приняли болѣзнь Его за горячку, потомъ узнали въ ней оспу, кошорая дѣлала ужасныя опусношенія въ пѣ времена, когда еще не знали, что можно прививать ее.

Петръ II сдѣлался ея жертвою и скончался 29-го января 1750 года, въ тощъ самый день, кошорый назначень былъ днемъ брака Его! царспвованіе

этого Государя, не смотря на чрезвычайную молодость Его и все легкомыслие, съ которымъ Онъ, увлекаемый любимцемъ своимъ, предавался забавамъ и удовольствіямъ, почиталось Рускими за одно изъ счастливейшихъ. Во все продолженіе его, они не имѣли ни съ кѣмъ войны;—видѣли заботливостъ молодого Государя о народѣ въ уменьшеніи налоговъ, видѣли радость, съ какою Онъ, при самомъ началѣ Своего царствованія, спѣшилъ освободить изъ заключенія, свою бабушку, Царицу Евдокію Феодоровну; наконецъ видѣли привязанность Его къ старинѣ, все еще любимой многими — въ томъ предпочтеніи, которое Онъ явно отдавалъ Москвѣ предъ Петербургомъ. Все это вмѣстѣ соединясь со многими, истинно хорошими качествами Петра II, внушало Рускимъ столько любви къ Нему, что они всѣ согласно называли Его своею *Надеждою*.

Чтобъ доказать вамъ, милыя дѣ-
ши, какъ много оправдывалъ Онъ это
прекрасное названіе, я выпишу здѣсь
письмо, писанное имъ къ сестрѣ Его, Ве-
ликой Княжнѣ, Напаліи Алексіевнѣ, въ
самый день восшествія Его на престоль:
„Богу угодно было назначить меня въ
столь юныхъ лѣтахъ Государемъ Рос-
сійскимъ. Первымъ долгомъ моимъ,
будешь пріобрѣсти славу добраго Мо-
нарха, и управляти народомъ моимъ
справедливо и богобоязненно. Я буду
стараться покровительствовать и
помогать несчастнымъ, буду оказы-
вать пособіе бѣднымъ; внимать гла-
су невинно - угнетенныхъ, и — слѣдуя
примѣру Императора Веспасіана, ни-
кого съ печалію не опускаю отъ
себя.“ Послѣ такого письма судише
какихъ прекрасныхъ дѣлъ, можно было
ожидать отъ одиннадцати - лѣтняго
Государя, написавшаго его, и какую го-
рестъ чувствовалъ народъ, получивъ
извѣстіе о Его кончинѣ! она шѣмъ
болѣе поразила его, что молодой

Императоръ, былъ послѣдній изъ потомковъ того поколѣнія Царей, которые съ восшествіемъ своимъ на престоль, такъ быспро перемѣнили разсброенное и слабое соспояніе Россіи, въ спройное и могущественное. Оплакивая *Надежду* свою, народъ, казалось забывалъ, что у него были еще *Княжны* эшаго обожаемаго поколѣнія.

Въ слѣдующемъ расказѣ вы узнаете, милые читатели мои, которая изъ нихъ будетъ избрана наслѣдницею Петра II-го. Теперь же я окончу описаніе Его царствованія, сказавъ вамъ, что однимъ изъ главныхъ происшествій, при Немъ случившихся, было открытіе Ладожскаго канала. начатаго при Петрѣ I-мъ. Безчисленныя выгоды, происшедшія для жителей Петербурга опъ этого важнаго водянаго сообщенія, заставили ихъ снова благословлять предусмоприпельный геній незабвеннаго Преобразователя Россіи.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА

1730 годъ.

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ право на престолъ Рускій, былъ еще — кромѣ Царевны Елисаветы Петровны и дочерей Царя Іоанна Алексіевича: Екатерины и Анны — маленькій, двухлѣтній принцъ Голштинскій, *Петръ Антонъ Ульрихъ*, сынъ Великой Княгини Анны Петровны, скончавшейся за годъ предъ тѣмъ. Права его, сильныя по близкому родству съ покойною Императрицею, дѣлались еще сильнѣе, потому что Герцогиня Голштинская была любимая дочь Петра І-го и какъ

свидѣтельствуютъ нѣкоторые историки того времени, назначенная Императрицею наследница престола въ случаѣ смерти Петра II-го бездѣшнымъ. Но на этотъ разъ маленькій принцъ удаленъ былъ отъ престола, и корона Руская опдана двоюродной теткѣ его, Герцогинѣ Курляндской, *Аннѣ Иоанновнѣ*.

Члены Совѣща имѣли особенныя причины для этого выбора: насмотрѣвшись на могущество Менщикова во время царствованія Императрицы *Екатерины*, и Долгорукихъ—при Государѣ несовершенно-лѣтнемъ, они увлеклись примѣромъ властолюбія, и не размышляя о томъ, что народъ Рускій можетъ быть счастливымъ — только въ правленіе Государя самодержавнаго, осмѣлились думать объ увеличеніи собственной власти. Для этого надобно было долго обдумывать планъ свой, долго разсуждать о перемѣнахъ вовсе несвойственныхъ для народа Рускаго, а времени было мало! И такъ, чтобъ успѣть сдѣлать всѣ распоряженія, не-

обходимыя для исполненія дерзкаго намѣренія, члены Верховнаго Совѣта избрали не Герцогиню Екатерину Иоанновну, старшую дочь Царя Иоанна Алексіевича, жившую въ то время въ Москвѣ, но младшую сестру ея, Герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну, находившуюся въ Митавѣ. Пока новая Императрица успѣла бы узнать о семъ избраніи, и даже пока собирались отправити къ ней депешаповъ съ эшимъ извѣстіемъ, можно было многое обдумать, устроити и исполнити. Такъ и сдѣлали члены совѣта, которыми были тогда: великій Канцлеръ, Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, Князья: Димитрій и братъ его, Михаилъ Михайловичи Голицыны; Князья: Василій Лукичъ, Василій Владимировичъ, Михаилъ Владимировичъ и Алексій Григорьевичъ Долгорукіе. Одинъ только Вице-Канцлеръ, Баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, не участвовалъ въ намѣреніяхъ своихъ товарищей: видя несправедливость ихъ, и чувствуя себя

неспособнымъ спорить противъ шестерыхъ, онъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался на то время отъ всякаго участія въ дѣлахъ Совѣта и даже не подписалъ приглашительнаго акта на имя Герцогини Курляндской о принятии престола съ ограниченою властію: когда эта бумага привезена была членами Совѣта на домъ къ Остерману, онъ сказалъ, что съ нимъ вдругъ случился въ правой рукѣ припадокъ хирагры, не позволявшій держать пера. *) Отправляя къ Аннѣ Іоанновнѣ Князя Василія Лукича Долгорукаго, Князя Михаила Михайловича Голицына и генераль-маіора Леоніева, они успѣли написать по своему желанію просьбу народа Рускаго о восшествіи Ея на

*) Такого рода болѣзни случались съ Графомъ Остерманомъ почти всякой разъ, какъ онъ находился въ какихъ нибудь сомнительныхъ обстоятельствахъ: такъ однажды, во время могущества Меншикова, не желая принять на себя одного изъ порученій его, онъ натеръ себѣ лице винными ягодами и увѣрилъ всѣхъ, что у него желтуха.

престоль. Чѣтобы вы, милые чашапели мои, могли понять нѣсколько въ чемъ состояли желанія ихъ, я выпишу нѣкоторыя снати условій, предложенныхъ Императрицѣ

Главная и первая изъ нихъ состояла въ томъ, чѣтобы избранная Государыня управляла царствомъ по опредѣленіямъ Верховнаго Совѣта. Попомъ, требовали ошъ Нее, чѣтобы Она сама собою не объявляла войны и не заключала мира, чѣтобы не налагала новыхъ податей, не раздавала важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, не располагала казенными имѣніями, наконецъ, не вступала бы въ супружество и не избирала бы наследника безъ согласія Верховнаго Совѣта.

Сдѣлавъ такіа дерзкіа предложенія Государынѣ, которой предки всегда пользовались властію неограниченною, избиратели могли бояться Ея несогласія, особливо, если бы Она заранѣе узнала объ условіяхъ избранія, и попому, подъ смертною казнію запрещено было увѣдомлять о нихъ Императрицу,

прежде нежели прїѣдутъ къ Ней отправленные депутаты. Но не смотря на строгое запрещеніе, нашлись люди, которые чувспивуя болѣе любви къ отечеству и усердія къ пользамъ его, рѣшились предостеречь Государыню. То были: одинъ изъ членовъ Совѣта, Великій Канцлеръ Графъ Головкинъ и зянь его, Графъ Ягушинскій. Послѣдній отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ своего Адьютанта Сумарокова, который, не смотря на строгій карауль, разставленный въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ къ Мишавѣ, успѣлъ проѣхать передѣльный и вручить Герцогинѣ письма своего генерала, за нѣсколько часовъ до прїѣзда депутатовъ. Ягушинскій, въ письмѣ своемъ, совѣтовалъ Императрицѣ согласиться на предложенія, Ей сдѣланныя, и положитьсь во всемъ прочемъ на вѣрныхъ подданныхъ, которые упошребяють всѣ усилія, чшобы возвратить избранной Государынѣ—самодержавную власть Ея предковъ.

Анна Иоанновна исполнила съ почтностію усердный совѣтъ, Ей поданный, и на всѣ желанія пріѣхавшихъ депутатовъ объявила согласіе свое съ такимъ совершеннымъ спокойствіемъ, что, никто изъ нихъ не могъ вообразить, чтобъ оно было только наружное. Государыня умѣла поддерживать это наружное спокойствіе даже и тогда, когда уже пріѣхала въ Москву: всѣ противники Ея считали Ее совершенно довольною образомъ правленія, въ то самое время, какъ Она съ приверженцами своими тайно старалась объ уничтоженіи его. Кромѣ Графовъ: Головкина и Ягушинскаго, на сторонѣ Ея были: Графы Левенвольды, Баронъ Остерманъ, Князья: Трубецкій и Черкасскій, и множество другихъ важнѣйшихъ чиновъ Государства, не говоря уже о дворянствѣ и народѣ, которые не хотѣли слышать о какомъ либо ограниченіи всегда священной для нихъ воли Государей ихъ. Но трудно было дѣйствовать усерднымъ защитникамъ

справедливости. Долгорукіе, жившіе во дворцѣ замѣчали малѣйшіе поступки Императрицы и почти никого не допускали къ Ней. Къ счастью, при Государынѣ была племянница Князя Трубецкаго, дѣвица Прасковья Юрьевна Салтыкова: чрезъ нее, Анна Иоанновна имѣла сношенія съ приверженцами своими и чрезъ нее, 23 февраля, спустя восемь дней послѣ приѣзда Своего въ Москву, получила извѣстіе о просьбѣ, въ которой 276 человекъ подписавшихся умоляли Государыню, отъ имени всего народа, принять самодержавіе, и тѣмъ возвратитъ подданнымъ счастье повиноваться Ей одной. На другой день, въ 8 часовъ утра, дворянство, отслуживъ молебень, приѣхало подтвердитъ просьбу свою лично предъ Государынею. Князя Долгорукіе и Голицыны ужаснулись и не имѣли силы отвратить бурю, собравшуюся надъ головой ихъ: Императрица, не смотря на всѣ старанія Князя Василія Лукича, удержатъ Ее отъ свиданія съ дворянствомъ, при-

казала допустить его къ Себѣ, съ примѣрнымъ удовольствіемъ приняла просьбу, поднесенную Княземъ Трубецкимъ, внимателью слушала, когда читали ее, и тушь же написала на просьбѣ: *быть по селу*. Тотчасъ послѣ этого, Государыня приказала одному изъ приближенныхъ Своихъ, принести бумагу, которую Она должна была подписать въ Митавѣ, и въ присутствіи всѣхъ наддранъ и бросить ее. Приказаніе было исполнено и вслѣдъ за тѣмъ, дана Императрицѣ новая присяга, какъ *Государынѣ Самодержавной*.

Такъ скоро совершилось въ опечествѣ нашемъ происшествіе, которое снова доказываетъ вамъ, милыя дѣти, какъ единодушно Рускіе всегда привержены были къ Царямъ своимъ.

Анна Іоанновна снисходительно поступила съ пропивниками Своими: никто не былъ лишенъ жизни, даже главнѣйшіе изъ нихъ—Долгорукіе, были наказаны ссылкой. Князя же Голицы

ны были только удалены отъ двора и отправлены на службу въ разныя области Сибири. Такое снисхожденіе подавало Рускимъ надежду на крошость правленія новой Государыни, на мапериинское соспраданіе Ея ко всѣмъ несчастнымъ. Быстро разлилась эта радостная надежда по обширной Россіи нашей, но не долго утѣшала ее: сердце Анны сдѣлалось вскорѣ недоступно и для любви вѣрныхъ подданныхъ Ея, и для слезъ, проливаемыхъ ими о потерѣ своего счастья.

Б И Р О Н Ъ.

Отъ 1731 до 1733 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

Не думайте однакожъ, милыя дѣти, чтобы виною эпои потери была Анна Іоанновна. Нѣтъ, Она оставалась все также чувствительна къ судьбѣ народа Своего, какъ была при началѣ Своего царствованія, но многое не доходило до ея свѣденія; главною же причиною всѣхъ бѣдствій Россіи, была излишняя довѣренность Государыни къ Герцогу Бирону, довѣренность, во зло имъ употребленная. Сильное вліяніе этого человѣка на участь подданныхъ

Анны, во все продолженіе Ея десятилѣтняго правленія, дѣлаетъ жизнь его столь примѣчательною для насъ, что милые читатели мои, вѣрно будутъ довольны, узнавъ о ней нѣсколько подробнѣе.

Надобно начать съ того, что дѣдъ его, называвшійся *Биренъ*, былъ конюхомъ при дворѣ Герцога Курляндскаго Іакова III-го. Въ награду за вѣрную службу, онъ получилъ небольшую мызу. У Бирена были два сына; одинъ изъ нихъ дослужился до чина генеральскаго, другой — до капитанскаго.

Капитанъ имѣлъ трехъ сыновей. Всѣ они потомъ были въ Русской службѣ, но мы будемъ говорить о самомъ примѣчательномъ изъ нихъ: о среднемъ — *Эрнестъ Іоаннъ*. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, всѣ замѣчали въ немъ злой нравъ и необыкновенную гордость. Неласковый съ домашними, онъ часто еще угрюмѣе смотрѣлъ на нихъ, когда они съ уваженіемъ вспоминали о дѣдушкѣ: ему казалось что дѣтямъ капитана и племянникамъ генерала, спыдно

говорить о дѣдушкѣ-конюхѣ! И такъ, безъ всякаго сожалѣнія расстался онъ съ родителями своими, когда они оправили его окончить ученье въ Кенигсбергскую Академію. Но это ученье не окончилось какъ должно: молодой Бирень велъ себя въ академіи такъ дурно, что заставилъ почти всѣхъ ненавидѣть себя, и наконецъ принужденъ былъ бѣжать опшуда назадъ въ Курляндію. И здѣсь непріятности встрѣтили его: небольшой доли изъ имѣнія опцовскаго было недоспашочно для надменнаго Эрнеста, чтобы жить безъ службы; а служить тамъ, гдѣ всѣ знали его происхожденіе — ему не хотѣлось! И такъ, онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Это было въ 1714 году, въ то самое время, какъ въ Петербургѣ составлялся дворъ для молодой Великой Княгини Шарлотты, супруги Царевича Алексія Петровича. Ни мало не думая о томъ, что желаніе сдѣлаться придворнымъ, было дерзко по его званію, Эрнестъ началъ искаать себѣ

мѣста Камеръ-юнкера. Но съ нимъ тогда случилось такъ какъ обыкновенно случается съ большою частію гордецовъ: чѣмъ болѣе они думаютъ о себѣ, тѣмъ менѣе думаютъ о нихъ другіе! И нашъ молодой Биренъ, воображавшій, что онъ достоинъ не только Камеръ-юнкерскаго, но даже Камергерскаго чина, получилъ строгій выговоръ за свою дерзость, и — кромѣ того совѣтъ, скорѣе уѣхать изъ Пепербурга. Вы можете представить себѣ, милыя дѣшпи, съ какою досадою, съ какимъ негодованіемъ исполнилъ онъ полученный совѣтъ! Съ тѣхъ поръ, онъ возненавидѣлъ Русскихъ и зашайлъ въ зломъ сердцѣ своемъ, пламенное желаніе отмстить имъ жестоко за показанное къ нему презрѣніе. Съ атиимъ желаніемъ, столь пагубнымъ въ послѣдствіи для предковъ нашихъ, онъ поѣхалъ въ Митаву, и прямо ко двору Курляндской Герцогини, Анны Іоанновны. Тамъ былъ Оберъ-Гофмаршаломъ — добрый и почтенный человекъ, *Бестужевъ*. Биренъ улопре-

билъ всѣ возможные старанія понравиться ему, и съ своимъ хитрымъ умомъ и вкрадчивымъ нравомъ, совершенно успѣлъ въ томъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Гордецъ добивался этого чина, какъ будто по предчувствію счастья, ожидавшаго его при дворѣ. Въ первую мину его представленія шамъ, онъ замѣченъ былъ Герцогинею по красотѣ и спашному росту, а потомъ, когда она поговорила съ новымъ Камеръ-юнкеромъ, то обратила сколько же вниманія на умъ и ловкость его: надменный Эрнестъ, хотя былъ дурно воспитанъ, но умѣлъ хорошо говорить и привлекать къ себѣ сердца тѣхъ, кошорые слушали его. Правда, пріятныя рѣчи его, по большой части несогласны были съ чувствами его холодной души, но какъ же знать объ этомъ тѣмъ, кому онъ говорилъ ихъ? И Анна Іоанновна, вовсе не подозревая коварный нравъ Бирена, видѣла въ немъ молодого человека, привлекашеля-

наго по наружности, отличнаго по уму, имѣвшаго нужду въ покровительствѣ по незнашному происхожденію своему. Она обратила на него такое вниманіе, что въ короткое время возвысила любимца своего, до того, что гордые дворяне Курляндскіе, сперва съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на внука конюхова, принуждены были принять его въ число своихъ членовъ. Не думаете ли вы, милья дѣти, что Биренъ, достигнувъ такого рѣдкаго счастія, сдѣлался лучше? что сердце его, довольствуясь пріобрѣтенною знатностію, перестало быть честолюбивымъ? Нѣтъ, друзья мои, въ томъ и дѣло, что чрезвычайное счастіе рѣдко дѣлаетъ людей лучшими, что напрошивъ того, оно доставляетъ имъ болѣе случаевъ предаваться своимъ слабостямъ. Такъ было и съ Биреномъ—который послѣ камеръ-юнкерства своего уже назывался *Биронолѣ* и увѣрялъ всѣхъ, что онъ происходитъ отъ извѣстной во Франціи фамиліи Герцоговъ *Бироновѣ*,—такъ

было и съ нимъ: чѣмъ болѣе возвышался онъ, тѣмъ болѣе желалъ возвыситься. Средспива, кошорья онъ избиралъ для того, были низки, безсовѣсны. Въ доказательспиво эшого, я раскажу вамъ одинъ только случай, кошорый въ полной мѣрѣ можешъ показать сердце Бирона. Вы помните, что первымъ благодѣтелемъ его при дворѣ Курляндскомъ, былъ Оберъ Гофмаршалъ Беспужевъ? Чшожь? Какъ скоро молодой камеръ-юнкеръ овладѣлъ довѣренностію Анны Іоанновны, первымъ дѣломъ его было — вѣроятно для будущаго возвышенія своего — погубишь виновника своего счастія: онъ оклеветалъ Беспужева предъ Герцогинею, кошорая не только удалила его отъ двора, но даже и въ изгнаніи преслѣдовала. После эшого, скажите, милые друзья мои, какихъ злодѣйспвъ нельзя было ожидать отъ Эрнеста Бирона?

Ихъ и ожидали не только въ Курляндіи, но даже и въ Москвѣ, куда очень скоро приходили извѣспія обо всемъ,

что дѣлалось въ Митавѣ, и потому, когда члены Верховнаго Совѣта избрали на царство Анну Иоанновну — однимъ изъ главныхъ условій, предложенныхъ Ей, было то, чтобы любимецъ Ея не прѣзжалъ въ Россію.

Это условіе ни къ чему не послужило: Императрица сохраняла его только нѣсколько дней, и тотчасъ по принятіи самодержавія, послала Бирону приказаніе, прѣхать въ столицу Ея.

Съ восхищеніемъ получилъ Биронъ это приказаніе: наконецъ пламенное желаніе его исполнилось, онъ будетъ повелѣвать Рускими, онъ отмститъ за обиду, ему нанесенную!

Вошъ съ какими чувствами и намереніями Биронъ поѣхалъ въ Россію. Счастіе, ожидавшее его тамъ, не перемѣнило ихъ, и пользуясь всѣми радостями жизни, онъ равнодушно опни-малъ у другихъ не только эти радости, но даже спокойствіе, даже пропитаніе, не рѣдко даже самую жизнь!

О! какъ ужасенъ былъ эшотъ чело-
вѣкъ! какъ ужасно было мщеніе его!
Онъ проливалъ его безъ разбора на
всѣхъ—и всѣ избранныя имъ жертвы
погибали непремѣнно, потому что мо-
гущество его было почти неслыханно!
Анна Іоанновна имѣла слабость испол-
нять не только желанія, но даже са-
мыя прихоти любимца своего: стоило
только запечалиться Бирону и, вмѣ-
стѣ съ Императрицею, всѣ придворные
погружались въ уныніе; стоило толь-
ко показаться улыбка на лицѣ его, и
все развеселялось! Казалось, онъ былъ
волшебникъ, управлявшій по своей во-
лѣ движеніями окружавшихъ его! При
пакой силѣ, кто могъ пропивиться
ему? Съ первыхъ дней пріѣзда его въ
Россію, никто не думалъ о томъ, по-
тому что тогда же все покорилось его
власти: въ день принятія самодержа-
вія, Анна Іоанновна пожаловала его
Камергеромъ и кавалеромъ ордена Св.
Александра Невскаго; чрезъ два мѣсяца
потомъ, при коронаціи — Оберъ-Камер-

геромъ, Графомъ Россійской Имперіи и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Доспигнувъ такимъ образомъ до самыхъ высокихъ почестей, онъ не зналъ равныхъ себѣ во всемъ царствѣ Рускомъ, и отдаллъ опъ престола Государыни, достойнѣйшихъ, усерднѣйшихъ слугъ Ея. Въ числѣ такихъ, примѣчательнѣе всѣхъ былъ Фельдмаршалъ Минихъ. Заслуги сего знаменишаго генерала, какъ ученика и сподвижника безсмертнаго Петра — были равно велики по всѣмъ частямъ государственныхъ дѣлъ, какія поручались ему: въ военное время, онъ счастливо побѣждалъ непрішелей опечества, во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ главное распоряженіе зависѣло опъ него; въ мирное — онъ былъ искуснымъ исполнителемъ великой мысли Петра I-го при основаніи канала Ладожскаго. Вѣдь вы знаете, милые чинашели мои, что Миниху поручены были работы канала, и что онъ привелъ къ окончанію эпотъ важный нуть сообщенія

для нашихъ сѣверныхъ губерній. Кроме того, Минихъ, проникательный и пламенно—любившій Россію, забоиился о пользахъ ея при всякомъ случаѣ: онъ, будучи сдѣланъ въ 1732 году Президентомъ Военной Коллегіи, довель Русское войско до той степени совершенства, какую предназначалъ ему Великій Преобразователь его; онъ, чувствуя какъ необходимы для войска образованные офицеры, подалъ первую мысль объ основаніи Кадетскаго корпуса, и—потомъ, по приказанію Императрицы, прекрасно исполнилъ эту мысль *).

Но всѣ заслуги и достоинства, все усердіе и преданность къ Россіи не спасли Графа Миниха отъ преслѣдова-

*) Кадетскій корпусъ, устроенный подъ надзоромъ Графа Миниха, есть тотъ самый, который существуетъ и теперь, подъ названіемъ *перваго*, и въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ былъ сначала своего основанія: на Васильевскомъ островѣ, близъ Исакиевскаго моста, въ томъ огромномъ и длинномъ зданіи, которое было некогда дворцемъ Князя Меншикова.

ній Бирона : боясь , что рано или поздно , Государыня опличитъ истинно-вѣрнаго подданнаго опъ низкаго льстеца, — надменный любимецъ Ея представилъ въ ложномъ видѣ поступки Графа и успѣлъ удалить его опъ двора. Биронъ. въ такихъ случаяхъ, дѣйствовалъ безъ всякой совѣсти; и если нужно было выдумывать клеветы, несправедливости, обманы, — онъ дѣлалъ это не краснѣя. Такъ , на примѣръ, чтобъ заставить Миниха выѣхать изъ казеннаго дома , въ которомъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ , подлѣ самаго дворца, Биронъ тотчасъ придумалъ сказать, что путь надобно помѣстить племянницу Императрицы, принцессу Екашерину, и тотчасъ доложилъ объ этомъ Государынѣ, и Минихъ) почтенный, заслуженный Минихъ долженъ былъ въ тотъ же часъ исполнить приказаніе, отданное именемъ Анны Іоанновны, и переѣхать въ другой, отдаленный опъ дворца домъ. Но благородная душа Фельдмаршала не надолго осуждена

была терпѣть такое униженіе : въ слѣдующемъ разказѣ вы увидите, милыя дѣви, что въ скоромъ времени послѣ неблаговоленія къ Миниху, и Императрица, и Биронъ должны были прибѣгнуть къ его благоразумію, къ его испытанной храбрости !

ВОИНЫ СЪ ПОЛЫШЕЮ и ТУРЦІЕЮ.

Отъ 1732 до 1739 года.

(Пер. 7 лѣтъ),

13 Февраля 1733 года скончался Король Польскій Августъ II. Такое происшествіе, обыкновенно горестное для народа,—въ Польшѣ, почти всегда соединялось съ сильнымъ волненіемъ во всемъ государствѣ. Имѣя право избирать королей своихъ, непокойные Поляки пользовались этимъ правомъ въ полной мѣрѣ: они часто шумѣли и спорили о томъ, кого назвать Госуда-

ремь даже и тогда, когда умершій король оставлялъ послѣ себя сына, почитаемаго всегда ближайшимъ наследникомъ престола. Такъ случилось и послѣ смерти Августа II: половина Польши не хотѣла слышать о сынѣ его, Августѣ, бывшемъ въ то время Курфирстомъ Саксонскимъ, какъ нѣкогда былъ отецъ его. И зпо происходило отъ того, что Станиславъ Лещинскій, прежній Король Польскій, покровительствуемый Карломъ XII, и попомъ изгнанный изъ Польши Петромъ I—былъ еще живъ; подстрекаемый Франціею, онъ старался всѣми силами завладѣть снова престоломъ—хотя недолго, но все таки нѣкогда принадлежавшимъ ему, и старанія его были тѣмъ успешнѣе, что Король Французскій, Лудовикъ XV былъ женатъ на его дочери, и сколько могъ — помогать намѣреніямъ ея. Министры Лудовика и посланникъ его въ Польшѣ, дѣйствовали такъ удачно, что въ нѣкоторыхъ городахъ Польскихъ, Спа-

ниславъ уже объявленъ былъ королемъ во второй разъ. У Августа были также приверженцы, желавшіе имѣть его Королемъ своимъ, и справедливые другіе, ожидавшіе болѣе счастья отъ сына прежняго Государя своего, нежели отъ Станислава, во всемъ покорнаго волѣ сильнаго Короля Французскаго. Къ несчастію Саксонскаго Курфирста, приверженцы его, не имѣя на сторонѣ своей знаменитѣйшихъ вельможъ, не могли дѣйствовать смѣло одни, и потому просили помощи у Австріи и Россіи. Анна Іоанновна нашла просьбу ихъ очень справедливою и безъ труда согласилась помочь имъ. Это согласіе дано было имъ скорѣе и охотнѣе, чѣмъ Биронъ просилъ о немъ Императрицу, а онъ имѣлъ важную причину для этой просьбы. Тогдашній Герцогъ Курляндскій, Фердинандъ, послѣдній изъ потомковъ знаменитаго Кешлера, о которомъ маленькіе чинашели мои конечно помнятъ, какъ о первомъ Герцогѣ Курляндіи, былъ уже старъ и не

имѣлъ дѣшей. Честнолюбивый Биронъ, избалованный счастьемъ, давно уже скрывалъ въ душѣ своей дерзкое желаніе быть Герцогомъ Курляндіи. Въ Курляндцахъ онъ не сомнѣвался: приказаніе Императрицы, бывшей Герцогини ихъ, заставило бы ихъ избрать его, но на это нужно было также согласіе Короля Польскаго, какъ бывшаго владѣтеля Курляндіи, а Саксонскій Курфирстъ заранѣе обѣщалъ ему это. Стало быть выгоды Бирона соединены были съ успѣхомъ Августа, и это доставило Августу—корону Польскую!

Анна Иоанновна потчасъ отправила въ Польшу 20,000 войска. Начальство надъ нимъ слѣдовало поручить Графу Миниху, какъ старшему изъ генераловъ и Фельдмаршалу, но это случилось въ то самое время, когда Минихъ былъ въ немилости. Хотя и Императрица и Биронъ чувствовали, что прудно замѣнить его другимъ генераломъ, но не хотѣли показать ему этого запрудненія, и по-

шому вмѣсто него отправили генерала Лассія. Однакожь вскорѣ они пожалѣли объ этомъ: хопя Лассій съ помощію Рускаго посланника въ Польшѣ, Графа Левенвольда, и могъ сдѣлать то, что Саксонскій Курфирстъ былъ во многихъ городахъ признанъ Королемъ, подъ именемъ Августа III-го; хопя могъ даже заспавить Станислава съ главными приверженцами его и Французскимъ посланникомъ выѣхать изъ Варшавы и удалиться въ Данцигъ; но не могъ взять этого Данцига, который былъ защищаемъ отчаянно, потому что въ немъ собрались самые усердные приверженцы Станислава. И пакъ, видя что война продолжается безъ рѣшительнаго успѣха около года, Биронъ узналъ необходимость помириться съ Минихомъ и поручить ему начальство надъ войскомъ.

Фельдмаршалъ,—котораго благородное сердце, истинно преданное Россіи, жестоко огорчено было пошереею довѣренности Императрицы, радовался не-

сказанно, возвращенной милости, и съ восхищеніемъ принялъ повелѣніе Государыни въ тотъ же день отправиться къ войску. Съ почностію онъ исполнилъ это повелѣніе, и 25 февраля 1734 года пріѣхалъ къ Данцигу. Однакожь и онъ, привыкшій побѣждать, не могъ скоро покорить этого крѣпкаго, хорошо защищаемаго города: почти чешыре мѣсяца продолжалась осада его и только въ іунѣ мѣсяцѣ была кончена и Данцигъ сдался на условіяхъ: присягнувъ Августу и выдать военноуѣнными всѣхъ находившихся въ немъ Французовъ—приверженцевъ Станислава; самъ же Король успѣлъ убѣжать изъ города за нѣсколько дней до сдачи его. Минихъ былъ очень недоволенъ Данцигскими жишелями за это побѣгъ, и въ наказаніе заставилъ ихъ заплашить вдвое болѣе денегъ нежели сколько полагали взять съ нихъ за убытки, причиненные Россіи этой войною.

Окончивъ съ такою славою походъ свой, Графъ Минихъ награжденъ былъ

искреннѣйшею благодарностію Государины, которой доброе сердце старалось всѣмъ благоволеніемъ своимъ изгладить изъ мыслей вѣрнаго подданнаго воспоминаніе о недавней немилости. Въ то же время любимецъ старался удалить куда нибудь опаснаго соперника. И случай къ тому скоро представился: Франція, чрезвычайно раздосадованная неудачею намѣренія своего, возвести на престоль Станислава, употребляла всѣ усилія, вооружить противъ Россіи сосѣднія съ нею государства. Скорѣе всего, успѣла она склонить къ войнѣ Турцію, которой жители и безъ того часно ссорились съ Рускими за набѣги Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ на границы Россіи. Эти набѣги, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, причиняли столько вреда отечеству нашему, что Императрица, окончивъ войну съ Польшею, рѣшилась просить Турецкаго Султана, остановить грабительства его подданныхъ, или въ противномъ случаѣ, приготовиться къ войнѣ. Султанъ,

какъ будто того и ожидалъ, и война съ обѣихъ сторонъ была объявлена въ 1735 году. Она продолжалась около пяти лѣтъ, и досшавила Фельдмаршалу Миниху громкую, бессмертную славу, но къ несчастію мало выгодъ для Россіи, пошому что Австрія, будучи сначала союзницею нашею, принуждена была потомъ неудачами своихъ генераловъ и убѣжденіями Франціи — заключить съ Турками самый невыгодный для нее миръ при Бѣлградѣ. Послѣ этого мира, Рускіе уже не могли полагаться на Австрійцевъ, которые доказали имъ свое дурное расположеніе, когда нашимъ войскамъ случилось проходить чрезъ ихъ обласпи. Къ тому же и Швеція съ завистію смотрѣла на побѣды Рускихъ и въ Польшѣ и въ Турціи, и все еще съ огорченіемъ вспоминая о Нейштадскомъ мирѣ, искала случаевъ возвращить хотя нѣкоторыя изъ обласпей, потерянныхъ ею въ то время. Когда же, какъ не теперь, могъ представиться самый удобный для по-

го случай? Всѣ войска наши или по крайней мѣрѣ самая лучшая часть ихъ была на югѣ Россіи, гдѣ происходила война. Въ сѣверныхъ провинціяхъ оставалось мало защитниковъ и Шведы могли смѣло напасть на Рускихъ со стороны Финляндіи. Они уже и собирались сдѣлать это, но прежде нежели успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе, оно было проникнуто умнѣйшимъ изъ министровъ Анны Іоанновны, Графомъ Ошерманомъ, и—миръ съ Турками былъ заключенъ. Конечно, онъ не былъ такъ выгоденъ, какъ обѣщали по знаменитыя побѣды Миниха при Перекопѣ, Очаковѣ, Спавучинѣ и Хопинѣ; какъ обѣщали по генію его, уже чертившій планы будущихъ завоеваній своихъ въ самой срединѣ Турціи, но за то Рускіе могли быть увѣрены въ безопасности важнѣйшихъ областей своихъ, гдѣ процвѣтала новая столица ихъ, гдѣ совершались уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ великія намѣренія ея безсмертнаго Ос-

новашеля: они могли теперь защищать драгоценность свою всеми войсками, сражавшимися на границах Турціи. И такъ, колебаться было невозможно, и Графъ Минихъ съ спѣсненнымъ сердцемъ, съ досадою на примирительницъ, — Австрію и Францію — долженъ былъ уступить почти все, что было завоевано имъ, исключая одного Азова, но и въ этомъ послѣднемъ городѣ, надобно было срыть всѣ укрѣпленія.

Однакожь не смотря на невыгодныя для Рускихъ условія этого мира, Турки понимали, чего стоили имъ победы Миниха: съ того времени началось сильное вліяніе Россіи на дѣла Турціи, долго, долго помнившей страхъ, наведенный на нее Фельдмаршаломъ Минихомъ.

Кромѣ этого знаменишаго полководца былъ еще генераль, отличившійся во время Турецкой войны, своимъ искусствомъ и храбростію: это былъ Лассій, о кошоромъ вы уже слышали,

милая дѣти; Лассій, получившій за военныя заслуги свои, не только чинъ Фельдмаршальскій, но даже и Графское достоинство. Въ теченіе пяти-лѣтней войны, ему чаще всего поручалось усмирять Крымскихъ Татаръ, и онъ съ такимъ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, что полуостровъ Крымъ вскорѣ пересталъ быть спраною, страшною для сосѣдственныхъ земель: дерзкіе жипели его не смѣли болѣе возобновлять прежнихъ набѣговъ и спарались сами какъ можно далѣе заходить въ горы, чшобы не попадаться на глаза грозному для нихъ Лассію или его храбрымъ воинамъ.

На Кубанскихъ Татаръ явился также усмиритель: это былъ подвласпный Россіи, Калмыцкій Князь, Дундукъ-Омбо. Онъ не только усмирилъ ихъ, но привелъ даже въ подданство Россіи болѣе 10,000 человекъ ихъ племени.

Такъ въ шумъ побѣдъ протекали годы царствованія Императрицы Анны.

Слава генераловъ Ея удивляла опытнѣйшихъ полководцевъ того времени, проницательный умъ министровъ—кабинеты Европейскіе. Собственное сердце Ея было сострадательно и великодушно, было исполнено маперинской любви къ подданнымъ: стало бытъ, все должно было обѣщать имъ счастье, но вы знаете, милыя дѣши, счастливы ли они были? Здѣсь, всего гореснѣе мысль о томъ, что эта Государыня, крошкя, добродушная, искренно любившая народъ Свой, представлялась ему совсѣмъ въ другомъ видѣ. Всѣ почитали Ее жестокою, надменною, несправедливою, однимъ словомъ, всѣ приписывали Ей пороки ненавистнаго любимца Ея.

Чтобы понять, какъ не заслуживала она это обвиненіе, и какъ сильно было вліяніе Бироца на всѣ поступки Ея, мы посмотримъ на домашнюю жизнь Ея: въ ней, столько же какъ и въ дѣлахъ государственныхъ примѣтно это вліяніе. А для насъ, маленькіе читате-

ли мои, шѣмъ полезнѣе будетъ взглянуть на эпо, что въ описаніи двора Анны Іоанновны и его обыкновеній, мы узнаемъ также нравы и обычаи Ея времени вообще.

ДВОРЪ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

Отъ 1739 до 1740 года.

(Пер. 1 года).

Необыкновенна была картина этого двора! Въ ней соединялось столько противоположностей, что современники и очевидцы не знали чему удивляться болѣе? Прежде всего поражала взоры каждаго Государыня величественная, горделивая по наружности, Государыня, повелѣвавшая однимъ изъ обширнѣйшихъ царствъ на земли, и однакожъ

уступившая слишком много власти своему подданному. Пошомъ, этотъ подданный, еще такъ недавно отвергаемый дворянствомъ Курляндіи—и съ 1757 года — владѣтельный Герцогъ ея, — Герцогъ жестокій, надменный, незнавшій никого равнымъ себѣ! Видя ихъ вмѣстѣ, одинаково важныхъ, одинаково величавыхъ, даже съ одинаковою пышностію одѣтыхъ: Анну Іоанновну — почти всегда въ плащѣ изъ Ліонской парчи или бархата; Герцога — въ богашомъ шиофиомъ кафтанѣ самаго яркаго цвѣта; — на блескъ ихъ окружавшій; на угожденіи, на каждомъ шагѣ ихъ ожидавшія; на безпокойство, которое выражалось во взорахъ Государыни всякой разъ, когда малѣйшее неудовольствіе показывалось на лицѣ Герцога, не лзя было подумать, что царское достоинство принадлежало не этому гордому, могущесивенному чловѣку! И не только самъ онъ занималъ всѣ мысли Императрицы, но точно столько же любви чувствовала Она и

къ его супругъ, дѣтямъ, родственникамъ, однимъ словомъ ко всему что только касалось до него. Это показывалось съ какою хитростию Биронъ умѣлъ поддерживать привязанность къ себѣ Государыни. Не было ни одного благороднаго чувства, которое бы онъ ксшати не старался показать при Ней, чтобъ увѣришь Ее въ своемъ безпримѣрномъ усердіи къ Ней. Привлекательное обращеніе, которымъ онъ прикрывалъ при Ней свои — по обыкновенію, надменные и даже дерзкіе поступки, придавало такую пріятность его сообщенію, что Анна Іоанновна не могла почти ни на минуту разлучаться съ нимъ, и если когда это случалось по необходимости, то жена и дѣти хитраго любимца уже имѣли отъ него тайное приказаніе окружать Анну во все время его отсутствія. Къ несчастію, семейство Бирона состояло изъ людей, недостоинныхъ своего удивительнаго счастья, изъ людей, болѣе или менѣе похожихъ на вицтовни-

ка своей незаслуженной знаменитости. Оба брата Герцога, находившіеся въ Руской службѣ, извѣстны только потому, что они были братья его, которыхъ каждый спарала убѣгать, чтобы не сдѣлаться несчастнымъ: ссора съ ними сопровождалась ужасными слѣдствіями для каждаго, кто имѣлъ ее, а ссорисья они любили оба, и особенно спаршій братъ Карлъ, бывшій генераль-аншефомъ службы нашей. Жена Герцога была также гордая, жестокая, ограниченнаго ума женщина, которая, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое ею при дворѣ, не понимала что есть блескъ, выше блеска бриліантовъ, и казалось, хотѣла имъ ослѣпить глаза всѣхъ и заставитъ уважать себя: во время торжественныхъ праздниковъ придворныхъ, она надѣвала бриліанты въ такомъ множествѣ, что часто заимѣвала нарядъ Императрицы, также очень любившей пышность. Впрочемъ Герцогиня Курляндской не трудно было сіянь бриліаншами: бла-

годаря жадности, съ которою Биронъ — можно сказать, грабилъ доходы государственныхъ, бывшіе въ полномъ его распоряженіи — она имѣла на 2,000,000 рублей драгоценныхъ каменьевъ. Ни тайныя слезы, ни кровь, которою были орошены эти каменья, не потрясли жестокаго сердца жены его, и она при всякомъ случаѣ, щедро украшала ими и себя и дѣшей своихъ. Что касается до сихъ послѣднихъ, то вы удивитесь, милые читатели, когда узнаете, какую судьбу назначали имъ гордые родители ихъ; но къ счастью Россіи, намѣренія ихъ не исполнились и власть Бирона кончилась прежде нежели дѣти его достигли до пѣхъ лѣтъ, когда могли причиняшь сколько же зла, какъ и отецъ ихъ. Но паденіе его еще не такъ близко, милые друзья мои; много еще надобно рассказать вамъ объ этомъ ужасномъ времени — послѣднемъ испытаніи, посланномъ опъ Бога на отечество наше! Обратимся же къ этому

описанію, чтобы скорѣе окончить его.

Мы говорили о дворѣ Императрицы. Послѣ разительной картины, какую представлялъ среди него Биронъ съ семействомъ своимъ, удивительнѣе всего была смѣсь образованности и грубости, отличавшая нравы того времени. На примѣръ, можно ли представить себѣ, что тотъ же самый дворъ, который наканунѣ съ восхищеніемъ слушалъ, какъ лучшіе артисты, выписанные изъ Италіи, разыгрывали прекрасныя оперы своего отечества — на другой день утѣшался кривляньемъ, и глупыми играми карловъ, шупихъ и шуповъ, которые наполняли дворецъ Анны Іоанновны. Между послѣдними были часто люди знатнаго происхожденія, имѣвшіе несчасіе прогнѣвать чѣмънибудь Государыню. Надъ такими Она часто забавлялась. Это случалось когда она уже начинала забывать вину ихъ и желала показать свое благоволеніе. Чтобы дать читате-

лямъ моимъ понятіе о подобныхъ шуткахъ, я расскажу объ одномъ такомъ случаѣ.

Однажды Биронъ предложилъ Государынѣ женить одного изъ шутовъ придворныхъ. Она согласилась. Вотъ приказано было ему выбрать себѣ невѣсту, а одному изъ умнѣйшихъ Кабинетъ - министровъ *) того времени, Оберъ-Егермейстеру Волынскому, распорядись какъ можно лучше праздникомъ, и придумай все что можно было сдѣлать удивительнаго и необыкновеннаго. Зная, что не смотря на всю ничтожность предмета, удачное исполненіе доставитъ удовольствіе Императрицѣ, Волынскій считалъ обязанностію своею внимательно заняться порученнымъ дѣломъ. Весь планъ и распоряженія свадебнаго торжества предоставлены были на волю его, — Госу-

*) Анна Иоанновна вскорѣ по восшествіи своемъ на престоль уничтожила Верховный Совѣтъ, и на мѣсто его учредила *Кабинетъ*.

дарыня объявила только желаніе Свое, чтобы это торжество совершилось въ ледяномъ домѣ.— „Какъ, въ ледяномъ домѣ?“ съ удивленіемъ спросите вы, мои милыя чишапельницы и чишатели. Да, точно, въ ледяномъ домѣ, т. е. въ домѣ, сдѣланномъ изъ льда! Какъ ни велико ваше удивленіе, друзья мои, но это была правда!—Спиранный вкусъ и какая-то суровость сердца отличали по время, достойно названное *Бироновскииъ*. Заставишь несчастную—хопя и шушовскую чешу—дрожать отъ нестерпимаго холода въ чешырехъ ледяныхъ стѣнахъ, никому не казалось жестокошью, и начиная съ Герцога Курляндскаго до послѣдняго изъ поклонниковъ его, всѣ съ удовольствіемъ разсматривали прежде планъ эшого необыкновеннаго дома, сдѣланный искуснымъ архитекторомъ; потомъ ѣздили и ходили смотрѣть постройку его, наконецъ любовались совершенствомъ ошдѣлки, которая въ самомъ дѣлѣ была достойна удивленія. Вообразите, милыя

дѣши, что эпошъ свадебный дворецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, и занималъ 8 сажень въ длину, $2\frac{1}{2}$ въ ширину и 3 въ вышину. Чтобы поспроить его, разрубали ледъ большими квадратными плитами, клали ихъ одну на другую, и для соединенія поливали холодною водою, которая отъ жестокихъ морозовъшой зимы, тотчасъ же замерзала. Всѣ двери, рамы и стекла эпого дома, вся мебель и даже посуда, напр. стаканы, рюмки и множество другихъ вещей, сдѣланы были также изъ чистаго льда! Этого еще мало: дрова въ каминѣ и свѣчи въ шандалахъ были также ледяные, и чтобы удивить еще болѣе — ихъ намазывали нефтью, и по вечерамъ зажигали. Тоже самое дѣлали и съ ледяными дельфинами, поставленными у воротъ: ихъ заставляли выбрасывать изъ пасти огонь отъ зажженной нефти. Шестъ же ледяныхъ пушекъ, на ледяныхъ лафетахъ и колесахъ, и двѣ ледяныя мортиры, окружавшія домъ, не одинъ разъ спрѣляли ядрами!

Волынскій, которому предоставлено было устроитъ свадебный пиръ шута, былъ извѣстенъ *всѣмъ* по уму своему, и *нѣкоторымъ* по своему тайному желанію обнаружилъ предъ Императрицею коварнаго любимца, угнетавшаго народъ Ея. Послѣдствія доказали, что это благодѣтельное намѣреніе не удалось, и напропавъ того, погубило Волынскаго, но во время приготовленій къ свадьбѣ шута, оно еще въ полной мѣрѣ занимало мысли его, и можешь бышь, для того, чтобы показать ослѣпленной Государынѣ, почитавшей себя слабою, безъ помощи Герцога Курляндскаго, все могущество царства Ея и всю многоразличность силъ, его составляющихъ, Волынскій сдѣлалъ планъ необыкновеннаго маскарада. Изъ всѣхъ обласпей Россіи, населенной многими различными племенами народовъ, выписано было по парѣ каждыго. Всѣ они явились въ этотъ маскарадъ, въ богатыхъ одеждахъ своего племени, сдѣланныхъ на счетъ казны, всѣ они плясали

по родной музыкѣ, и даже за обѣдомъ всѣмъ имъ подали по блюдо, которое они предпочпительнѣе любили на родинѣ. Эпошъ обѣдъ былъ приготовленъ въ манежѣ Герцога Бирона, но надобно расказашъ вамъ, милья дѣши, какъ доѣхали шуда эти изъ разныхъ странъ съѣхавшіеся госпи. О! эпошъ поѣздъ стоилъ того, чшобы какойнибудь живописецъ списалъ его. Мы могли бы теперь полюбоваться имъ, и опъ всей души посмѣяться. Предсшавьте себѣ, что онъ начался слономъ, на спинѣ котораго укрѣплена была большая клѣшка, и въ ней сидѣли молодые, т. е. шупъ съ своею невѣстою, шолько что обвинчаные. За ними попарно въ саняхъ ѣхали госпи. Не подумайте, чтобы всѣ эти сани запряжены были лошадьми. Нѣшъ! они запряжены были разными живошными и по большой части шѣми, на которыхъ ѣздили въ той странѣ, откуда была пріѣзжая чета. И такъ впряжены были въ сани и

и олени, и собаки, и быки, и даже козлы и медвѣди!

Послѣ бала, окончившаго эптогъ день, молодые были торжественно отвезены въ ледяной дворецъ ихъ. Однакожь надъ ними скоро сжалились и продержали тамъ не болѣе, какъ нѣсколько часовъ.

Читая описаніе этой свадьбы нельзя не удивляться странностямъ того времени; но это удивленіе еще болѣе увеличится, если прочесть описаніе какого нибудь другаго дня изъ записокъ того же самаго двора, и того же самаго времени. Не хошите ли, милые читатели мои, заглянуть въ нихъ: мы возьмемъ даже время нѣсколькими годами прежде свадьбы шупа: она была въ 1740 году, а мы посмотримъ 1734 годъ.

Въ этомъ году войска наши взяли Данцигъ и Государыня великолѣпно праздновала эту побѣду въ Петербургѣ, въ нашемъ, такъ хорошо извѣстномъ вамъ, Лѣшнемъ саду.

Въ гротѣ сада накрытъ былъ столъ для Императрицы и Ея семейства, въ концѣ же большой аллен другой, подѣ зеленымъ шелковымъ навѣсомъ для госпей, которыхъ было сто пятьдесятъ человекъ мужчинъ и столько же дамъ. Всѣ они получали мѣста по жребію и каждый кавалеръ сѣлъ за столъ подѣ дославшейся ему дамы. Рускія дамы, извѣстныя теперь иностранцамъ, своею образованностію и любезностію, и тогда уже опличались этими качествами. Послушайте, милыя дѣти, какъ и Императрица была любезна въ этотъ день. Вы помните, что при взятіи Данцига, попались къ намъ въ плѣнъ многіе Французскіе офицеры. Плѣнниковъ привезли въ Петербургъ, и Государыня назначила для представленія ихъ день бала въ гротѣ Лѣшняго сада. Всѣ они, какъ люди потерявшіе вмѣстѣ съ родиной всѣ радости свои, отправились на балъ и представленіе свое очень печально. Но

какое же удовольствіе ожидало ихъ тамъ! Анна Іоанновна приняла ихъ какъ самая ласковая и добрая хозяйка; этого еще недовольно: она вошь что сказала начальнику ихъ, Графу Ламонш-пу: „Вы можете быть удивляешесь, что я выбрала такое время для предсшавленія вашего. Французы чрезвычайно дурно обходились съ моими подданными, имѣвшими несчастіе, попасшь въ ихъ руки; и хошя я могла бы нынѣ отмстить за нихъ, но довольствуюсь сдѣланною вамъ пелерь непріятностію. Соотечественники ваши славятся любезностію, и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ, своею бесѣдою досшавяшь вамъ пріятное развлечение.“ Тогда же сказала Она пѣмъ изъ дамъ, копорыя умѣли говорить по Французски, чтобъ онѣ постарались заставишь Французскихъ офицеровъ забышь на эшошь вечеръ о ихъ плѣнѣ. И порученіе Государыни было исполнено такъ хорошо, что одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ на Ея слова, слѣ-

дующими, сказанными ошъ искренняго сердца : „Ея Величество нашла способъ два раза побѣдить насъ ; мы прошивъ воли нашей положили оружіе передъ Ея храбрыми войсками , а теперь сердца наши охотно покоряются прекраснымъ нашимъ побѣдишельницамъ.“

Какая же разница между эпимъ праздникомъ, о которомъ даже просвѣщенные Французы съ восхищеніемъ писали въ отечество , и свадьбою въ ледяномъ домѣ ! Но какъ ни удивительны были эти противоположности , какъ ни тяжелы были иногда увеселенія двора Анны Іоанновны для бѣдныхъ забавниковъ , но можно ли сравнить эту пыгость съ тѣмъ, что терпѣлъ народъ во время жестокаго владычества Бирона, съ тѣмъ, чему подвергались жертвы его. Умъ хитраго корыстолюбца былъ особенно изобрѣтателенъ для случаевъ къ его обогащенію ; онъ старался пользоваться всѣми средствами ; но ни одно изъ нихъ не было для него такъ выгодно, какъ слѣдующее :

Онъ представилъ Императрицѣ необходимость собрать всю государственную *недоимку*: это значить, всѣхъ деньга, какія недоплачены были въ казну людьми плащящими подаши. Надобно сказать маленькимъ читателямъ моимъ, что эта недоимка всегда существуетъ, и Государи наши всегда оказывающъ снисхожденіе къ бѣднымъ людямъ, которые не въ состояніи вдругъ заплатить долгъ свой и приказываютъ взыскивать его безъ всякихъ притѣсненій. Слѣдуя такому примѣру и Анна Иоанновна не думала измѣнять приказаній Своихъ предшественниковъ; но Биронъ, предлагая Ей взыскать недоимку, предлагалъ въ тоже время и самыя легкія средства для этого взысканія. Привыкнувъ одобрять все, что находилъ нужнымъ Герцогъ, Императрица согласилась и въ этотъ разъ на предложеніе его, и съ того времени бѣдный народъ перпѣлъ ужасную участь.

Биронъ началъ съ того, что учредилъ для этого взысканія особенное при-
существенное мѣсто, которое называ-
лось *Доимогнымъ Приказомъ*. Оно по-
лучило самое строгое повелѣніе взыс-
кивать деньги безъ всякихъ ошгово-
рокъ. Зная, что значимъ повелѣніе
Бирона и угрозы его, чиновники При-
каза почто съ такою же строгостію
разсылали указы по областямъ, къ Вое-
водамъ. А Воеводы, не смотря на то,
что были начальники областей, боя-
лись одного имени Бирона, особливо
послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ
сидѣли въ темницахъ за медленное взыс-
сканіе! Послѣ этого, предоставляю вамъ
самимъ, милые чипапели мои, поду-
мать, какъ взыскивалась эта недоимка,
и что терпѣли несчастные, не бывшіе
въ сосіюяніи заплатить ее! Все, что
невинное воображеніе ваше, еще не
привыкшее, къ ужасамъ, можетъ пред-
ставить себѣ, — вѣрно будетъ еще ма-
ло и не дастъ вамъ настоящаго поня-
тія о злобѣ Бирона. Но и я не буду

описывать ее вамъ подробно, довольно сказать, что со времени учрежденія *Дошмогнаго Приказа*, какое-то всеобщее уныніе и ужасъ распространились по всей Россіи! страдали крѣстьяне; терпѣли и помѣщики ихъ. Тѣ и другіе часто умирали или въ темницахъ или въ мученіяхъ пытки. Плачь народа доходилъ до самой столицы, но заглушался въ ней стараніями многочисленной толпы приверженцевъ или лучше сказать — шпионовъ Герцога Курляндскаго. Сіи недостойные люди были такъ искусны въ своемъ низкомъ ремеслѣ, что нельзя было сказать прошивъ Бирона ни одного слова, котораго бы онъ не узналъ! Огромныя суммы денегъ раздаваемые донощикамъ, увеличивали число ихъ, и вскорѣ разорвали почти всѣ связи родства и дружбы: многія, спасая себя, предавали родственниковъ и знакомыхъ своихъ, измѣняли обѣщаніямъ, рѣшались на все, чтобы только избавиться отъ ужаса, попавъ въ руки шпионовъ Бирона! Но часто все это

не помогало, и несчастные погибали, сдѣлавъ своимъ никакимъ поступкомъ только то, что нѣсколько новыхъ жертвъ гибло вмѣстѣ съ ними.

Такъ спрдадалъ народъ, и Государыня, исполненная безпредѣльной довѣренности къ любимцу своему, ничего не знала о томъ, и если иногда доходили до Нее какіе нибудь невыгодные для него—слухи, Она никогда не вѣрила имъ, и пошчасъ же рассказывала о нихъ со всѣми подробностями Бирону, копорый, разумѣется, находилъ всегда средства и оправдаться и наказать дерзкихъ, осмѣлившихся думать о его низверженіи. Въ числѣ такихъ жертвъ мщительности Герцога Курляндскаго, былъ и пошъ Кабинетъ-министръ Волинскій, о кошоромъ чашапелл мои уже слышали нѣсколько: онъ заплашилъ жизнью за свое покушеніе обнаружитъ Бирона. Но его ли только судьба — служила доказательствомъ могущества этого злобнаго духа—губителя Рускихъ, въ теченіе десяти

лѣтъ? Нѣтъ, не только многіе знатнѣйшіе роды вельможъ гибли, или были сосланы въ это время, но даже всѣ члены семейства Императорскаго были болѣе или менѣе въ зависимости Бирона. Главное лице изъ нихъ представляла молодая племянница Государыни, дочь сестры ея, Герцогини Мекленбургской, принцесса Екатерина. Она привезена была двѣнадцати лѣтъ ко двору Анны Иоанновны, и съ того времени носился въ народѣ слухъ, что Императрица вдовствующая и уже нѣсколько разъ отказывавшаяся отъ втораго супружества назначаетъ своею наслѣдницею эту единственную дочь родной сестры своей, и послѣднюю отрасль поколѣнія Голнна Алексеевича. Этотъ слухъ еще болѣе подтвердился потомъ, когда маленькая принцесса приняла Греческую вѣру, когда ее назвали по имени Императрицы — Анною, и наконецъ уже начали говорить о выборѣ супруга для нее. Дворы Австрійскій и Прусскій наперерывъ ис-

кали чести представить жениха для такой знаменитой невѣсшты, и первый одержалъ побѣду: племянникъ Императрицы Австрійской, принцъ Брауншвейгскій, *Антонъ Ульрихъ*, былъ назначенъ женихомъ молодой принцессы и въ 1733 году пріѣхалъ для того въ Петербургъ. Но что значило общее согласіе обоихъ дворовъ, что значила воля самой Императрицы, желавшей этого брака, передъ замыслами честолюбца, который считалъ все возможнымъ для себя. Въ головѣ его мелькнула дерзкая мысль, что и сынъ его могъ бы быть достойнымъ женихомъ принцессы Аннѣ, и принцъ Брауншвейгскій прожилъ болѣе шести лѣтъ въ Россіи, напрасно ожидая дня своей свадьбы. Наконедь въ 1739 году новыя старанія Австрійскаго двора заставили Императрицу рѣшиться прежде нежели Биронъ привелъ къ концу свой смѣлый планъ и свадьба принцессы совершилась того же года, 5 іюля, со всѣмъ

великолѣпіемъ, которое Анна Іоанновна очень любила.

Не думайте однакожь, милыя дѣти, чтобы Герцогъ Курляндскій спокойно разстался съ намѣреніемъ, болѣе шести лѣтъ его занимавшимъ. Нѣтъ, наружное спокойствіе его на свадьбѣ Герцога Брауншвейскаго, означало какіе нибудь новые замыслы, таившіеся въ головѣ его. Нельзя было узнать ихъ, потому что хитрецъ умѣлъ быть скромнымъ, но можно было догадываться нѣсколько по разговорамъ придворныхъ: послѣ свадьбы принцессы Анны уже никто не называлъ ее наследницею престола, но только матерью будущаго Наслѣдника, потому что Императрица торжественно объявила, что отдастъ престоль одному изъ будущихъ сыновей Своей племянницы.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ

и

РЕГЕНТЪ ЕГО.

1740 годъ.

12 Августа 1740 года Анна Іоанновна имѣла радость увидѣть этого Наслѣдника: у Принцессы Анны—которую послѣ крещенія называли великою Княгинею *Анною Леопольдовою*, родился сынъ, *Іоаннъ*.

Императрица, съ нѣжностію матери, приняла новорожденного въ объятія свои и по какому-то предчув-

ствію, уже тогда такъ беспокоилась о будущности его, что послала къ одному изъ ученѣйшихъ членовъ Академіи наукъ, Вольфгангу Крафту, спросить о судьбѣ новорожденного, которую тогда, еще считали возможнымъ предсказать по звѣздамъ. Здѣсь къшаши сказапъ маленькимъ чипа-пелямъ моимъ, что Императрица Анна Іоанновна была очень набожна, и даже нѣсколько суевѣрна. Она вѣрила предсказаніямъ и любила астрологовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нихъ, по имени Бухнеръ, предсказалъ Ей однажды, что она взойдетъ на престоль. Хотя предсказанія бывають обыкновенно ложны, но случай допустилъ, что и гаданіе Вольфганга Крафта сбылось, и несчастія, предсказанныя Іоанну Антоновичу, въ послѣдствіи совершились. Это царствен-ное дитя, названное Императоромъ при самомъ рожденіи своемъ, было точно несчастливо! Казалось даже, что оно принесло съ собою несчастіе

и для всего семейства Царскаго. Государыня, вскорѣ занемогла и 6 октября — прежде нежели малюпкъ исполнилось два мѣсяца—Она упала въ сильный обморокъ, садясь за обѣдъ, а 17-го тогожъ мѣсяца скончалась въ ужасныхъ спраданіяхъ, опъ припадковъ подагры и каменной болѣзни. Такая смерть при 46-ти лѣтнемъ возрастѣ Императрицы не могла не назваться преждевременною, но Она не соснавлала еще главнаго несчастія маленькаго Императора: главное—заключалось въ гореспной судьбѣ родителей Его, оставленныхъ Анною Іоанновною въ совершенной зависимости опъ Бирона. Этопъ коварный человекъ умѣлъ и послѣ смерти Государыни удержашъ при себѣ неограниченную власть свою, и вопъ какимъ образомъ.

Въ топъ самый день, какъ Императрицѣ сдѣлалось дурно за обѣдомъ и какъ Она почпи безъ чувствъ еще, лежала окруженная врачами, испуганный Биронъ уже послалъ за важнѣйшими

мзъ вельможъ: Графомъ Минихомъ, двумя Кабинетъ — министрами, Княземъ Черкасскимъ и Беспужевымъ, и Оберъ-гофъ-маршаломъ, Графомъ Левенвольдомъ. Съ припворнымъ опчаяніемъ и слезами описалъ онъ имъ горестъ свою о томъ несчастномъ состояніи, которое угрожаетъ Россіи послѣ кончины Императрицы, оставляющей наследникомъ трона двухмѣсячнаго младенца. Искусно представялъ онъ какихъ опасностей надобно ожидать и отъ Шведовъ, которые вѣрно воспользуются случаемъ, чтобы напасть на Россію, и отъ народа, уже не одинъ разъ показывавшаго непокорность свою во времена малолѣтства Государей, и отъ вліянія родителей и родственниковъ маленькаго Императора на дѣла государственныя. Въ заключеніе, заботливый Герцогъ сказалъ, что единственное средство для отвращенія отъ Россіи всѣхъ этихъ несчастій, состоитъ въ томъ, чтобы ввѣрить правленіе какой особѣ, которая бы, кромѣ опытности

въ дѣлахъ, имѣла твердость духа, необходимую для обузданія враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Вы вѣрно догадаетесь, милыя дѣти, что такою особою Герцогъ считалъ не другаго кого, какъ самаго себя. Четверо слушателей его догадались объ этомъ еще скорѣе васъ, но только двое усерднѣйшіе приверженцы его, Князь Черкасскій и Беспугевъ подтвердили мысль его, и поспѣшася же сказали, что кромѣ Его Свѣтлости *) не знаютъ никого доспойнѣе управлять Рускимъ царствомъ. Графы Минихъ и Левенвольдъ чувствовали всю несправедливость этихъ словъ и потому не такъ скоро рѣшились сказать свое мнѣніе, однакожь, видя, что всякое противорѣчіе было бы напрасно, и можетъ быть погубило бы ихъ въ послѣдствіи, принуждены были также согласиться, и поспѣшася же оправдывали.

*) Биронъ какъ Герцогъ имѣлъ титулъ *Свѣтлости*; въ послѣдствіи же, во время своего регентства, онъ пользовался даже титуломъ *Высочества*.

ся къ одному изъ главныхъ товарищей ихъ и на эшопъ разъ по дѣйствительной болѣзни не пріѣхавшему на тайное совѣщаніе, — къ Графу Остерману. Подробно рассказавъ ему обо всемъ что происходило во дворцѣ, они именовъ Бирона просили его приготовить на другой день два манифеста, одинъ о наслѣдникѣ, еще необъявленномъ всенародно; другой о Правителѣ, который долженъ быть опекуномъ его и управлять всѣми дѣлами государства до семнадцатилѣтняго возраста Императора. Графъ Остерманъ, никогда не любившій ни съ кѣмъ ссориться и хитроспѣю нрава удержавшійся на своемъ мѣстѣ въ продолженіе шести царствованій, видѣлъ необходимость согласиться съ желаніемъ Бирона, и на другой же день, больной, явился во дворецъ съ двумя манифестами. Первый — о Наслѣдникѣ престола — Императрица подписала тотчасъ, но второй нѣсколько дней держала подъ изголовьемъ своимъ. Болѣзненные спраданія Анны Іоанновны не имѣли

вліянія на Ея умствєнныя способности; напрошивъ того, онѣ, казалось, были свѣтлѣе нежели прежде. Биронъ уже не могъ съ прежнею скоростію преклонять ее на свои желанія, и не смотря на всѣ предспавленія его, умирающая Государыня чувствовала, что маленькій Императоръ могъ быть подъ опекою только у родителей своихъ, и потому никакъ не соглашалась назначить Бирона *Регентомъ*, т. е. опекуномъ Государя и правителемъ государства. Но недостойный Герцогъ Курляндскій употреблялъ столько стараній и хитростей, что наконецъ успѣлъ, и Анна Іоанновна, уже изнуренная предсмертными мученіями, уже можетъ быть не имѣвшая полного понятія о томъ, что дѣлала, подписала гибельный актъ, предавшій народъ Ея жесточайшему врагу его, подписала указъ о регентствѣ Бирона!

Вы можете вообразить, милые читатели мои, какъ еще увеличилась власть этого ужаснаго чловѣка надъ

Россіей съ той минуты, какъ онъ сдѣлался ея Правителемъ! Можете вообразить, что терпѣла она! Но благодаря Бога, всегда благодѣтельно управляющаго міромъ и всѣми живущими въ немъ, это ужасное регентство было не продолжительно! Прошло не болѣе трехъ недѣль и грознаго правителя уже не было, и онъ готовился уже получить награду за множество злодѣяній своихъ!

Человѣкъ, осмѣлившійся воспануть на дерзкаго и побѣдить его, былъ можетъ быть столько же честолюбивый, столько же желавшій возвыситься, но вовсе не столько жестокій и несправедливый—Фельдмаршалъ Минихъ. Помогая намѣреніямъ Бирона при кончинѣ Императрицы. Минихъ думалъ, что могущественный Правитель подѣлился съ нимъ безпредѣльною властью своею; но замѣтивъ съ первыхъ дней, что Регентъ хочетъ повелѣвать одинъ не только всѣми подданными Императора, но даже и самыми Родителями

его, — Минихъ началъ думать о томъ, какъ бы поправить ошибку спую и избавить всѣхъ отъ общаго гонителя. Лучшее средство къ тому могла доставить ему только та, которой по всѣмъ правамъ принадлежало первое мѣсто въ государствѣ — только Родительница Императора, и Она тѣмъ скорѣе могла сдѣлать это, что каждый день вмѣстѣ съ супругомъ Своимъ, переносила жестокія оскорбленія отъ гордаго Правителя, Графъ Минихъ, пользовавшійся его довѣренностію, и исполнявшій важнѣйшія порученія его, часто приходилъ къ Великой Княгинѣ съ разными приказаніями и заставлялъ ее почти всегда въ горесипи о несчастной судьбѣ своей. Въ одно изъ такихъ посѣщеній эта молодая и извѣстная добрымъ сердцемъ своимъ Принцесса, съ горькими слезами объявила Фельдмаршалу, что будучи не въ соспояніи болѣе переносить дерзости Бирона, она рѣшается уѣхать съ супругомъ и сыномъ въ Германію, и жить тамъ до совершеннолѣтія по-

слѣдняго. Только этой минутой и ожидалъ Минихъ: сильное огорченіе Принцессы ручалось ему за Ея согласіе на все, и онъ сказалъ Ей, что она, какъ мать Императора, не только имѣетъ право, но даже обязанность дѣйствовать рѣшительно для освобожденія подданныхъ Его отъ несчастій, какія они терпятъ отъ самовласціи Регента. Первымъ шагомъ къ тому было арестованіе Бирона, и Минихъ бралъ на себя это трудное, казавшееся невозможнымъ дѣло.

Анна Леопольдовна, крошквая, нечестолюбивая и боязливая, какъ женщина, проведенная первую молодость свою въ чрезвычайной зависимости, *) сначала испугалась смѣлаго предложенія Фельдмаршала, но его всѣмъ извѣстная твердость и благоразуміе, мысль о счастіи, которое всегда со-

*) Императрица Анна Иоанновна приказывала всегда имѣть самый строгій надзоръ за малѣйшими поступками Своей племеницы.

провождало его намѣренія и всего болѣе, мысль о томъ унизипельномъ положеніи, до котораго доводилъ Ее и супруга Ея надменный Биронъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ принудившій Принца Ульриха отказаться отъ всѣхъ военныхъ должностей его и даже запретившій ему выѣзжать нѣсколько времени изъ дворца, все это вмѣстѣ произвело такое сильное вліяніе на молодую Княгиню, что она съ необыкновенною Ей рѣшительностію согласилась на предложеніе Миниха, и предоставила ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ найдетъ лучше.

Минихъ не хотѣлъ откладывать до другаго дня и въ ту же самую ночь рѣшился схватить Правителя. Осторожный Фельдмаршалъ имѣлъ для того важныя причины: въ этотъ день былъ въ караулъ Преображенскій полкъ, находившійся подъ личнымъ его начальствомъ, и слѣдовательно болѣе другихъ ему преданный. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро объявилъ онъ о своемъ намѣре-

ніи въ караульнѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ Императоръ и его Родители, всѣ офицеры и солдаты съ жаромъ поклялись исполнить его желаніе, чего бы оно ни стоило имъ. Тоже самое усердіе встрѣшилъ онъ и въ томъ опрядѣ, который стоялъ на караулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ Биронъ, и гдѣ еще выставлено было со всею приличною пышностію шло Императрицы. И такъ, безъ всякихъ затрудненій, даже безъ малѣйшаго шума, но посреди ночной тишины, Адъютантъ Фельдмаршала, Подполковникъ Манштейнъ, и съ нимъ 20 человекъ солдатъ, взятыхъ опъ караула Зимняго дворца, дошли до самой спальни Герцога Курляндскаго. Разбуженный голосомъ Манштейна опъ глубокаго сна, несчастный началъ было кричать изъ всей силы. Но что могли сдѣлать эти крики? Триста человекъ дворцоваго караула были преданы Фельдмаршалу, и не прогаясь съ мѣста ожидали приказаній его, между тѣмъ какъ самъ онъ съ шестидесятью поварища-

ми ихъ стоялъ у самаго въѣзда дворца! Все было кончено въ нѣсколько минутъ: Герцогъ, полуодѣтый, въ накинутой на него солдатской шинели, посаженъ въ карету Графа Миниха, и отвезенъ на гауптвахту Зимняго дворца. Въ ту же ночь взяты были и братья его, Густавъ Биронъ, и болѣе всѣхъ преданный ему Кабинетъ-министръ, Графъ Беспужевъ.

Страшна была эта ночь для крошечной души Принцессы Анны Леопольдовны! Привыкнувъ всегда спрашиваться Бирона *) она приходила въ ужасъ отъ одной мысли о неудачѣ Миниха, и все время отсутствія его провела въ томительной тоскѣ у колыбели Императора, почивавшаго сномъ ангельскаго спокойствія, въ то самое время, какъ въ судьбѣ его совершалась такая важная перемена. Она совершилась и Принцес-

*) Фельдмаршалъ Минихъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что онъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ какъ дрожала Принцесса, когда Биронъ приходилъ къ ней.

са съ восторгомъ и неизъяснимою благодарностію встрѣпила своего избавителя. Онъ первый имѣлъ по всей справедливости принадлежавшую ему честь поздравить Ее, и назвать *Правительницею* Государства.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ч Е Т В Е Р Т О Й Ч А С Т И :

	стр.
Рожденіе Петра I-го	1.
Царь Θεодоръ Алексіевичъ	18.
Петръ, десяти-лѣтній Царь Россіи	31.
Царевна Софія Алексіевна и Стрѣльцы	49.
Петръ, единодержавный обладатель Россіи	71.
Начало Рускаго флота и первая побѣда Петра	91.
Путешествіе Петра въ чужіе краи и послѣдній бунтъ Стрѣльцовъ	119.
Новые обычаи и война съ Швеціей	147.
Новая столица, новыя крѣпости и гавани	171.
Измѣнникъ Мазепа и битва Полтавская	197.
Царница Екатерина	219.
Праздники и увеселенія Петербургскіе	245.
Новое путешествіе Петра въ чужіе краи, и Царе- вичъ Алексій	261.
Миръ съ Швеціею и Петръ Императоръ	278.
Послѣдніе походы и дѣла Петра I	295.
Кончина Петра Великаго	314.
Императрица Екатерина I	325.
Партъ II . Князь Меншиковъ	333.

	Стр.
Долгорукіе.	349.
Императрица Анна Іоанновна.	369.
Биронъ	372.
Войны съ Польшею и Турціею	386.
Дворъ Императрицы Анны	399.
Императоръ Іоаниъ и Регентъ Его	421.

